

Следственный комитет Российской Федерации
Академия Следственного комитета Российской Федерации

Соотношение
национального и международного права
по противодействию
национализму, фашизму и другим
экстремистским преступлениям

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной выдающемуся российскому ученому
Николаю Сергеевичу Алексеву

(Москва, 30 октября 2015 г.)

Под редакцией
Председателя Следственного комитета Российской Федерации
Заслуженного юриста Российской Федерации
доктора юридических наук, профессора
генерал-полковника юстиции **А.И. Бастрыкина**

Москва • 2015

УДК [343.34:341.48](063)
ББК 67.408.131я431+67.911.15я431
С63

Редакционная коллегия:

А.М. Багмет — и.о. ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации, Почетный сотрудник Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции
В.В. Бычков — ученый секретарь Академии Следственного комитета Российской Федерации, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

С63 **Соотношение** национального и международного права по противодействию национализму, фашизму и другим экстремистским преступлениям: материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. выдающемуся российскому ученому Николаю Сергеевичу Алексееву (Москва, 30 октября 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 239 с.

ISBN 978-5-238-02793-7

Агентство СІР РГБ

Сборник сформирован по материалам выступлений на Международной научно-практической конференции, проходившей в Академии Следственного комитета Российской Федерации 30 октября 2015 года.

Представляет интерес для юристов — ученых и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идейные взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

ББК 67.408.131я431+67.911.15я431

ISBN 978-5-238-02793-7

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2015

Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания (Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ). Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

Угрозы экстремизма в России и роль Следственного комитета Российской Федерации в противодействии экстремизму

В последнее время усилились попытки западных стран исказить историческую роль Нюрнбергского процесса и тем самым подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны, оправдать нацистов, их пособников и совершенные ими злодеяния.

Международный военный трибунал, учрежденный в соответствии с Лондонским соглашением четырех союзных держав от 8 августа 1945 г., определил гитлеровскую Германию как государство, виновное в развязывании Второй мировой войны, и осудил ее авантюристскую, вероломную политику и расистскую идеологию. Он вошел в историю человечества как Суд народов над руководителями нацистской Германии, создав прецедент подсудности международному трибуналу высших чиновников, политических и военных деятелей государства-агрессора.

Нюрнбергский процесс сыграл исключительно важную роль в развитии современного международного права. Принципы, признанные Уставом Международного военного трибунала и подтвержденные в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. и от 27 ноября 1947 г., легли в основу послевоенных международно-правовых документов, направленных на предотвращение развязывания войн, совершения военных преступлений, актов геноцида, пыток и других жестокостей, а также на неприменимость срока давности к военным преступлениям и к преступлениям против человечества.

Приговор Нюрнбергского трибунала сохраняет свою актуальность и сегодня, когда все чаще предпринимаются попытки пересмотреть историю Второй мировой войны, отмечается стремление возложить вину за ее развязывание не только на гитлеровскую Германию, но и на Советский Союз, подвергшийся вероломному нападению и внесший решающий вклад в разгром немецко-фашистских агрессоров. И это несмотря на то, что в конституции стран, в кото-

рых последователи фашизма находились у власти, были внесены положения, напрямую запрещающие эту идеологию, а в уголовные законы таких стран введена жесткая уголовная ответственность за эти деяния.

В п. 4 ст. 46 Конституции Португалии о праве граждан на объединение признаются недопустимыми организации, которые придерживаются идеологии фашизма. В Австрии временное коалиционное правительство 8 мая 1945 г. приняло конституционный закон о запрете фашизма, который действует и в настоящее время. В нем предусмотрены уголовные наказания, вплоть до пожизненного лишения свободы. В ФРГ в 1952 г. Федеральный конституционный суд признал антиконституционной и запретил Социалистическую имперскую партию как правопреемницу НСДАП. В ФРГ помимо конституционного запрета фашизма, уголовный закон содержит ряд статей, устанавливающих уголовную ответственность за продолжение деятельности запрещенной организации, попытку ее воссоздать либо создать заменяющую ее организацию, за распространение пропагандистских материалов такой организации, а также за использование ее символики. Эти статьи должны применяться к партиям и объединениям нацистской и неонацистской направленности. В Италии осуждение фашизма его запрет зафиксированы в переходных и заключительных постановлениях Конституции 1947 г.: «Запрещается восстановление в какой бы то ни было форме распущенной фашистской партии». Статья 13 Конституции запрещает создание тайных обществ и объединений, которые хотя бы косвенно преследуют политические цели посредством организаций военного характера. В ноябре 1947 г. Учредительное собрание Италии приняло закон о запрещении фашистской деятельности, который также предусматривает тюремное заключение за пропаганду фашизма. В 1952 г. принят закон о запрете неонацистской деятельности и организаций типа партии Итальянское социальное движение. Впервые он был применен в 1973 г. по делу 40 членов неонацистской организации «Новый порядок», 30 из которых были приговорены к различным срокам лишения свободы. В 1974 г. против членов неонацистской организации «Национальный авангард» было возбуждено более 100 уголовных дел.

Вместе с тем в странах постсоветского пространства предпринимаются попытки «переписать» историю, причем не только историками, но и представителями правовой системы.

Ярким примером тому явилось дело «Кононов против Латвии», в котором Большая палата Европейского Суда по правам человека в Страсбурге не нашла нарушений в действиях Верховного Суда Лат-

вии, признавшего виновным советского партизана Великой Отечественной войны Василия Кононова «в геноциде и преступлениях против человечности» за убийство девяти пособников нацистов на территории Латвии в 1944 г. А ведь именно благодаря таким как Кононов Латвия и другие страны Европы были освобождены от гитлеровских оккупантов.

Другая, помимо фашизма, наиболее опасная идеология насилия — терроризм во всех его проявлениях является одной из глобальных проблем, решение которой невозможно без объединения усилий различных государств.

Важную роль в формировании международной правовой основы борьбы с терроризмом сыграли Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (Принята 9 декабря 1994 г. Резолюцией 49/60 на 84-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН); международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 9 декабря 1999 г.; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 15 июня 2001 г.; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 16 мая 2005 г.

В нашей стране предприняты существенные усилия по совершенствованию антитеррористического законодательства. Значительной вехой в его развитии стало принятие Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который установил основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Принятие названного Федерального закона повлекло масштабную модернизацию уголовного законодательства в данной сфере.

Здесь следует подчеркнуть, что с момента образования Следственный комитет неоднократно поднимал вопрос об усилении уголовной ответственности за экстремизм и о более эффективном использовании для противодействия экстремистам средств массовой информации.

В итоге в Уголовный кодекс внесены поправки, ужесточающие уголовную ответственность за экстремистские преступления, вступил в силу закон о блокировке экстремистских сайтов, введена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма, а 28 ноября 2014 г. Президентом Российской Федерации утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации.

Кроме того, по инициативе Следственного комитета и ФСБ России в ноябре 2013 г. принят Федеральный закон (от 2 ноября 2013 г. № 302-03), которым Уголовный кодекс Российской Федера-

ции дополнен нормами, устанавливающими уголовную ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205 прим. 3 УК РФ); за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205 прим. 4 УК РФ); за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205 прим. 5 УК РФ).

Следует отметить, что эти статьи Уголовного кодекса уже активно применяются.

Так, 28 октября 2015 г. Лефортовский суд г. Москвы арестовал студентку МГУ Караулову (сменившую фамилию на Иванову) за пособничество (ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.5 УК РФ) в вербовке граждан России в ряды боевиков запрещенной в Российской Федерации террористической организации «Исламское государство».

Этим Федеральным законом также установлено, что возмещение вреда (включая моральный вред), причиненного в результате террористического акта, осуществляется за счет средств лица, совершившего террористический акт, а также, что очень важно — за счет средств его близких родственников и близких лиц при наличии данных о том, что деньги и ценности получены ими в результате террористической деятельности и являются доходом от такого имущества.

Это далеко не полный перечень изменений уголовного законодательства, которые со всей очевидностью показывают, что противодействие терроризму как наиболее опасному проявлению экстремизма является одним из современных направлений уголовной политики России.

В мире происходят сложнейшие процессы и явления, направленные на модернизацию международного права. Это отчетливо проявилось в острых дискуссиях на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, посвященной 70-летию со дня ее образования.

Эта сессия начала работу 28 сентября 2015 г. с призыва главы нашего государства к мировому сообществу о сотрудничестве в вопросах безопасности и совместном противодействии хаосу и террору, которые несет «чума XIX века» — так называемое Исламское государство.

В этих условиях главный ориентир для нас — как можно теснее связывать работу в области международных отношений с решением вопросов безопасности страны, максимально приблизить ее к реальным нуждам и интересам граждан нашего государства.

Именно поэтому Следственный комитет строит свою работу исходя из необходимости создания обстановки безопасности для на-

ших граждан, пресечения экстремизма, террористических вылазок, других особо опасных преступлений.

И понимая всю угрозу подобных преступлений, мы ужесточили применение уголовно-правовых мер.

Так, в текущем году следственными органами Следственного комитета возбуждено 440 уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности (+38%). В суд направлено 241 дело, в том числе 7 — по фактам организации экстремистских сообществ и организаций. И по многим таким делам уже состоялись судебные решения.

Например, Свердловским областным судом к 10 годам лишения свободы приговорен организатор экстремистского сообщества «Фольксштурм», причастный к убийству двух и покушению на убийство семи человек. А в апреле и июле 2015 г. вынесены суровые приговоры (вплоть до пожизненного лишения свободы) организаторам и участникам экстремистского сообщества «Боевая организация русских националистов», на счету которой десятки особо тяжких преступлений, в том числе убийства судьи Мосгорсуда Эдуарда Чувашова, адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой (за которое уже ранее осуждены Тихонов и Хасис). Горячеву, Исаеву, Баклагину назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, Волкову в виде 24 лет лишения свободы.

Помимо этого, Следственным комитетом возбуждено 104 уголовных дела о преступлениях террористического характера, в суд направлено 50 таких дел.

Так, приговором Верховного Суда Республики Татарстан к длительным срокам лишения свободы осуждены пять членов экстремистского сообщества «Ат-Такфир Валь-Хиджра», которые готовили террористический акт путем подрыва железнодорожных путей.

Кроме того, следователями Главного следственного управления по Северо-Кавказскому федеральному округу совместно с сотрудниками ФСБ России избличены шесть участников банды так называемого Хасавюртовского сектора, совершившие теракт около здания МВД России в г. Пятигорске в 2013 г. Приговором суда они осуждены к длительным срокам лишения свободы.

А 15 октября 2015 г. в суд Ханты-Мансийского автономного округа нами направлено уголовное дело в отношении двух диверсантов, которые готовили теракты в регионе. Обвиняемые — сторонники террористической группировки, именующей себя «Исламским государством» попытались в апреле 2014 г. взорвать автомобиль, начиненный взрывчаткой, рядом с мечетью города Пыть-Ях, а за-

тем один из них оказал вооруженное сопротивление полицейскому патрулю и захватил заложников в г. Нижневартовске (в настоящее время один из террористов (Амиралиев) находится на территории Украины, но запрос на выдачу его российской стороне так и остался без ответа).

О том, что террористы так называемого «Исламского государства» всячески пытаются распространить свое влияние в России свидетельствуют также факты задержания сотрудниками ФСБ России 11 октября 2015 г. в г. Москве и 16 октября 2015 г. в Краснодарском крае групп лиц, которые планировали по инструкции ИГИЛ взорвать объекты общественного транспорта с помощью изъятых у них самодельных взрывных устройств.

При нейтрализации такого рода экстремистских и террористических структур ФСБ России и Следственный комитет действуют максимально решительно и оперативно, сосредотачивая силы на наиболее проблемных участках.

Вместе с тем следует отметить, что до настоящего момента не решен положительно вопрос об установлении уголовной ответственности юридических лиц, что могло бы существенным образом способствовать повышению эффективности борьбы с терроризмом.

В Следственном комитете подготовлен законопроект о введении уголовной ответственности юридических лиц, без которой невозможно экстерриториальное уголовное преследование иностранных организаций, финансирующих терроризм, спонсирующих дестабилизацию политической обстановки, а также другие транснациональные преступления, совершаемые на территории России. Без этого института невозможна и репатриация капитала, нажитого преступным путем и выведенного за рубеж.

Так, 23 марта 2015 г. заместитель Председателя Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Александр Ремезков внес в нижнюю палату законопроект, предусматривающий введение указанного института (уголовной ответственности юридических лиц).

Проект закона предусматривает дополнение законодательства России системой правовых норм, образующих в своем единстве институт уголовной ответственности юридических лиц.

Он включает в себя положения, определяющие основание уголовной ответственности юридических лиц, круг организаций, подлежащих уголовной ответственности, виды наказаний, применяющихся в отношении виновных организаций, основание освобождения их наказаний, правовые последствия осуждения юридических лиц, а также уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный механизм реализации соответствующих уголовно-правовых норм.

Предполагается, что уголовная ответственность юридических лиц будет наступать по ряду статей Уголовного кодекса, в частности, за террористический акт, массовые беспорядки, нарушение правил международных полетов, насильственный захват власти, вооруженный мятеж, диверсию, организацию экстремистского общества.

Такие виды наказаний как запрет на осуществление деятельности на территории России, а также принудительная ликвидация определяются в проекте закона в качестве исключительных мер наказания, которые могут быть назначены юридическому лицу, причастному к особо тяжкому преступлению, при невозможности применения к нему более мягкого вида наказания с учетом тяжести совершенного деяния, а также характера наступивших последствий.

Безусловно, установление уголовно-правовых запретов для организаций, а также адекватных санкций за их нарушение позволит создать эффективный механизм противодействия преступности юридических лиц, под которым понимается совокупность преступлений, совершенных в интересах юридических лиц либо с использованием финансовых и иных возможностей юридических лиц.

К сожалению, в настоящее время мир нуждается в защите от агрессивных устремлений некоторых недалёковидных политиков.

В августе 2008 г., как вы знаете, было совершено нападение грузинских вооруженных формирований на Южную Осетию. Следственный комитет по поручению Президента Российской Федерации осуществлял расследование этих трагических событий.

Уже с первых дней агрессии в город Цхинвал выехала группа следователей и криминалистов общей численностью 125 человек, незамедлительно приступившая к производству конкретных процессуальных действий, которые выполнялись практически в условиях боевых действий.

В ходе расследования признаны потерпевшими более пяти тысяч человек из числа гражданского населения республики и российских военнослужащих, допрошено свыше одной тысячи свидетелей, показания которых подтверждают факты геноцида в отношении национальной группы осетин — граждан Российской Федерации.

Задokumentированы многочисленные нарушения грузинской стороной международных договоров о принципах урегулирования грузино-югоосетинского конфликта, норм международного гуманитарного права и общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

В частности, установлено, что в ходе военной агрессии использовалось вооружение, запрещенное Женевской конвенцией о защи-

те гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. и Женевской конвенцией о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 октября 1980 г..

При вторжении грузинские вооруженные формирования целенаправленно обстреливали из тяжелых видов вооружений, в том числе систем залпового огня «Град», медицинские учреждения города Цхинвал, подвалы жилых домов и церквей, в которых укрывались мирные безоружные жители. Зверствовали и вели прицельный огонь по беженцам — женщинам, старикам и детям, пытавшимся покинуть зону боевых действий.

Последствиями вероломного вооруженного вторжения стали убийства 162 мирных жителей Южной Осетии, а также причинения вреда здоровью различной степени тяжести 255 гражданам республики. Разрушено 655 жилых домов, 36 тысяч мирных жителей превратились в беженцев. В результате военной агрессии Грузии погибло 10 военнослужащих российского миротворческого батальона, причинен вред здоровью различной степени тяжести 40 военнослужащим-миротворцам, полностью уничтожена инфраструктура российского миротворческого контингента, чем нанесен значительный имущественный ущерб Российской Федерации. Кроме того, в ходе операции по принуждению Грузии к миру 243 военнослужащим причинен вред здоровью различной степени тяжести, 1 пропал без вести, убито 54 военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

Во исполнение поручения Президента Российской Федерации на основе собранных в ходе расследования материалов при участии Следственного комитета Российской Федерации была подготовлена и издана Белая книга преступлений, совершенных грузинской стороной в Южной Осетии в августе 2008 г., раскрывающая мировому сообществу подлинную картину осетинской трагедии и миротворческую роль России в пресечении преступлений против мира и безопасности человечества.

Собранные в ходе расследования доказательства, масштабы вооруженной агрессии, заблаговременная и тщательная военная, политическая и пропагандистская подготовка грузинской стороны дают все основания утверждать, что вторжение в Южную Осетию с целью уничтожения осетинского населения, проживавшего на территории республики, было спланировано и организовано непосредственно высшим политическим и военным руководством Грузии.

Уголовно-правовые и международно-правовые перспективы расследованного Следственным комитетом уголовного дела по преступлениям в Южной Осетии играют важнейшую роль в дальнейшей судьбе системы международной безопасности. Ведь речь идет о реализации фундаментального правового принципа неотвратимости наказания, а вместе с ним о самом авторитете международного права.

Материалы уголовного дела соответствуют требованиям международной следственной и судебной практики и переданы прокуратуре Международного уголовного суда.

15 октября 2015 г. прокурор Международного уголовного суда (Фату Бенсуда) обратилась за санкцией Суда на начало официального расследования этих событий. Рассчитываю, что судьи этого суда вынесут объективное и справедливое решение.

Следует также отметить, что в июне 2014 г. в структуре Следственного комитета Российской Федерации образовано специальное управление для расследования совершенных представителями силовых структур Украины на территории юго-востока Украины тяжких и особо тяжких преступлений против мира и безопасности человечества.

В настоящее время производстве следователей управления находится 56 уголовных дел по фактам многочисленных убийств гражданского населения на территории юго-востока Украины, применения запрещенных средств и методов ведения войны, геноцида национальной группы русскоязычных лиц, проживающих в самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республиках, похищения людей, воспрепятствования профессиональной деятельности журналистов и их убийства, наемничества и другие.

Руководителями Украины не соблюдается целый комплекс положений международных конвенций, в числе которых:

- Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительный протокол к ней от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 г. (Протокол II);
- Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г.);
- Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.).

Вынесены постановления о привлечении в качестве обвиняемых бывшего начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Украины (Муженко), бывшего министра обороны Украины (Гелетея) по фактам применения запрещенных средств и методов ведения войны и геноцида русскоязычного населения.

Расследуется также уголовное дело в отношении министра внутренних дел Украины (Авакова) и бывшего губернатора Днепропетровской области (Коломойского) по факту организации ими обстрелов населенных пунктов в Донецке и Луганске с применением тяжелого наступательного вооружения неизбирательного действия, в результате которых погибло более 100 мирных жителей, а свыше 200 лиц получили телесные повреждения различной степени тяжести.

В сентябре 2015 г. возбуждено уголовное дело в отношении действующих Министра обороны Украины (Полторака), начальника Генерального штаба Министерства обороны Украины (Муженко), командира Сухопутных войск Вооруженных сил Украины (Пушнякова), командующего Национальной гвардии Украины (Банана).

Они подозреваются в применении запрещенных средств и методов ведения войны и геноциде — неустановленные лица из числа военнослужащих Вооруженных сил Украины и Национальной гвардии Украины, выполняя их заведомо преступные приказы (в период с 31 мая по 1 сентября 2015 г.) осуществляли прицельные артиллерийские обстрелы из тяжелых видов вооружения (калибра не менее 122 мм) объектов гражданской инфраструктуры (не являющихся военными целями) в населенных пунктах Донецкой и Луганской республик.

Одновременно Следственным комитетом расследуются уголовные дела в отношении руководителей и членов националистических организаций («Правый сектор», УНА-УНСО) — Яроша, Мазура, Бобровича, Корчинского и других за совершение публичных призывов к осуществлению террористической и экстремистской деятельности против Российской Федерации, а также участие в боевых действиях против федеральных сил на стороне чеченских сепаратистов в период 1994—1995 годов.

Кроме того, 26 августа 2015 г. Главным следственным управлением по Северо-Кавказскому федеральному округу завершено расследование в отношении двух членов банды УНА-УНСО (Карпюка и Клыха), совершавших нападения и убийства военнослужащих в г. Грозном в 1994—1995 г.х. Уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направлено в суд.

Пресечена противоправная деятельность Разумова, который в 2014 году на территории Украины прошел боевую подготовку в рядах запрещенной в нашей стране экстремистской организации «Правый сектор». После возвращения в Россию он вербовал лиц в ряды указанной экстремистской организации и размещал в социальной сети «ВКонтакте» экстремистскую информацию. За совер-

шение указанных преступлений Разумову назначено наказание в виде 7 лет лишения свободы.

А в конце сентября 2015 г. вынесен приговор члену «УНА-УНСО» (Малофееву), признанному виновным в активном участии в вооруженной банде, совершавшей нападения на военнослужащих Вооруженных Сил России в 1994—1995 и 2000 гг. в Чеченской Республике (осужден к 24,5 годам лишения свободы).

Помимо этого, как вы знаете, начался судебный процесс по обвинению военнослужащей вооруженных сил Украины Савченко в пособничестве в убийстве российских журналистов ВГТРК Игоря Корнелюка и Антона Волошина. По данным следствия, именно она, являясь оператором-наводчиком вертолета Ми-24, в июне 2014 г. передала координаты журналистов боевикам, которые из минометного орудия произвели выстрел, в результате чего погибли российские журналисты.

Следственный комитет доведет расследования всех преступлений на юго-востоке Украины до своего логического завершения, чтобы в будущем не допустить, когда мирные граждане, наши соотечественники, дети гибнут от рук националистов и военщины. Мы не позволим неонацистам из «Правого сектора», подменяющим собой на Украине органы правопорядка и армию безнаказанно терроризировать русскоязычное население и совершать общеуголовные преступления.

А чтобы люди знали всю правду об этой страшной братоубийственной войне, развязанной воинствующими националистами Украины, в Следственном комитете Российской Федерации подготовлена основанная на материалах уголовных дел «Белая книга преступлений. Трагедия юго-востока Украины».

В ней собраны многочисленные свидетельства, в том числе материалы международных организаций, о военных преступлениях на юго-востоке Украины.

Она издана с целью привлечь внимание международного сообщества и ключевых международных правозащитных структур на вопиющие факты насилия в отношении гражданского населения и побудить международное сообщество к более активным действиям по мирному урегулированию на юго-востоке Украины, необходимости неукоснительного и полного выполнения Минских соглашений от 12 февраля 2015 г. Речь идет о местных выборах, амнистии и об обеспечении на постоянной основе особого статуса Донбасса, включая конституционную реформу.

Следственный комитет Российской Федерации как авангард борьбы с экстремизмом

Как отмечается специалистами, современная криминогенная обстановка характеризуется не только сведениями о состоянии преступности и результатах расследования преступлений, но и изменением форм преступных проявлений, в которых проблема национализма, фашизма и других проявлений экстремизма становится все более актуальной.

В одной из своих статей В.В. Путин отметил, что «реальность сегодняшнего дня — рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Национализм, религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений, разрушают, подтачивают государства и разделяют общества. Колоссальные миграционные потоки уже называют новым «великим переселением народов», способным изменить привычный уклад и облик целых континентов».

Еще в августе 2012 г. в г. Саранске на заседании Совета по межнациональным отношениям Президент РФ В.В. Путин определил в качестве приоритетных такие направления, как гармонизация межнациональных отношений и предотвращение межэтнических конфликтов, обеспечение успешной интеграции и адаптации внешних и внутренних мигрантов. В числе других он поставил перед членами Совета задачу о разработке предложений о формах работы по данному направлению в вузах, в школах, в дошкольных учреждениях.

В настоящее время на Россию не может не оказывать влияние и экстремистские проявления у наших соседей — в странах Содружества Независимых Государств, и особенно — на Украине, где более года правят люди, пришедшие к власти путем вооруженного мятежа, устроенного националистами, причем явно фашистского толка.

В настоящее время очевидно, что события на Украине спровоцированы путем активного недружественного вмешательства США и Европейских стран.

В одном из последних интервью Председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин назвал четыре существенных фактора, которые в совокупности выступили в качестве предпосылок возникновения и разрастания событий на Украине.

Первым и наиболее важным из них является фактор идеологического воздействия на людей. В этих целях обычно используются исторически традиционно близкие местному населению духовные и идейные ценности, современное значение которых намеренно искажается, излишне драматизируется и, если так можно выразиться, гиперболизируется и радикализируется.

Ко второму фактору относится финансовая основа. США давно осознали важность финансового давления. Они в постоянном режиме отслеживают по всему миру даже самые незначительные очаги напряженности с тем, чтобы финансово подпитать их очаги деньгами.

Третий фактор — повод для конфликта, когда идеологический кризис перерастает в фазу открытого, широкомасштабного, силового, а иногда, и кровопролитного противоборства. Для обострения ситуации и доведения ее до крайности могут использоваться различные специальные приемы, как, например, в случае с загадочными снайперами на Киевском майдане, учинившими расстрел участников проходившего там митинга. Подобные действия совершаются с одной целью — посеять панику и разжечь гнев масс.

Четвертый фактор — слабость самой государственной власти, ее нежелание или неспособность выявить вышеуказанные факторы конфликта, проявить государственную волю и адекватно, своевременно нейтрализовать их. Например, Украинский президент Виктор Янукович также оказался не в состоянии противостоять радикальным силам, фактически вполне открыто управляемым из-за океана.

Вооруженный переворот на Украине привел к гражданской войне, входе которой к данному моменту погибло более 6000 мирных жителей, причинен вред здоровью 16 000 человек, полностью или частично разрушены 15 000 жилых домов, вынужденно покинули места своего постоянного проживания более 800 тыс. человек русскоязычного населения. И это только по данным, находящимся в производстве Следственного комитета уголовных дел. Однако есть основания полагать, что в действительности жертв конфликта гораздо больше.

Однако, как отмечал Председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин в своем интервью, практика подобного рода конфликтов свидетельствует о том, что режимы, пришедшие к власти

путем антиконституционного свержения действующего руководства страны (будь то мягкое или жесткое свержение), обычно не могут находиться у власти долго. Примером тому служит правление Саакашвили на посту Президента Грузии, который, кстати, находясь в международном розыске за уголовные преступления в Грузии, назначен Порошенко управлять Одессой.

Симптоматично, что уже сейчас в украинской политической элите наметился раскол. Бывшие союзники, которые в 2014 г. «бок о бок» стояли на майдане, будучи сплоченными идеей свержения Президента Виктора Януковича, уже превратились или начинают превращаться в заклятых врагов. Всем очевидно, что кроме стремления учинить антиконституционный переворот у них не было ничего общего. В частности, ужесточилась борьба контролирующих ключевые посты во власти олигархических структур за сферы финансового и политического влияния. Против них уже настроились убежденные приверженцы праворадикальных идей, которые полны решимости продолжать кровопролитную войну до победного конца, иными словами — до уничтожения последнего инакомыслящего. К праворадикалам примкнули люди, которые под лозунгом этих идей просто набивают свои карманы путем циничного разграбления населения и наглого отъема собственности. Вооруженное противостояние подогревается оказанием военной помощи Украине со стороны США и ряда других стран. Все эти процессы происходят на фоне тотального экономического кризиса, последствия которого испытывает на себе население страны. Поэтому участь украинской политической системы незавидна, если, конечно, у тех, кто олицетворяет различные ее составляющие, в конце концов, не возобладает здравый политический, да и просто человеческий смысл.

По мнению, Председателя Следственного комитета А.И. Бастрыкина, для предотвращения подобных на Украине конфликтов:

1) необходимо тщательно отслеживать и оперативно пресекать всякие попытки пропаганды радикальной идеологии, особенно среди молодежи;

2) необходим жесткий контроль потоков финансирования из-за рубежа некоммерческих организаций, участвующих в политической деятельности;

3) открытая и объективная информационная политика государства, в результате которой наши граждане будут информированы о том, как происходят эти процессы и к чему они могут привести.

Можно с уверенностью сказать, что Следственный комитет находится в авангарде борьбы с национализмом, фашизмом и другими преступлениями, экстремистской направленности.

В прошлом году в структуре Главного следственного управления Следственного комитета создано управление по расследованию преступлений, связанных с применением запрещенных средств и методов ведения войны. В производстве управления уже находится более 50 уголовных дел.

Кроме того, в центральном аппарате Следственного комитета сформирован оперативный штаб в связи с расследованием преступлений против мира и безопасности человечества на территории Украины, руководимый лично Председателем Следственного комитета А.И. Бастрыкиным. Основной функцией штаба является координация деятельности следственных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений этой категории, в том числе по вопросам взаимодействия с иными правоохранительными органами.

При этом Следственный комитет регулярно информирует общественность, в том числе через СМИ, о результатах следственной работы на этом направлении.

Недавно вышла «Белая книга», в которой представлен объективный анализ ситуации на Юго-Востоке Украины с позиции соблюдения прав человека и самого главного права — права на жизнь, описаны зверские преступления, совершаемые националистическими батальонами и Вооруженными силами Украины. Эта книга призвана привлечь внимание международного сообщества и международных правозащитных организаций к вопиющим фактам насилия в отношении гражданского населения, в первую очередь беззащитных стариков, женщин и детей, побудить эти организации к более активным действиям по мирному урегулированию конфликта на Юго-Востоке Украины.

В заключении необходимо акцентировать, что эффективное противодействие национализму, фашизму и другим экстремистские проявления не возможно без взаимодействия органов власти, правоохранительных органов и общественных организаций, причем при поддержке граждан страны.

О практике использования специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности

Определенной спецификой уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности является разнообразие назначаемых и проводимых судебных экспертиз, что объясняется широким спектром деяний¹, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Например, остановившись на наиболее типичных экспертизах при расследовании организации экстремистских сообществ, Е.В. Алехин обращает внимание на следующие их виды: судебно-психологическая, комплексная психолого-психиатрическая, судебно-лингвистическая, автороведческая, почерковедческая².

Проанализировав уголовные дела экстремистской направленности, В.Г. Скориков разделил проводимые экспертизы на две условные группы: «общие», включающие в себя стандартный набор экспертиз, например, медицинскую, психиатрическую, биологическую, трасологическую, баллистическую и т.д., и «специальные» экспертизы, которые необходимо производить только при расследовании преступлений экстремистской направленности (политологическую, лингвистическую и социогуманитарную)³.

¹ В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», к ним относятся преступления, предусмотренные ст. 280, 282, 282, 282 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством,отягчающим наказание.

² Алехин Е.В. Расследование организации экстремистских сообществ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 23.

³ Скориков В.Г. Расследование преступлений экстремистской направленности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. С. 29.

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел о преступлениях, экстремистской направленности показал, что необходимость в судебно-медицинской экспертизе может возникать в следующих случаях:

- установление причин, способов, средств причинения смерти, тяжкого вреда здоровью;
- характера повреждений на трупе или потерпевшем;
- временных параметров совершения преступления;
- обстоятельств, характеризующих состояние потерпевшего до и в момент смерти, причинения тяжкого вреда здоровью, последствий причинения и т.п.

Здесь уместно привести следующий пример. 1 декабря 2010 г. в период времени с 17 часов 30 минут до 20 часов 00 минут А. и Л., являясь участниками организованной группы лиц, заранее объединившихся для совершения преступлений экстремистской направленности, действуя в рамках единого совместного умысла на убийство любого лица по мотивам идеологической ненависти, по ранее достигнутой договоренности встретились в квартире Л., где, дополнительно обсудив ранее разработанный план, единый для совершения преступления — убийства любого человека, придерживаясь его, вооружились: А. — деревянной битой, Л. — молотком с металлическим ударником и складным ножом. После этого они проследовали в лесополосу между улицами Лермонтова и Фаворского, где стали ожидать жертву. Увидев идущего по тропинке малолетнего С., 1998 г.р., и понимая, что в соответствии с его внешними физическими данными он является малолетним, физически не способен защитить себя и оказать им должного сопротивления, поэтому решили убить его путем нанесения множественных ранений указанными предметами. При этом осознавали общественную опасность своих действий, предвидели возможность причинения смерти потерпевшему и желали этого.

Реализуя намеченное, Л. вооружился молотком и в момент, когда С. прошел мимо, со значительной силой нанес несколько ударов металлической частью указанного молотка в голову потерпевшего. От полученных ударов С. упал на землю, стал кричать и звать на помощь, а Л. продолжал наносить ему множественные удары молотком в голову и лицо.

Одновременно с этим А. вооружился деревянной битой, и, используя ее в качестве оружия, нанес ею множественные удары по голове, лицу, груди и другим частям тела потерпевшего.

Причинение телесных повреждений малолетнему С., в ходе которого Л. также нанес удар ножом в голову потерпевшего, продол-

жалось до тех пор, пока последний не перестал подавать признаки жизни, после чего они скрылись с места происшествия.

Согласно заключению судебно-медицинских экспертов, смерть С. наступила на месте происшествия в результате черепно-мозговой травмы в форме ушиба головного мозга тяжелой степени. Обнаружены телесные повреждения: открытая проникающая черепно-мозговая травма в форме ушиба головного мозга тяжелой степени (размозжение вещества головного мозга), с переломами костей свода и основания черепа, разрывами твердой мозговой оболочки, рвано-ушибленными ранами, ссадинами, кровоподтеком правой височно-скуло-подбородочной области, кровоизлияниями в мягкие ткани головы. Повреждения могли быть причинены при обстоятельствах, изложенных в протоколах допросов А. и Л. С учетом множественности и различной локализации повреждений, причинение их при скатывании с горки и однократном соударении областью головы с деревом исключается.

В целях отождествления личности может проводиться молекулярно-генетическое исследование — метод, который выявляет индивидуальные особенности клеточных ядер, в частности наследственного материала — ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты). Достоинство метода в том, что он позволяет делать вывод с почти стопроцентной точностью, чего в судебно-медицинской практике иными способами достичь невозможно.

Кроме судебной медицинской экспертизы, в случаях обнаружения биологических следов, целесообразно назначать судебно-медицинскую экспертизу вещественных доказательств, объектами которой являются, служат в основном выделения и части тела человека (кровь, слюна, пот, сперма, волосы, кости, мягкие ткани и т.п.).

Так, при осмотре места происшествия в лесополосе, где обнаружен труп П. с множественными колото-резанными повреждениями, были изъяты образцы с коры дерева. В соответствии с заключением эксперта на срезе с коры дерева обнаружена моча, происхождение которой от А. не исключается. В судебном заседании А. подтвердил, что ходил на месте происшествия в туалет.

Также в ходе расследования могут быть назначены судебно-психиатрические экспертизы с целью получения заключения экспертов о психическом и физическом состоянии подозреваемых (обвиняемых) и, прежде всего, решения вопроса об их вменяемости, а также способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы.

Примером использования указанных специальных знаний, является уголовное дело по обвинению Л. в совершении действия,

направленного на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства человека и группы лиц по признаку отношения к религии, совершенное публично (ч. 1 ст. 282 УК РФ).

Так, Л., находясь в своей квартире, осуществляя доступ в Интернет с личного ноутбука, на Интернет-сайте «В контакте», на стене личной страницы Ш., опубликовал записи, содержащие высказывания, побуждающие к действиям, направленным на унижение достоинства Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, а также направленные на унижение группы лиц по признаку принадлежности к религии. Согласно заключения эксперта данное высказывание является побудительным, содержит косвенное побуждение, обращенное к Ш. и потенциальным читателям, объединившись, в назначенный час, пожелать Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу смерти. По своей форме это письменный призыв, так как содержится в тексте сайта «Вконтакте»; публичный — обращен к участникам данного сайта, то есть к неопределенному количеству людей; распространен в Интернете.

Согласно заключению комиссии судебно-психиатрических экспертов, Л. хроническим, временным психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики не страдает. Увлечение Л. «Каббалой», проведение ритуалов носит осознанный и целенаправленный характер, не является проявлением какого-либо психического расстройства. При настоящем обследовании (с учетом психологического) какой-либо психопатологической симптоматики у Л. не выявляется. Обнаружены сохранность интеллектуально-мнестических функций, мыслительной деятельности, критико-прогностических способностей. Л. может в настоящее время в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, способен понимать характер и значение уголовного судопроизводства и своего процессуального положения, а также самостоятельно осуществлять действия, направленные на реализацию своих процессуальных прав и обязанностей; может участвовать в следственных действиях. В период инкриминируемого ему деяния Л. хроническим, временным психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики также не страдал, мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Признаков алкоголизма, наркомании Л. не обнаруживает. В применении принудительных мер медицинского характера Л. не нуждается.

Повсеместное использование различных способов электронной коммуникации в обществе привело к тому, что электронные уст-

ройства (сотовые телефоны, смартфоны, компьютеры и др.) стали использоваться и при подготовке, совершении, сокрытии преступлений экстремистской направленности. Информация, хранящаяся в памяти данных устройств, может быть получена при производстве компьютерно-технической экспертизы и иметь для следователя важное доказательственное или ориентирующее значение. Сказанное можно проиллюстрировать следующим примером. В целях сбора доказательственной информации об участии Д. в экстремистском сообществе, в убийстве нескольких лиц по мотивам расовой и национальной ненависти, у А. изъят системный блок ПВМ. По заключению программно-технической судебной экспертизы на представленном системном блоке имеется каталог, который содержит видеофайлы, содержащие сцены насилия в отношении граждан неславянской национальности. В ходе осмотра системного блока установлено, что рабочий стол системного блока содержит папку, в которой имеются, в том числе, видеофайлы, на которых зафиксированы нападения на мужчин, в которых принимал участие Д.

Учитывая, что информация о преступном событии порой фиксируется на цифровые устройства, и за последние годы средства регистрации изображения и звука нашли широкое применение, магнитные или каких-либо другие записи изображения или звука могут быть исследованы в рамках криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей.

Например, свидетель З. пояснил, что от знакомых узнал о том, что Г. убил человека и имеется видеозапись совершения убийства. На одном из сайтов он нашел эту видеозапись и переписал ее на свой мобильный телефон. На видеозаписи видно как убивают какого-то мужчину, который был весь в крови. В записи прозвучала фраза: «за чистоту белых детей, скинхеды, белые шнурки — moi!». От знакомых он узнал, что убийство совершил Г. У З. изъят мобильный телефон с имеющимся в нем файлом под названием «R.», содержащим видеозапись убийства Б. В ходе осмотра файл, содержащий запись убийства Б., под названием «R.», перенесен на диск CD-R.

Согласно заключению судебной экспертизы видео и звукозаписей файл «R.» содержит видеозапись убийства Б., состоит из двух фрагментов видеофонограмм, первый из которых имеет продолжительность 30.8 секунд, второй — 02 минуты 01.01 секунд. В границах указанных фрагментов признаки монтажа отсутствуют. На видеозаписи, фонограмма разговора на которой начинается со слов: «(/ /)» и заканчивается словами «(/ /)» — имеется устная речь Г.

При доказывании факта нанесения в общественных местах на стенах зданий надписей и символики, содержащих призывы населения к осуществлению экстремистской деятельности, пропагандирующие идеи ненависти и вражды по отношению к народам по признакам расы, национальности, языка, происхождения, необходимо использовать возможности криминалистической экспертизы лакокрасочных материалов и покрытий и почерковедческой экспертизы.

Согласно заключения эксперта, на поверхности куртки З. установлено наличие лакокрасочного покрытия черного цвета, которое по своим характеристикам имеет сходство с лакокрасочным материалом черного цвета в баллончике, изъятого в жилище З., и могло быть ранее составной частью данного материала. В соскобах со стен домов установлено наличие лакокрасочного покрытия, которое имеет сходство с лакокрасочным материалом черного цвета в баллончике, изъятого в жилище З., и могло быть ранее составной частью данного материала. Так же было установлено, что тексты «Мы идем», «Смерть системе», «Русские ЖИВЫ» на стенах домов вероятно выполнены З.

Исследование письменного текста или устного высказывания, зафиксированного на любом носителе, может проводиться в ходе лингвистической экспертизы экстремистских материалов¹, предметом которой являются установленные экспертом на основе специальных знаний фактические данные, имеющие значение для дела, которые могут быть положены в основу принятия правоприменителем решения о признании или непризнании текстов экстремистскими материалами². В тех ситуациях, когда дополнительно требуется установить воздействие речевого произведения на адресата, может назначаться комплексная психолого-лингвистическая экспертиза.

В целях выявления в тексте высказываний, в которых экстремизм или его разновидности упоминаются как явление, а также выделение среди них оценочных высказываний ксенофобной направленности, толкование и интерпретация их семантики могут быть сформулированы следующие вопросы³.

¹ Подробно см.: *Подкатилина М.Л.* Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов / Под ред. Е.И. Галяшиной. М., 2013.

² *Подкатилина М.Л.* Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9—10.

³ *Росинская Е.Р., Галяшина Е.И.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2011.

1. Имеются ли в текстах «...» слова, выражения или высказывания, содержащие негативные оценки в адрес какой-либо одной национальной, конфессиональной или социальной группы по сравнению с другими социальными категориями?

2. Имеются ли высказывания, содержащие резкую негативную оценку или выражающие неприязненное, враждебное отношение по отношению не к отдельным представителям, а ко всей этнической группе. Если есть, то в какой форме они выражены: утверждения, мнения, эмоционально-экспрессивной оценки, субъективно-оценочного суждения и т.п.?

3. Является ли автором высказываний, содержащих негативную оценку, высказываемую в адрес какой-либо этнической, социальной группы, редакционная коллегия или высказывания с отрицательной оценкой даны в виде цитат, персональных мнений респондентов, личного мнения комментатора, корреспондента или официальных лиц?

4. Имеются ли высказывания, содержащие пропаганду неполноценности граждан какой-либо национальности или социальной группы по сравнению с другой нацией или группой?

5. Имеются ли высказывания, содержащие призывы к осуществлению каких-либо враждебных или насильственных действий по отношению к лицам какой-либо национальности?

6. Имеются ли высказывания уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической или социальной группы?

7. Имеются ли высказывания побудительного характера или фразы в форме директивного предписания к действиям в пользу одной социальной группы за счет другой?

8. Имеются ли высказывания, которые с точки зрения современного носителя русского языка можно истолковать как приписывание всем представителям одной этнической группы следования древним обычаям, верованиям, традициям, действиям, негативно оцениваемым современной российской культурой?

9. Есть ли высказывания в форме утверждения о природном превосходстве одной нации и неполноценности, порочности другой?

10. Есть ли высказывания, содержащие утверждения о возложении ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу?

11. Есть ли высказывания побудительного характера, содержащие призывы к враждебным или насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, одной социальной группы против другой?

12. Есть ли высказывания об изначальной враждебности какой-либо нации?

13. Есть ли высказывания о полярной противоположности, антагонизме, принципиальной несовместимости интересов одной этнической группы по отношению к какой-либо другой?

14. Есть ли высказывания, где бедствия, неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем одной социальной, этнической или конфессиональной группы объясняются существованием и целенаправленной деятельностью (действиями) другой нации, народности, социальной или этнической группы?

15. Имеются ли высказывания о враждебных намерениях какой-либо нации в целом?

16. Имеются ли высказывания, содержащие положительные оценки, восхваление геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, конфессии, этнической группы?

17. Имеются ли высказывания, содержащие требования, призывы к ограничению конституционных прав и свобод граждан, каких-либо этнических, конфессиональных или социальных групп?

18. Имеются ли высказывания с призывами дать привилегии отдельным гражданам или группам лиц, объединенных по национальному, конфессиональному или иному социальному признаку?

В качестве примера вывода комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы приведем следующий: «В фонограмме публичной речи Н., записанной в файл «123с401b», содержится пропаганда превосходства верующих в Иегову Бога и неполноценности верующих иных религий, приверженцев иных вероучений. Исследованная публичная речь направлена на формирование представления о превосходстве и исключительности верующих в Иегову Бога и неполноценности верующих иных религий, приверженцев иных вероучений. Исследованная публичная речь характеризуется осознанностью и целостностью общего коммуникативного намерения и направленности воздействия. В исследованной публичной речи не содержатся призывы к насильственным или враждебным действиям в отношении человека либо группы лиц по признаку национальной, религиозной принадлежности, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. В исследованной публичной речи не содержатся побуждения адресата речи к отказу от исполнения какой-либо обязанности».

Возможности использования информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами при расследовании преступлений экстремистской направленности

Экстремизм и его разновидность — терроризм — продолжают представлять реальную опасность как для международного сообщества в целом, так и для нашего государства, особенно сегодня, в условиях обостренных международных отношений, связанных с событиями в Украине, Сирии, активной деятельностью международной террористической организации «Исламское государство» и совсем недавними террористическими актами в столице Турции Анкаре.

В Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных и религиозных объединений, иных организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности.

Экстремизм — это приверженность к крайним мерам и взглядам, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила через совокупность насильственных проявлений, совершаемых отдельными лицами и специально организованными группами и сообществами.

Терроризм — представляет собой многоплановую угрозу для жизненно важных интересов личности, общества и государства, одну из наиболее опасных разновидностей политического экстремизма (крайняя форма проявления) в глобальном и региональном масштабах. По своей социально-политической сущности терроризм представляет собой систематическое, социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное применение насилия либо угроз его применения, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении и достигаются преследуемые террористами цели. По данным ФСБ России за 10 лет за со-

вершение террористических преступлений в России были осуждены около 5,5 тыс. человек.

Очевидно, что преступления экстремистской направленности — это групповые преступления. Характерная для них форма организации — это организованная группа или преступное сообщество. Такая деятельность достаточно разнообразна по своим проявлениям и обширна по географии, поэтому отличается массовостью среди участников и последователей. Сегодня трудно даже приблизительно подсчитать, сколько людей в той или иной мере задействовано в экстремистской деятельности по всему миру, являясь как активными членами экстремистских сообществ и организаций, так и осуществляющих вербовку, подготовку, техническое и материальное оснащение и финансирование такой деятельности.

Современную жизнь невозможно представить без средств мобильной связи, а именно сотовой и спутниковой связи. И уж тем более маловероятно, чтобы члены организованных преступных групп обходились без такого простого и широко доступного способа общения между собой.

Статья 186.1 УПК РФ позволяет использовать возможности мобильной связи в доказывании в виде информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и предусматривает порядок получения такого рода информации. Пункт 24.1 ст. 5 УПК РФ определяет содержание данной информации как сведения о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведения о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций. Эта относительно новая норма введена в УПК РФ Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в качестве самостоятельного следственного действия, затрагивающего конституционные права граждан. Несмотря на отсутствие единой позиции в вопросах целесообразности и допустимости использования в доказывании информации о соединениях абонентов, тем не менее, правоприменители однозначно сходятся во мнении, что при всей неоднозначности доказательственного значения такой информации, нельзя отрицать ее существенной роли в установлении значимых фактических обстоятельств происшествия.

По нашему мнению, значение информации о соединениях абонентов (детализированных отчетов операторов мобильной связи) трудно переоценить на предварительном следствии и в уголовном

судопроизводстве. В пользу такого мнения говорит область практического применения детализированных отчетов операторов мобильной связи в ходе расследования тяжких и особо тяжких преступлений против личности (при расследовании убийств, похищений людей, торговли людьми — для установления соучастников, уточнения места и времени совершения преступления, факта «слежки» за объектом преступления, проверки алиби субъекта и т.д.), против здоровья населения и общественной нравственности (незаконных приобретения, хранения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, их сбыта — для доказывания фактов координации деятельности сбытчика и приобретателя, указания местонахождения «закладки»; организации занятия проституцией — для доказывания фактов вербовки, координации деятельности и т.д.), против собственности (краж, грабежей, разбоев, вымогательства, мошенничества — для розыска предмета хищения, доказывания фактов «наводки» на место совершения хищения или конкретное лицо, обладающее ценностями, способа совершения преступления — «телефонного шантажа» при вымогательстве, «телефонного обмана» при мошенничестве и т.д.), против коррупции (получения, дачи взятки, посредничества во взятничестве — для доказывания фактов обсуждения условий передачи материальных ценностей, установления всех участвующих лиц и т.д.). Автором перечислена лишь небольшая часть преступлений, при совершении которых используются возможности мобильной связи, а, значит, информацию о соединении между абонентами (абонентскими устройствами) следствие может успешно использоваться в доказывании.

В процессе доказывания по уголовным делам о преступлениях, связанных с экстремистской и террористической деятельностью, детализированные отчеты операторов мобильной связи занимают особое место. Бывает, что информация, полученная в ходе следствия у оператора мобильной связи, является главным, а в некоторых случаях — центральным звеном в цепи доказывания по уголовному делу. В условиях неочевидности и крайне малого объема первоначальных сведений следователи возлагают большую надежду на такую информацию, поскольку она характеризуется, прежде всего, высокой степенью достоверности и лишена субъективного искажения (т.е. позволяет идентифицировать абонентское устройство по уникальному IMEI-коду, фиксируется техническими средствами — электронными устройствами без участия человека, в связи с чем не может быть искусственно изменена, таким образом исключается элемент фальсификации или умышленного уничтожения этой информации, не связанный с техническими неполадками в работе

оборудования). Информация о соединениях между абонентами позволяет установить элементы объективной стороны преступлений, такие как: место и время совершения преступления (геопозиционирование), субъект преступления — конкретных исполнителей, соучастников и связи между ними, а также формы соучастия (признаки организованной преступной группы или преступного сообщества, такие как устойчивость — стабильность состава, тесная взаимосвязь между членами, согласованность их действий, длительность существования и пр. (ст. 205 УК РФ «террористический акт», ст. 205.4 УК РФ «организация террористического сообщества и участие в нем», ст. 205.5 УК РФ «организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», ст. 282.1 УК РФ «организация экстремистского сообщества», ст. 282.3 УК РФ «организация деятельности экстремистской организации»), а также «эпизодность» деятельности одной преступной группы при совершении нескольких актов экстремизма. При совершении террористических актов часто команды или сигналы к действию передаются по мобильному телефону, таким же образом координируется деятельность участников, особенно если теракты происходят одновременно в нескольких разных местах. При совершении терактов террористами-смертниками информацию о соединениях абонентов в условиях отсутствия показаний непосредственного исполнителя можно расценивать как некоторую альтернативу для установления фактических обстоятельств происшествия. Иногда это чуть ли не единственная возможность установить членов преступной группы, других сообщников, пути их перемещения, местонахождение в определенный период времени и прочее, то есть фактические обстоятельства этих крайне общественно-опасных преступлений.

Вместе с тем, использование информации о соединениях между абонентами в доказывании имеет и определенные трудности, связанные, в первую очередь, с неумением следователей правильно анализировать полученные сведения и выбирать из них значимые. Получение информации перечисленного в п. 24.1 ст. 5 УПК РФ содержания, за исключением сведений о принадлежности абонентских номеров, допускается на основании судебного решения, поскольку данная информация затрагивает конституционные права граждан, положения ч. 5 ст. 165 УПК РФ применены быть не могут. Процессуальный порядок ее «обработки» предусмотрен ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ и состоит в осмотре следователем документов, содержащих запрашиваемую информацию, при участии, в случае необходимости, специалиста, с составлением протокола, где отражаются имеющие отношение к расследованию сведения. Такой за-

конодательно установленный порядок обработки информации кажется простым, однако на практике «выливается» в длительный (от нескольких часов до нескольких суток в зависимости от объема информации), напряженный, и, что самое трудновыполнимое для следователя, безотрывный процесс скрупулезной обработки и анализа большого количества однотипной, сложной для восприятия информации, требующий особого внимания к деталям, сопоставления разрозненной информации и выборки значимых сведений.

Например, в случае оформления договоров предоставления услуг сотовой связи на иных, нежели фактические пользователи абонентских номеров, лиц, фактический пользователь определяется посредством анализа полученной в порядке ст. 186.1 УПК РФ информации, выборки статистики соединений по количеству, длительности, времени суток.

Таким образом, сначала устанавливаются близкие связи фактического пользователя абонентского номера, в том числе путем последовательного получения аналогичной информации и ответов на запросы о принадлежности абонентских номеров, отобранных при осмотре первоначально полученных носителей информации, а затем, в т.ч. и посредством допросов, искомое лицо.

Умение правильно и эффективно обрабатывать детализированные отчеты операторов мобильной связи — это почти искусство, однако нельзя упускать возможность использования такого ценного источника достоверной информации для пополнения доказательственной базы, особенно при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности.

Международные правовые противодействия финансированию терроризма как специфической формы экстремистских проявлений

Терроризм по своим социально-политическим предпосылкам и основаниям находится в одном ряду с такими общественно опасными феноменами как национализм и фашизм, а по своей природе является уродливо-вырожденной, одной из опаснейших форм экстремистских проявлений в жизни современного мирового сообщества.

В настоящее время проблема терроризма, национализма, фашизма, других экстремистских проявлений и их финансирования, как первостепенной причины его существования, приобрела глобальный характер, и ее решение выходит за рамки границ отдельных государств.

Борьба с терроризмом, а в равной степени, фашизмом, национализмом и другими «-измами» и их искоренение являются приоритетными направлениями приложения усилий мирового сообщества в борьбе за свою безопасность, а их эффективная реализация возможны только на межгосударственном уровне, в рамках Организации объединенных наций (ООН) и других международных организаций, с вовлечением в борьбу всего мирового сообщества. Данной проблеме был посвящен доклад «Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам», который прозвучал в рамках 59 сессии ООН (2004—2005 гг.)¹.

Проблема финансирования экстремистских проявлений, включая терроризм, национализм, фашизм, являясь глобальной, взаимообусловленной и взаимосвязанной, имеет единые корни, природу и первоисточники существования, а ее решение требует применение единых, интегрированных в одну систему международных и национальных правовых, общественных, правоохранительных, иных специальных институтов, механизмов, сил и средств борьбы. На 59 сес-

¹ <http://www.un.org/ru/ga/59/>

сии ООН проблема финансирования терроризма была обозначена как первостепенная. Для противодействия терроризму на международном уровне в настоящее время создается международная нормативно-правовая база, в которой обозначаются приоритетные начала, принципы, а также основы взаимодействия между собой государств — членом ООН. Кроме ООН данным вопросом занимаются также другие организации международного сотрудничества — АСЕАН, ФАТФ, СНГ, Совет Европы и др.

Среди наиболее важных международно-правовых документов, регулирующих сотрудничество государств по противодействию финансированию терроризма можно выделить:

- резолюция ООН № 52/210 1996 г.;
- декларация участников регионального форума АСЕАН (АРФ) по финансовым мерам противодействия терроризму от 31 июля 2002 г.;
- специальная рекомендация ФАТФ № 9;
- закон «О противодействии легализации («отмыванию») доходов, полученных незаконным путем» принятый Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ принятый в 1998 г.;

Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.

В 1996 году ООН была принята резолюция № 52/210, посвященная противодействию финансированию терроризма. В рамках данной резолюции государства — члены ООН, ратифицировавшие данный документ, в том числе и Россия, взяли на себя обязательство установить адекватную ответственность для физических и юридических лиц за финансирование терроризма.

31 июля 2002 г., в рамках создания международной нормативно-правовой базы по противодействию терроризму, была принята Декларация участников регионального форума АСЕАН (АРФ) по финансовым мерам противодействия терроризму. В данном документе, в отличие от вышеуказанной резолюции ООН, не только провозглашается важность проблемы, но и предлагаются конкретные меры по противодействию данному явлению. Среди них можно выделить:

- блокирование доступа террористов к финансовым ресурсам стран АРФ;
- активизация международного сотрудничества АРФ с международными организациями, противодействующими финансированию терроризма;

- замораживание счетов террористов и лиц, им содействующих и др.

Активное участие в разработке международно-правовых мер, направленных на противодействие финансированию терроризма, принимает ФАТФ. В этой связи особо следует отметить Специальную рекомендацию ФАТФ № 9, посвященную данной проблеме. Несмотря на то, что этот документ носит рекомендательный характер, для государств — членов ФАТФ положения специальных рекомендаций обязательны.

В 1998 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ принят модельный закон «О противодействии легализации («отмыванию») доходов, полученных незаконным путем», способствующий координации мер по противодействию терроризма стран-участниц СНГ. Важная роль в решении этого вопроса принадлежит Координационному совету руководителей органов налоговых (финансовых) расследований государств-участников СНГ (КСОНР СНГ). 15 июня 2001 г. была подписана Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, вступившая в силу для России 29 марта 2003 г. Среди направлений взаимодействия, указанных в данной Конвенции, выделяется противодействие финансированию терроризма.

Большое внимание противодействию терроризму уделяется и в такой международной организации как Совет Европы, участником которой также является и Российская Федерация. В Совете Европы создан Комитет по терроризму, который 4 марта 2005 г. принял проект Конвенции по борьбе с терроризмом. Этот проект был представлен для принятия на саммите Совета Европы в мае месяце 2005 г., проходившем в Варшаве.

Цель Конвенции является не наказание виновных, а предупреждение терроризма, осуществление эффективной системы превентивных мер.

Следует отметить, что в этой Конвенции, как и в других международных соглашениях и документах нет определения терроризма. На наш взгляд это связано с тем, что не удастся сформулировать компромиссной трактовки данного явления, которая, с одной стороны, не затрагивала силовых действий договаривающихся стран на международном уровне, с другой стороны, не сводила бы на нет перечень действий террористов, которые подлежат преследованию на международном уровне. Поэтому в различных международных документах обозначается только перечень тех или иных действий, связанных с терроризмом и признаваемых преступными.

Так, в частности, в качестве террористических преступлений Конвенция Совета Европы также признает подстрекательство к

терроризму, вербовку или вербовку террористов, подготовку к террористическим актам. Большое внимание в Конвенции уделяется вопросам борьбы с финансированием терроризма, в силу ее превентивной направленности.

В ней развиваются тенденции договорного права, она не затрагивает лиц, получивших убежище и беженцев. Проект Конвенции предусматривает совершение превентивных действий и повышает ответственность государств. Он основывается на балансе прав человека и борьбы с терроризмом. В целях формирования финансовой основы террора используются в том числе и различные преступные деяния, включая торговлю людьми, наркотиками и т.д. Поэтому, наряду с проектом Конвенции по борьбе с терроризмом Комитет подготовил также проект Конвенции по противодействию торговле людьми. Положительной инициативой Совета Европы является систематическое осуществление обобщения практики борьбы с терроризмом и поощрение государств, достигших хороших результатов. Заслуживает внимания позиция государств-участников Совета Европы по отношению к феномену терроризма, который требует проведения комплексных действий таких как¹:

- ликвидация источников терроризма;
- техническая и экономическая помощь государствам, борющимся с терроризмом;
- контр действия и превентивные меры, в том числе по защите государственных границ и транспорта;
- разведывательная деятельность;
- организация ответа на террористические атаки путем создание соответствующих служб спасения, осуществления помощи жертвам, поимка преступников;
- не исключение возможности применения преступниками оружия массового поражения: химического и биологического;
- преследование преступников.

Террористические организации опираются на высокоорганизованные сети. Терроризм — угроза неоправданная, терроризм не имеет достойных причин. Принципиальная позиция Совет Европы в вопросе борьбы с терроризмом заключается «в необходимости иметь и применять механизмы противодействия терроризму, но при этом — уважать национальные интересы и права человека, бороться не только с терроризмом, но бороться и за права человека и за

¹ Приветственное слово Министра внутренних дел и администрации Республики Польша г-на Рышарда Калиша на 3 встрече министров внутренних дел европейских государств. Республика Польша, Варшава, 17 — 18 марта 2005 г.

мир»¹. Борьба с терроризмом должна вестись на основе верховенства закона².

Инструменты, используемые Советом Европы в борьбе с терроризмом:

- в 1950 г. — принята Конвенция по правам человека;
- в 1957 г. принята европейская конвенция об экстрадиции. Эта конвенция устанавливает, что экстрадиция может не осуществляться, если преступления имеют политический характер;
- в 1977 г. была принята Конвенция по противодействию терроризму в Европе. В ней положения об экстрадиции конкретизировались в части преступлений террористического характера;
- в 1999 г. был принят документ по борьбе с финансированием терроризма.

Однако и эти документы не давали определения терроризму.

В Совете Европы считают, что права человека это не только права преступников, но и права жертв. Терроризм и организованная преступность похожие, но и отличные явления. У них разные цели и сети. Общим для них является следующее: террористы все больше прибегают к организованной преступности. Начало реализации правовых документов Европы по борьбе с терроризмом приходится на начало 70-х гг. XX века. Позиция совета Европы — защита демократии и защита прав человека должны быть сбалансированными с борьбой с терроризмом в Европе. Необходимо выработать равновесие, взвешенный баланс между борьбой с терроризмом и защитой пострадавших с одной стороны и защитой прав преступников, независимо от тяжести преступления, с другой стороны.

После 11 сентября 2001 г. Совет Европы принял множество документов по проблеме борьбы с терроризмом. Так в Резолюции № 1 конференции министров юстиции стран Европы, состоявшейся в октябре 2002 г. в г. Софии, была обозначена необходимость разработки и принятия Конвенции о противодействии терроризму. Основой для сотрудничества государств является договорное право, законодательство строится на компромиссных решениях государств,

¹ Выступление Генерального директора Совета Европы г-на Гидерелана на 3 встрече министров внутренних дел европейских государств. Республика Польша, Варшава, 17 — 18 марта 2005 г.

² Доклад эксперта Совета Европы г-жи Гертруды Кобелка на 3 встрече министров внутренних дел европейских государств. Республика Польша, Варшава, 17 — 18 марта 2005 г.: «Борьба с терроризмом и организованной преступностью в правовых государствах».

входящих в антитеррористическую коалицию (Сборник европейских договоров). Осуществление международных договоров требует сотрудничества, как на государственном уровне, так и между органами внутри государства. В сентябре 2002 г. в Совете Европы была создана Комиссия по контролю выполнения международных документов. Позиция этой Комиссии следующая: необходима ратификация всех действующих договорных документов и пересмотр сделанных оговорок, которые занижают их силу. В целом для международного сотрудничества в области противодействия терроризму уже имеются необходимые инструменты. Существующие конвенции по проблеме противодействия терроризму, хотя и не содержат определения терроризма, имеют важное значение в ряду действующих механизмов. Обязательства сотрудничества в рамках этих конвенций должны распространяться на все страны, в том числе и не подписавшие их. В этом плане имеется юридически обязывающая резолюция ООН 19/93¹.

В заключении следует отметить, что в большинстве основных международных документах в области противодействия терроризму отмечается, что сотрудничество государств в данной области не мыслимо без подготовки и обучения высококвалифицированных специалистов правоохранительных органов.

¹ URL: <http://litterref.ru/otrujgmayfsmerqas>

К вопросу о квалификации преступлений по ст. 280 и 282 УК РФ

Проблема противодействия экстремизму с каждым новым общественно-политическим событием, происходящим в последнее время в мировом сообществе, становится не просто актуальной, а требующей пристального внимания со стороны законодателей и правоприменителей. Последствия не своевременного или недостаточного эффективного реагирования тяжести, часто приводя к многочисленным людским жертвам, дестабилизации и паническим настроениям в обществе. С другой стороны привлечение лиц к любому виду ответственности полагает несомненное соблюдение принципа законности и справедливости наказания.

В соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления. Соответственно, задача правоприменителей — установить все указанные признаки юридического состава. В этом то и заключается основная проблема привлечения лиц к уголовной ответственности.

Анализ материалов уголовных дел показал, что на практике допускаются случаи квалификации схожих деяний виновных лиц по разным статьям: в одних случаях по ст. 280, в других — по ст. 282 УК РФ, что указывает на отсутствие единого понимания содержания составов этих преступлений.

В первом варианте судебная психолого-лингвистическая экспертиза установила, что «представленные следствием материалы содержат высказывания, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а также унижение достоинства человека или группы лиц по признакам национальности... или вероисповедания... Указанные высказывания могут спровоцировать возбуждение ненависти или вражды по признаку национальности, вероисповедания в отношении лиц... В представленных материалах имеют место высказывания побудительного характера, содержащие *призывы к осуществлению* каких-либо враждебных или насильственных действий

по отношению к лицам...». В результате действия гр. Т., разместившей данные материалы на свое странице В Контакте, были квалифицированы по ч. 2 ст. 280 УК РФ¹.

Во втором случае «гр. З. публично совершил действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, унижение человеческого достоинства по признаку национальности, а именно наклеил листовки с призывами к совершению насильственных действий в отношении лиц...». Действия гр. З. квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ².

Третий вариант квалификации действий виновных лиц объединяет два предшествующих. Согласно заключению эксперта в исследуемых комментариях пользователя социальной сети от 19 и 20 февраля «содержатся унижительные характеристики и отрицательные эмоциональные оценки этнической группы..., в комментарии от 20 февраля содержатся выражения, направленные на возбуждение в обществе ненависти по национальному признаку и их можно рассматривать как словесный экстремизм (!). Также в нем содержится информация, побуждающая к действиям против этнической группы...». Суд определил, что комментарий от 20 февраля содержит публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и квалифицировал действия подсудимой по ч. 1 ст. 280 и ч. 1 ст. 282 УК РФ³.

Таким образом, следственно-судебная практика подтверждает имеющиеся в научной литературе мнения о том, что «негативные экспрессивные высказывания относительно лиц определенной национальности, по сути представляющие собой один акт экстремизма, могут подпадать под действие разных статей УК РФ»⁴.

В тоже время, высказывается и прямо противоположная точка зрения: «в том случае, когда деяние лица может быть охарактеризовано как действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды (высказывания, утверждающие необходимость совершения противоправных действий) по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, и одновременно как

¹ Уголовное дело № 91/169-2012 // Архив Первомайского районного суда г. Ижевска.

² Уголовное дело № 12/120-2012 // Архив Первомайского районного суда г. Ижевска.

³ Приговор суда Архангельской области по уголовному делу № 12035028-2013 // Архив Академии СК России.

⁴ Григорьева Л.В. О научном подходе к уголовно-правовой оценке действий экстремистской направленности // СПС «КонсультантПлюс».

публичные призывы (обращения к другим лицам с целью побудить их) к осуществлению экстремистской деятельности в форме нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, вменение ему одновременно составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 и ч. 1 ст. 282 УК РФ, не может быть признано правомерным с точки зрения соблюдения норм ст. 50 Конституции РФ и ст. 6 УК РФ... Рассматриваемая правовая ситуация может быть охарактеризована как коллизия (конкуренция) специальных норм Особенной части УК РФ, которая, в силу устоявшегося правила ее разрешения, требует применения только одной из специальных норм — нормы более специальной, т.е. наиболее точно описывающей признаки совершенного деяния, наиболее полно охватывающей все его обстоятельства»¹.

Такая неоднозначность в квалификации действий создает проблемы в деятельности практических работников следственных аппаратов по разграничению предмета доказывания по ст. 280 и 282 УК РФ.

Указанную ситуацию определил, но не в достаточной степени, Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении по вопросам квалификации преступлений экстремистской направленности: ст. 280 УК РФ содержит условия привлечения лиц к уголовной ответственности в случае совершения публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) *обращения* к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности². Соответственно, необходимо установить не просто факт обращения виновного к неопределенному кругу лиц, но и форму обращения, и, самое главное, цель — побуждение к осуществлению экстремистской деятельности.

Призыв — это форма психического воздействия на сознание и волю людей с целью побудить их к совершению определенных действий. Целенаправленность позволяет отличить призывы от выражения личного мнения по государственным, политическим, национальным и иным вопросам в бытовых беседах.

¹ Степанов В.В., Струков А.В. Проблемы разрешения конкуренции составов преступлений экстремистской направленности // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Из этого следует, что для квалификации действий лица по ст. 280 УК РФ необходимо установить наличие факта обращения к неопределенному кругу лиц с вполне определенной целью — побудить к совершению экстремистских действий. Для этого необходимо назначить по устной или письменной русской речи судебную лингвистическую экспертизу (с целью установления побудительного характера высказываний, наличия в тексте обращения к неопределенному кругу лиц, а также на наличие в тексте информации, относящийся к нарушению принципа равенства всех независимо от национальности, религии, расы, социальной группы и т.п.) и психологическую (с целью определения направленности умысла лица на побуждение, убеждение, склонение других к совершению действий экстремистского характера).

Таким образом, для квалификации деяния по ст. 280 и ст. 282 УК РФ на разрешение экспертов необходимо ставить вопросы о наличии в смысловом содержании исследуемых материалах как информации, направленной на возбуждении ненависти, вражды либо розни в отношении группы лиц, так и призывов, то есть обращений к неопределенному кругу лиц с вполне определенной целью — побудить к совершению экстремистских действий.

В целях доказывания данного умысла в случаях размещения материалов экстремистской направленности на страницах в социальных сетях в распоряжение эксперта-лингвиста нужно дополнительно предоставить не только исследуемый текст, но и комментарии от лица пользователя данной страницы и его переписку на форуме, в том числе в закрытых группах, которые могут содержать негативные оценки в отношении определенной группы лиц.

Вернемся к вопросу о квалификации содеянного. Выше был приведен пример, когда один и тот же текст содержит и признаки возбуждения ненависти или вражды, и признаки призыва к осуществлению экстремистской деятельности. В этой ситуации возникает несколько вопросов: во-первых, как же должны быть оценены с юридической точки зрения указанные действия: как единое деяние или самостоятельные составы, во-вторых — поскольку у данных составов преступлений разная подследственность: ст. 280 УК РФ — ФСБ России, ст. 282 УК РФ — СК России, то каким же образом осуществлять расследование, не причиняя ущерба объективности, всесторонности и полноте установления истины по делу?

По первому вопросу видится следующее возможное решение проблемы. Учитывая, что в данном случае может присутствовать конкуренция общих и специальных норм, то, исходя из содержания текста, его объема, структуры и направленности умысла, деяние

должно квалифицироваться либо только по ст. 280 УК РФ (в том случае, когда умысел был направлен на осуществление именно призывов, а негативная оценка лиц (групп) по определенным признакам является составляющей той экстремистской деятельности, к осуществлению которой призывает виновный). Если призывы и негативная оценка не соотнесены непосредственно друг с другом и выступают в качестве самостоятельных, последовательных действий лица, то действия лица следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 280 и ст. 282 УК РФ.

Что же касается второго вопроса, считаем необходимым внести изменения в ст. 151 УПК РФ «Подследственность», предоставив возможность следственным подразделениям обоих правоохранительных органов в случае выявления признаков преступлений и ст. 280, и ст. 282 УК РФ в действиях одного лица производить проверку и осуществлять предварительное следствие по этим составам.

Преступления экстремистской направленности: вопросы правопонимания

Одной из основных угроз национальной безопасности России признается экстремизм. Базовым нормативным правовым актом, специально посвященным борьбе с данным социальным злом, является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В ст. 1 этого закона под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимаются следующие действия: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Россий-

ской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Несомненно, что, формулируя данное определение, законодатель пытался наиболее полно охватить все проявления экстремистской деятельности. Вместе с тем с позиций уголовно-правовой теории и правоприменительной практики не все из указанных проявлений экстремизма соответствуют действующему УК РФ.

Во-первых, в данной норме понятия «экстремистская деятельность» и «экстремизм» использованы в качестве синонимов. Однако, как представляется, возможны ситуации, когда из экстремистских мотивов преступление совершается и путем бездействия, например, оставление в опасности (ст. 125 УК РФ).

Во-вторых, террористическая деятельность признана разновидностью экстремизма. Данные преступления, действительно, теснейшим образом взаимосвязаны, однако они представляют собой все же различные деяния, ведь в УК РФ имеется самостоятельная ст. 205 «Террористический акт». Различается и объект данных преступлений. Более того, неясно, каким образом можно применить примечание к ст. 205, которое позволяет лицу, участвовавшему в подготовке террористического акта, избежать уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления. Если террористический акт имеет экстремистскую направленность, то лицо, участвовавшее в его подготовке, одновременно совершает и преступление экстремистской направленности (ст. 282 УК РФ). Последняя статья аналогичного примечания, позволяющего освободить лицо от уголовной ответственности, не содержит. Если же лицо участвовало в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282.1 УК РФ) или экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ), в отношении которых вступило в законную силу судебное решение о запрете их деятельности, то лицо освобождается от уголовной ответственности в случае, если оно добровольно прекратило участие в деятельности данных структур.

Таким образом, если лицо на момент сообщения о готовящемся акте терроризма не вышло из состава экстремистского сообщества или экстремистской организации, то оно теоретически должно нести ответственность по ч. 2 ст. 282.1 или ч. 2 ст. 282.2 УК РФ. Действительно, на практике такая ситуация вряд ли возможна, поскольку лицо, предотвратившее акт терроризма, тем самым фактически продемонстрировало свое несогласие с деятельностью экстремистского сообщества или экстремистской организации. Однако проблем юридического плана, возникающих ввиду несоответствия содержания статей, посвященных терроризму и экстремизму, это, на наш взгляд, не снимает.

И в-третьих, к проявлениям экстремизма причислены преступления, совершенные по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, т.е. по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В данном случае, как представляется, имеет место логическое несоответствие, поскольку само по себе понятие экстремизма получилось шире, чем совершение преступлений по тем же мотивам. Следствием этого является то, что, исходя из буквы закона, экстремизмом якобы не являются преступления, предусмотренные ст. 282, 282.1 и 282.2 УК РФ.

Таким образом, при обнаружении несоответствий между содержанием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и УК РФ нужно использовать правило, согласно которому при коллизии норм применяются положения, закрепленные в специальных актах. Для реализации уголовно ответственности таким актом, несомненно, является именно уголовный закон.

Весьма важное значение для определения сферы действия норм об уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности имеет классификация данных деяний. Критерием признания преступлений экстремистской направленности в соответствии с УК РФ является совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Данный мотив часто фигурирует в основных или квалифицированных составах различных преступлений. При этом преступления, в которых экстремистский мотив фигурирует в качествеотягчающего обстоятельства, также разделяются на две разновидности. Во-первых, это случаи, когда такой мотив прямо указан в качестве отягчающего обстоятельства в конкретной статье УК РФ. И во-вторых, это си-

туации, когда судом будут обнаружены экстремистские мотивы при совершении иных преступлений, что порождает применение п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Также дополним, что во втором случае в полной мере действует закрепленное в ч. 2 ст. 63 УК РФ правило о том, что, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

В связи с вышеизложенным для уточнения понятия преступлений экстремистской направленности предлагаем следующие их критерии.

1. Преступления, при совершении которых экстремистские мотивы входят в основной состав преступления. К ним относятся деяния, предусмотренные следующими статьями УК РФ:

- ст. 136 «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина»;
- п. «б» ч. 1 ст. 213 «Хулиганство»;
- ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»;
- ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»;
- ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества»;
- ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации».

2. Преступления, в которых экстремистские мотивы фигурируют в качестве отягчающего обстоятельства непосредственно в диспозиции соответствующих статей. К ним относятся деяния, предусмотренные следующими статьями УК РФ:

- п. «л» ч. 2 ст. 105;
- п. «е» ч. 2 ст. 111;
- п. «е» ч. 2 ст. 112;
- п. «б» ч. 2 ст. 115;
- п. «б» ч. 2 ст. 116;
- п. «з» ч. 2 ст. 117;
- ч. 2 ст. 119;
- ч. 4 ст. 150;
- ч. 2 ст. 214;
- п. «б» ч. 2 ст. 244.

3. Иные преступления, если в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства будет установлено, что они были

совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. К таким преступлениям теоретически может быть причислено большинство умышленных деяний, однако в каждом конкретном случае наличие таких мотивов должно быть доказано в установленном законом порядке и отражено в приговоре суда.

Таким образом, данная классификация позволяет отграничить преступления экстремистской направленности от других уголовно наказуемых деяний и сосредоточить усилия должностных лиц правоохранительных и судебных органов на доказывание соответствующих мотивов.

Правоохранительные органы по противодействию терроризму во второй половине XIX века в Российской империи (историко-правовой аспект)

Проблема борьбы с терроризмом стала в настоящее время одним из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности.

Терроризм, в связи с широким его распространением превратился в серьезную проблему для всего мирового сообщества, и поэтому все страны активно ищут пути повышения эффективности противодействия этому опасному социально-политическому феномену.

Эту работу следует начинать с выяснения терминологической ясности в смысловом значении обозначенных понятий. Так, анализ имеющейся литературы позволяет выделить от 100 до 200 понятий терроризма¹.

Причем можно смело утверждать, что ни одно из этих понятий не может являться завершенным, а также настаивать на том, что количество актов терроризма в ближайшее десятилетие пойдет на убыль, что терроризм не будет развиваться, учиться на собственных ошибках, принимая все новые формы и проявления.

Этимология термина «терроризм» свидетельствует о том, что корни этого понятия произрастают из латинского слова «террор», обозначающего страх, ужас. И действительно, необходимым элементом, присутствующим в любой террористической акции, является устрашение политического противника либо тех людей, которые выступают в роли непосредственных жертв террористов².

Необходимо заметить, что ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³ дает общеправовое определение терроризма гораздо шире уголовно-правового.

¹ *Босхолов С.С., Литвинов Н.Д.* Проблемы нормативного регулирования борьбы с терроризмом в современной России // Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью. Калининград, 1997. С. 70.

² *Петрищев В.Е.* Заметки о терроризме. М., 2001. С. 10.

³ *Российская газета.* 2006. 10 марта.

Это происходит по причине того, что УК РФ не охватывает всего многообразия терроризма в современных условиях. Например: «... совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека...»¹. Рассматривая ст. 205 УК РФ и ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» очевидно, что законодатель различает термины «акт терроризма» и «террористический акт».

Некоторые расхождения уголовного законодательства и Федерального закона дают современным юристам много «пищи» для размышлений и интерпретации вышеприведенных понятий. И именно это обстоятельство, создает проблемы юридического определения понятиям «терроризм», «акт терроризма», «террористический акт».

Следует отметить, что в дореволюционной России понятие «террор» использовалось для определения оппозиционного насилия, т.е. насилия, исходящего от оппозиции.

В этой связи пристального внимания заслуживает государственные меры противодействия терроризму в Российской империи во второй половине XIX века. Именно этот период российской истории характеризуется террористической активностью революционно настроенной интеллигенции в отношении императора и представителей власти. Эти обстоятельства обусловили необходимость выработки наиболее эффективных форм и методов борьбы с этим явлением. Особую значимость приобретает круг вопросов, связанных с организационно-правовыми основами деятельности Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи по борьбе с террористическим движением революционных организаций в данный период.

Накопленный опыт работы правоохранительных органов по противодействию терроризму приобретает сегодня особую актуальность.

Реформы второй половины XIX в., проведенные Александром II, носившие, несомненно, прогрессивный характер, тем не менее, далеко не решали назревших к тому времени общественных проблем. Будучи недостаточно последовательными, они не сняли того напряжения в общественно-политической жизни страны, которое заметно нарастало к концу столетия.

Многие современники считали, что страна находится на грани общенационального кризиса, выход из которого видели в проведении дальнейших реформ².

¹ См.: *Федеральный закон* от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

² *Перегудова З.И.* Политических сыск России (1880—1917 гг.). М., 2000. С. 17.

На 1879—1880 гг. приходится пик активности покушений на императора и высших сановников. Правительство отвечало на них применением жестких репрессий (в том числе смертными казнями) и массовыми высылками из столиц и крупных городов студентов.

В 1879 г. были учреждены должности временных генерал-губернаторов в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и Одессе с чрезвычайными полномочиями. Им были подчинены войска соответствующих военных округов, жандармские органы, полиция и гражданская администрация. Им было даже передано право конформации приговора к смертной казни, что всегда относилось только к прерогативе императора. Однако и это не помогло.

5 февраля 1880 г. прогремел взрыв в Зимнем дворце, организованный С. Халтуриным, повергшим правительство в шок¹.

7 февраля 1880 г., два дня спустя после взрыва, великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике: «Мы переживаем, время террора с той только разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видели и не знаем. Но даже не имеем понятия об их численности. Все это: приводит к проявлениям всеобщей паники»².

8 февраля Александр II собирает совещание своих ближайших помощников, а на следующий день 9 февраля издает Указ о создании Верховной распорядительной комиссии и назначением председателем ВРК М.Т. Лорис-Меликова³.

Согласно Указу Александра II Сенату от 12 февраля 1880 г. «Об учреждении в Санкт-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия»⁴ для того, чтоб «положить предел беспрерывных повторяющихся в последнее время покушений дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок», предпринимались определенные шаги.

М.Т. Лорис-Меликов считал, что успокоения в стране следует добиваться не только репрессиями, но и усилением поддержки правительства со стороны «благomyслящей части общества».

Для этого проводились его встречи с представителями печати, делались заявления, в которых выражалось стремление к примене-

¹ История полиции России: Краткий исторический очерк и основные документы: учебное пособие / Под ред. В.М. Курицына. М., 1999. С. 31—32.

² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 3. Д. 16. Л. 101.

³ ПСЗ-2. Т. LIV. Отд. 2. № 60492.

⁴ Там же.

нию «гуманных форм правления». Такую политику иронически стали называть «диктатурой сердца»¹.

Интересен журнал заседания ВРК от 4 марта 1880 г. Это заседание, в ходе которого были приняты решения, касающиеся работы административных и судебных органов и производства дознания по делам о государственных преступлениях.

Например, «к задачам на этом совещании относились:

а) принятие решительных мер к подавлению наиболее возмутительных действий анархистов;

б) поиск и изыскание средств врачевания причин, порождающих «крамолу» и поддерживающих ее;

в) необходимость объединения всех административных и судебных органов, призванных к обнаружению и преследованию преступных замыслов и изысканию способов к установлению такого объединения...

В журнале были указаны причины, затрудняющие борьбу Правительства с крамоллой, заключающиеся в крайней медленности производства дознаний и дел о государственных преступлениях.

Нередки случаи, пояснялось на заседании, что явные преступники остаются без приговора и наказания в продолжение всего г. и более; с другой же стороны, лица, арестованные по неопределенным подозрениям, освобождаются из-под стражи лишь по прошествии нескольких месяцев и, будучи озлоблены таким произвольным лишением свободы, привлекают других в ряды недовольных.

Надлежит выработать меры ... мерами, практикуемыми при преследовании лиц, политическая неблагонадежность которых заподозрена, служат административная высылка и полицейский надзор, гласный и негласный; ...»².

11 апреля 1880 г. граф М.Т. Лорис-Меликов передал Александру II Всеподданнейший доклад, который был программой дальнейших мероприятий ВРК для решения поставленных перед ней задач. В докладе в части, касающейся «охранение государственного порядка и общественного спокойствия», предлагаемая программа состояла из пяти пунктов.

Суть их сводилась к тому, что в настоящий период нельзя ограничиваться только карательными и полицейскими мерами, говорилось о необходимости проводить определенные преобразования. Доклад, также предполагал еще более широкое поле деятельности ВРК и был ободрен Александром II.

¹ *Министерство* внутренних дел России: 1802—2002. Исторический очерк: В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2002. С. 183—184.

² *ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 37. Л. 1—3.*

Прошло шесть месяцев и графу М.Т. Лорис-Меликову показалось, что Верховная распорядительная комиссия как чрезвычайный орган уже выполнила свою миссию. Это связано с тем, что весной и летом 1880 г. террористическая деятельность практически прекратилась.

Многие участники «Народной воли» и других тайных организаций были арестованы и осуждены. Произведенные аресты потребовали от революционеров перестройки их рядов, что несколько сократило их активность. Однако временное затишье дало повод Лорис-Меликову и его сподвижникам думать, что политика «мягких перчаток» приносит свои плоды.

Поэтому Александру II поступило предложение об упразднении Верховной распорядительной комиссии, и передаче «высшее заведование» полиции империи в Министерство внутренних дел. Предлагалась также ликвидация III отделения С. Е. И. В. канцелярии с передачей ее полномочий и ответственности Министерству внутренних дел. Император согласился с этими предложениями. Аргументами в их пользу явились, как очевидная необходимость образования единого органа для руководства всеми полицейскими силами, так и крайняя непопулярность III отделения в глазах общественности¹.

Нужно признать, что политика М.Т. Лорис-Меликова была по-своему разумной; она успокаивала умы, благодаря чему на некоторое время покушения прекратились. Но именно этот успех и завел М.Т. Лорис-Меликова в тупик. Из наступившего успокоения, общество заключило, что пришло время коренных преобразований. Граф М.Т. Лорис-Меликов был популярен, потому что его считали либералом, склонным положить в России начало конституционной эре.

В Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 569.), имеется документ неизвестного автора, который указывает: «...устройство доброй полиции в государстве нашем едва ли не первый предмет правительства составлять должно ... оно не может быть довольно полицией, которое не знает, что надо знать, опаздывает всегда и везде, ... розыски которой редко успешны»².

Из этого документа следует, что автор нацелен на конкретизирование работы полиции и объединение полиции под общим руководством, включающая в себя объединение общей жандармской полиции с передачей части обязанностей обществу.

¹ Министерство внутренних дел России: 1802—2002. Исторический очерк. С. 183.

² См.: *ГАРФ*. Ф. 569. Оп. 1. Д. 104. Л. 1—1 об.

При этом в ходе исследования, удалось выяснить, что вся политика Лорис-Меликова в отношении полиции, заключалась в том, чтобы сохранить внешнее приличие и внушить обществу, что он что-то ей дал, тогда, как он сам оставил практически все без изменений.

Следует заметить, что III отделение С. Е. И. В. канцелярии было официально подчинено ВРК¹. III отделение являлось высшим органом политической полиции в России и подчинялось Императору. Он назначал его главного руководителя, который являлся одновременно шефом жандармов.

В обязанности III отделения входила охрана государственного строя, надзор и контроль, за всеми сторонами общественной жизни России, а также за деятельностью государственного аппарата и выборных учреждений. Основной же функцией III отделения являлась борьба со всеми проявлениями антиправительственной деятельности, и в области политики и идеологии.

26 июля 1880 г. Лорис-Меликов предоставил Александру II Всеподданнейший доклад, в котором подвел итоги проделанной Комиссией работы, отметил «некоторые благоприятные признаки свидетельствующие о заметном успокоении умов» ... основная задача подчеркивал он, — заключается в том, чтобы отнять у «крамолы» почвы для развития революционных идей, что «возможно только в результате объединения усилий правительственной власти и общества»².

1 августа 1880 г. начальником ВРК М.Т. Лорис-Меликовым была подана Всеподданнейшая записка о преобразовании полиции.

6 августа 1880 г. обнародуется Указ «О закрытии Верховной Распорядительной Комиссии, упразднение III отделения Его Императорского Величества канцелярии и об учреждении Министерства Почт и Телеграфов»³. Вместо ликвидированного III отделения в составе министерства внутренних дел образован Департамент Государственной Полиции, при существовании в то же время Департамента Полиции Исполнительной.

Затем, 15 ноября 1880 г. оба названных Департамента, в видах сосредоточения заведывания всеми политическими делами в одном центральном учреждении Министерства и объединения полицейского управления на местах, слиты были в одно учреждение под названием Департамент Государственной Полиции.

¹ ПСЗ-2. Т. LV. № 60609.

² ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 64. Л. 8—10.

³ ПСЗ-2. Т. LV. Отд. 1. № 61279.

Одновременно с этим, взамен упраздненных юрисконсультских частей при МВД и Шефа жандармов, для ведения дел по делам о государственных преступлениях, производившихся в Судебно-Политическом Отделении Верховной Распорядительной Комиссии был создан особый Судебный отдел при Министерстве внутренних дел.

Первоначально в 1880 г. Департамент государственной полиции имел в составе всего три структурных части, которые назывались делопроизводствами: 1-е делопроизводство — распорядительное, 2-е делопроизводство — законодательное, 3-е делопроизводство — секретное.

Указом от 15 ноября 1880 г. на Департамент государственной полиции было возложено руководство, как политической, так и общей полиции.

Согласно ст. 362 «Учреждения Министерства». Департамент обязан был заниматься вопросами:

- 1) предупреждением, пресечением преступлений и охраной общественной безопасности и порядка;
- 2) ведением дел о государственных преступлениях;
- 3) организацией и наблюдением за деятельностью полицейских учреждений;
- 4) охранением государственных границ и пограничных сообщений; выдачей паспортов русским подданным, видов на жительство в России иностранцам, заниматься высылкой иностранцев из России; обеспечивать наблюдение за всеми видами культурно-просветительской деятельности и утверждать уставы различных обществ¹.

Новый 1881 г. Российская империя встретила в относительном спокойствии. В конце января 1881 г. Лорис-Меликов в докладе царю свидетельствовал о благотворных последствиях принятой правительством политики «успокоения умов» и возвращению государственной жизни к правильному течению².

Однако 1 марта 1881 г. Александр II отправился на развод караула. На обратном пути, около трех часов, на Екатерининском канале Александр II был убит.

Последствия трагической гибели Александра II отразились на многих сторонах жизни России, в том числе на характере и направлении реформы полиции. С либерализмом Лорис-Меликова было покончено. Были положены под сукно планы дальнейшего объеди-

¹ Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 2. СПб., 1892. Разд. VI. Ст. 362.

² Министерство внутренних дел России: 1802—2002. Исторический очерк. С. 187.

нения всех полицейских служб в рамках единой управленческой структуры. Изменения происходили только по линии усовершенствования самой структуры Департамента полиции¹.

Подводя итог, можно отметить, что первоначально терроризм в Российской империи во второй половине XIX в. носил персонифицированный характер. Он был направлен против тех или иных должностных лиц.

Проведение царским правительством открытых политических процессов и переход от обычных законов к законам чрезвычайным и спровоцировало волну общественного недовольства в Российской империи.

9 августа 1878 г. появился закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени»².

Все дела о политических убийствах и насильственных действиях рассматривались не в судах присяжных, как это было ранее после судебной реформы, а передавались в ведение военного суда. Активизация террористических проявлений со стороны революционеров детерминировала ужесточение репрессивных мер со стороны властей.

Создано Особое совещание для выработки чрезвычайных мер борьбы с революционерами — террористами. Военно-полевым судам разрешалось на месте судить тех, кто совершил нападение на должностных лиц или оказал им вооруженное сопротивление. Было принято решение — дела задержанных рассматривать незамедлительно на закрытых процессах, а апелляции не принимать³.

Террористическое движение революционных организаций стало ответом на государственный террор и приобрело впоследствии социально-политический характер. Кроме этого для антиправительственных выступлений в Российской империи была характерна радикальная форма протеста, нашедшая свое выражение в социально-политическом явлении антигосударственного терроризма.

В современных условиях объектами террористической деятельности становятся совершенно непричастные к политике, государственному управлению граждане.

¹ *Перегудова З.И.* Политических сыск России (1880—1917 гг.). М., 2000 С. 32.

² *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. LIII. Отд. 2. С. 90.*

³ *Петрищев В.Е.* Заметки о терроризме. М., 2001. С. 198.

Криминалистическая характеристика кибертерроризма националистов, фашистов, экстремистов. Первоначальные следственные и организационные действия

Кибертерроризм националистов, фашистов, экстремистов политически мотивирован. Это противоправная атака или угроза атаки на компьютеры, сети или информацию, находящуюся в них, совершенная с целью принудить органы власти к содействию в достижении политических или социальных целей. Информационные средства нападения, по сравнению с «физическими», представляют некоторое преимущество. С их помощью можно действовать удаленно и анонимно, они дешевы, не требуют опасных в транспортировке взрывчатых веществ. Такие теракты с высокой вероятностью получают широкую огласку в СМИ.

Например, японская террористическая группировка «Аум Синрике», которая провела газовую атаку в токийском метро в 1995 г., перед этим создала компьютерную систему, способную перехватывать сообщения полицейских радиостанций и отслеживать маршруты движения полицейских автомобилей.

Криминалистическая характеристика кибертерроризма националистов, фашистов, экстремистов характеризуется следующими особенностями: использование новейших информационных технологий, требующих специального образования и высокого интеллектуального уровня; высокий уровень латентности; высокая степень ущерба; сложность выявления совершения преступления и установления виновных; трудности при сборе доказательств; тенденция сращивания высококвалифицированных программистов и ученых, не имеющих необходимой социальной защиты, с националистами, фашистами, экстремистами; интернационализация данных преступлений.

Субъекты преступлений в большинстве случаев — это лица в возрасте 25—50 лет. Организаторами кибертерроризма являются,

как правило, достаточно зрелые, богатые, жаждущие власти люди. Соисполнители — программисты (ученые), не имеющие необходимой социальной защиты, им 30—35 лет, они в поиске незаконного обогащения. Соисполнители — достаточно сильные, смелые, обладающие специальными навыками террористических и диверсионных актов лица в возрасте 20—25 лет. Надо иметь в виду, что в качестве соисполнителей вовлекаются молодые люди, подвергшиеся соответствующей психологической обработке.

Действия субъектов политически мотивированы, направлены на захват власти.

Место совершения акта кибертерроризма нельзя определить однозначно. Можно выделить: место непосредственной кибератаки, место непосредственной обработки и постоянного хранения средств, используемых для кибератаки, место хранения информации на машинных носителях, используемой для организации кибератак, место использования результатов кибератак.

Время совершения акта кибертерроризма очень короткое, исчисляется минутами или даже секундами.

Способы совершения преступления — самые разнообразные. В нашей стране — это совокупность преступлений, предусмотренных в главе 28 УК РФ, которые стали логическим продолжением преступлений, предусмотренных уголовным кодексом.

Отсюда следует, что общекриминалистическая методика расследования преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ, является определяющей.

Особенность — в определении специального характера информации, механизме использования технологий обработки, размере ущерба.

Частная методика расследования преступлений, совершенных по совокупности, когда одним из них является преступление, предусмотренное главой 28 УК РФ, должна предлагать типичный перечень следственных и организационных действий с учетом того, какое из них носит неотложный характер. Предлагается тактика их применения в зависимости от категории кибертерроризма.

Наглядным примером может служить многократный несанкционированный доступ гражданина РФ Левина, уроженца СПб, в компьютерную сеть нью-йоркского «Сити-банка». Внося изменения в электронные счета, он переводил крупные валютные средства на электронные счета банков, которые находились в 6 странах, для последующего снятия наличных денег группой его сообщников. Для этого он использовал ноутбук, находясь в Лондоне. Таким образом, может быть несколько мест совершения преступления.

Способ и механизм использования компьютерной информации с целью кибертерроризма определяет: обстоятельства, подлежащие доказыванию, особенности возбуждения уголовного дела, специфику первоначальных следственных действий и их сочетание с оперативно-розыскными мероприятиями, особенности планирования и построения версий.

Выдающийся китайский стратег Сунь-цзы писал в своей работе «Искусство войны»: «Тот, кто способен менять свою тактику в зависимости от планов и действий противника и таким образом добивается над ним победы, может быть назван прирожденным полководцем»¹.

Националисты, фашисты, экстремисты планируют свои преступления анонимно и дистанционно, используя пробелы национальных законодательств. В России, как правило, все компьютерные сети замыкаются на сервер, расположенный за рубежом. Сотрудники работают на компьютере, используя переходное оборудование, с которого легко можно удалить нежелательную информацию. В офисах имеется охрана, железные двери, видеонаблюдение. Все сотрудники проинструктированы и настроены на противодействие правоохранительным органам. Практика показывает, что информации, которой владеет одна страна, зачастую оказывается недостаточно для изобличения преступников. Только благодаря активному обмену информацией может быть инициировано международное расследование. Сбор доказательств по этим преступлениям происходит за границей. Ключевую роль в этом играет неформальное международное сотрудничество на основе принципа взаимности и формальное сотрудничество с использованием запросов об оказании взаимной правовой помощи. Правовые основания для направления запроса об оказании взаимной правовой помощи содержатся в многосторонних и двусторонних договорах об оказании взаимной правовой помощи, которые Россия заключила с соответствующими государствами.

Учитывая, что оказание правовой помощи занимает много времени, этот метод сбора доказательств должен использоваться только в тех случаях, когда такое доказательство не может быть получено посредством проведения следственных или процессуальных действий в России. Инструмент по составлению запроса о правовой помощи разработан ООН, он представляет собой пошаговое руководство к написанию запросов по различным видам правовой помощи. В результате выполнения всех шагов этот инструмент собирает

¹ Сунь-цзы: Искусство войны. Ростов-на-Дону, 2002. С. 82.

всю информацию в форме правильно составленного запроса о правовой помощи. Этот инструмент доступен для следователей либо на русском, либо на английском языке, и может быть найден по следующей ссылке: <http://www.unods.org/mla/index.html>. Следует остановиться на общем организационном моменте, который должны учитывать все частные методики на первоначальном этапе расследования. Основным инструментом в международном сотрудничестве при противодействии международным преступлениям является планирование. Этому способствуют офицеры связи, которые работают на постоянной основе в дипломатических посольствах и консульствах, а также по принципу прикомандированных в представительствах. В зависимости от оперативной обстановки, складывающейся в определенном регионе России, в представительствах может быть один или два офицера связи, которые меняют друг друга каждые две недели¹. В их обязанность входит сбор информации о подготавливаемых на территории России преступлениях, которые будут совершаться в их странах, о преступниках, которые совершили или совершают преступления в их странах или укрываются на территории России. Если говорить о кибертерроризме, то офицеры связи иностранных государств не заменимы для быстрого реагирования при раскрытии и расследовании дел этой категории. Только с их участием можно найти следы преступления (круг документов, в которых может быть доказательственная информация), места нахождения следов (места хранения и формы хранения документов), составить оперативно-поисковый план, выработать стратегию и тактику проведения ОРМ и следственных действий². Только офицеры связи смогут обеспечить подбор нужного партнера в своей стране, обеспечить быстрый обмен информацией, включая обмен инфор-

¹ Подробно см.: Бойцов Ю.М. Вопросы организации деятельности СОГ и взаимодействие на первоначальном этапе расследования // Актуальные проблемы расследования преступлений: мат-лы Междун. науч.-практич. конф. (23.05.2013): В 2-х ч. Ч. 2. М., 2013. С. 35—36. Бойцов Ю.М., Хабарова Г.В. К вопросу о понятии оперативной обстановки // Актуальные проблемы расследования преступлений: мат-лы Регион. науч.-практич. конф. (28.11.2014) / СПб, 2014. С. 84—88.

² Подробно см.: Бойцов Ю.М., Хабарова Г.В. Взаимодействие государственных органов при расследовании преступлений коррупционной направленности // Взаимодействие государственных органов при расследовании преступлений коррупционной направленности: мат-лы Междун. науч.-практич. конф. (23.05.2014). М., 2014. С. 339—343.

мацией в реальном времени. Представляется, что сотрудничество должно начинаться со стадии раннего выявления трансграничных преступлений и продолжаться до исполнения запроса о приведении в исполнение решения о конфискации. Кроме того, следует признать, что в практике Европейского Союза (ЕС) при расследовании трансграничных преступлений широкое признание получили совместные следственные группы (ССГ). Первоначально они были введены в странах ЕС в 2000 г. Рамочное решение Совета Европейского Союза от 13 июня 2002 г. санкционировало создание ССГ и со странами, не входящими в ЕС. ССГ имеют широкий спектр новых инструментов сотрудничества: проведение совместных оперативно-розыскных и следственных действий, использование видео и телефонной конференцсвязи, постоянный обмен информацией, временное перемещение подозреваемых, проведение трансграничного наблюдения, проведение совместной контролируемой поставки, использование агентурных возможностей. Следует обратить внимание, что доказательства ССГ формируются в соответствии с процессуальными требованиями к правовой помощи, но без направления запросов, напрямую членами ССГ, а также в рамках передачи уголовного преследования, не нуждаются в легализации.

Следует особо обратить внимание на возможность планирования и использования методов расследования, которые используются в других странах для формирования доказательств, но запрещены в России. Так, использование агента-provokatora и проверка на честность и неподкупность запрещены УК РФ. Такие действия будут содержать признаки преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ. Однако данные методы вполне приемлемы для формирования допустимых доказательств в странах с англосаксонским правовым подходом и в некоторых странах с континентальным правовым подходом. ССГ позволят выбрать новый ресурс формирования допустимых доказательств.

В заключение следует сказать, что эффективному расследованию кибертерроризма будет способствовать институт уголовной ответственности юридических лиц. Этот стандарт Россия должна была внедрить, поскольку подписала конвенцию о борьбе с коррупцией, организованной преступностью и отмыванием денежных средств, полученных преступным путем. Однако до настоящего времени этот институт не внедрен в уголовное судопроизводство.

Особенности производства допросов при расследовании преступлений экстремистской направленности

Экстремизм в Российской Федерации за последние 11 лет вырос в 8 раз (со 130 фактов в 2004 г. до 1034 — в 2014 г.¹), что не может вызывать обоснованное беспокойство общества. Следует признать, что в настоящее время экстремизм реально угрожает стабильности государственного строя.

При этом лица, расследующие данные общественно опасные деяния, сталкиваются с определенными трудностями при производстве следственных действий. Практика показывает, что к основным следственным действиям первоначального этапа расследования преступлений данного вида относится допрос.

Осуществляя допрос по данной категории дел, следователь должен осуществлять тщательную подготовку к нему, которая включает в себя²:

- изучение личности допрашиваемого (как подозреваемого, так и потерпевшего и свидетеля);
- знание особенностей поведения лиц, совершающих экстремистские преступления;
- знание субкультуры преступных групп экстремистской направленности.

В качестве свидетелей по уголовным делам об экстремизме могут быть допрошены:

1) *очевидцы*:

- совершения преступлений по экстремистскому мотиву;
- призывов к осуществлению экстремистской деятельности;
- возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства;

¹ URL: <http://mvd.ru>.

² *Алгазин И.И.* Особенности допроса потерпевших по делам о причинении вреда здоровью по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы // Правовые основы противодействия экстремистской деятельности: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (11.02.2011). Тюмень, 2011. С. 58.

-
- применения насилия или высказывания угроз применения насилия при возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства;
- 2) лица, имеющие информацию:
- о лицах публично призывавших к осуществлению экстремистской деятельности;
 - о лицах публично возбуждающих ненависть либо вражду, унижающих человеческое достоинство;
 - о лицах применявших насилие или высказывавших угрозы применения насилия при возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства;
 - о членах организованной группы, созданной для возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства, ее дислокации;
 - о членах экстремистского сообщества, ее дислокации;
 - о членах экстремистской организации, ее дислокации;
 - о СМИ, пропагандирующих экстремизм;
 - о месте подготовки, тиражирования, хранения и распространения экстремистских материалов;
 - о лицах подготавливающих, тиражирующих, хранящих и распространяющих экстремистские материалы;
 - о месте нахождения компьютерной техники, с помощью которой по Интернету распространяются призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждаются ненависть либо вражда, унижается человеческое достоинство по экстремистским мотивам.
 - о лицах, распространяющих по Интернету призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждающих ненависть либо вражду, унижающих человеческое достоинство по экстремистским мотивам;
- 3) представители органов власти (например, полицейские), участвующие в задержании экстремистов после совершения ими преступлений экстремистского характера;
- 4) представители образовательных учреждений (например, непосредственно занимающихся обучением и воспитанием подростков);
- 5) медицинские работники, в том числе работники скорой медицинской помощи, оказывающие медицинскую помощь раненым;
- 6) родственники, знакомые, соседи, сослуживцы потерпевших;
- 7) родственники, знакомые, соседи подозреваемых в совершении преступлений экстремистской направленности.

В ходе допросов потерпевших и свидетелей необходимо получить информацию, раскрывающую обстоятельства:

- публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждению ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства;
- применения насилия или высказывания угроз применения насилия при возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства;
- создания организованной группы, для возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства, руководства ей и участия в ней;
- создания экстремистского сообщества, руководства им и участия в нем;
- деятельности экстремистской организации;
- подготовки, тиражирования, хранения и распространения экстремистских материалов;
- распространения по Интернету призывов к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства по экстремистским мотивам;
- совершения преступлений по экстремистским мотивам.

Показания свидетелей являются весомым средством доказывания при расследовании преступного экстремизма. В этой связи любому субъекту доказывания следует предпринять все возможные способы для их отыскания. В рамках расследуемого дела свидетеля необходимо допрашивать о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего, взаимоотношениях свидетеля и обвиняемого, потерпевшего, других свидетелей. Предметом его показаний могут быть не только обстоятельства, которые он воспринимал лично, но и любые другие сведения, ставшие ему известными со слов других лиц¹.

При допросах несовершеннолетних подозреваемых в совершении преступлений экстремистской направленности необходимо установить следующие обстоятельства²:

- образование, профессия, род занятий;
- характер, направленность личности, особенности воспитания в семье, школе, т.е. должны быть установлены истоки формирования личности;

¹ *Валеев А.Х., Самойлов А.Ю.* Особенности расследования преступлений экстремистской направленности // ЕврАзЮж. 2012. № 9(52); СПС «Консультант-Плюс».

² *Алгазин И.И.* Указ. соч. С. 60.

- отношение к окружающим, в том числе по национальному, расовому признакам;
- не является ли он сторонником учения о разделении наций и рас на высшие, избранные и неполноценные;
- какую литературу имеет, читает, изучает, а какую отвергает, где приобретает указанную литературу, в том числе у кого берет для чтения;
- поддерживает ли контакты с лицами, занимающими нетерпимые позиции в национальном или расовом вопросах, если да, то с кем именно, в чем проявлялись эти контакты;
- уровень интеллекта, эрудиция, состояние психики;
- наличие увлечения (хобби);
- уровень материальной обеспеченности, источник и размер официальных и иных доходов;
- принимал ли ранее участие в каких-либо конфликтах, в том числе на национальной, расовой почве, если да, то в каких;
- привлекался ли ранее к уголовной ответственности за совершение преступлений на почве национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды;
- не является ли допрашиваемый членом какой-либо организации;
- если является, то когда и при каких обстоятельствах вступил, почему, от кого узнал о существовании (создании) соответствующей организации, кто давал рекомендации (если это предусмотрено порядком приема), что привлекло к участию в деятельности именно данной организации (цели, средства их достижения, лозунги, лидер, конкретная деятельность) и т.п.;
- если не является членом такой организации, то не принимает ли участие в ее деятельности — регулярно или в отдельных проводимых ею акциях (если да, то почему, как часто, кто привлек к такой деятельности и т.п.);
- как он оценивает ее цели, задачи, деятельность, лидеров; что считает необходимым оценить положительно, а что отрицательно, какие из известных ему взглядов разделяет;
- какова его национальность (по документам), какова его этническая самоидентификация (к какой национальности считает необходимым относить себя, почему);
- испытывает ли чувство вражды или ненависти к представителям иной расы или национальности, если да, то какой именно, почему и т.д.

Изучение всех приведенных выше вопросов следует проводить с максимальной осторожностью и деликатностью, поскольку они затрагивают конституционное право человека на свободу совести, а

также могут оказаться связанными с жизненно важными для допрашиваемого интересами. Неумело поставленные вопросы могут вызвать ярко выраженную негативную реакцию, привести к утрате психологического контакта со следователем.

Формулировка вопросов, которые задаются допрашиваемому после свободного рассказа, не должна допускать различных толкований. Следует избегать идиоматических выражений, пословиц и поговорок, смысл которых недоступен допрашиваемому и не может быть точно разъяснен при переводе.

Анализ материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 282 УК РФ, показал, что практически абсолютное большинство обвиняемых в ходе допроса утверждают, что «целей оскорбления по национальному, иному признаку, возбуждения ненависти, вражды не преследовали, а просто высказывали свое мнение, делились своей точкой зрения» либо «реализовывали свое право на свободу выражения мнения»¹.

Так, несовершеннолетние Ж. и Д., вооружившись битами, с целью «проучить таджиков», пришли к дому потерпевших, вызвали их во двор, где нанесли им битами множественные удары, причинив вред здоровью средней тяжести. В ходе расследования уголовного дела Ж. заявил, что у него были личные неприязненные отношения к потерпевшему К., который когда-то на него «косо» посмотрел. Никакой расовой и национальной ненависти либо вражды к потерпевшим он не испытывал. Допрошенный Д. заявил, что пришел к дому потерпевших за компанию с Ж., не испытывая к потерпевшим никакой национальной ненависти или вражды. Органами предварительного следствия уголовное преследование Ж. и Д. по п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления².

Таким образом, при расследовании преступлений экстремистской направленности одним из основных следственных действий является допрос участников уголовного процесса: потерпевшего, свидетелей, подозреваемого. От качественных подготовительных мероприятий, верно определенных очередности и тактики допросов, профессионально проведенного следственного действия зависит эффективность производства других следственных действий и как результат — успешность расследования уголовного дела и привлечение к уголовной ответственности виновного.

¹ *Бежукова З.М.* Соотношение права на свободу выражения своего мнения с запретом на возбуждение вражды (по материалам Европейского суда по правам человека) // *Общество и право.* 2010. № 1. С. 268.

² *Алгазин И.И.* Указ. соч. С. 62.

Идентификация по татуировкам¹ участников уголовного процесса при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности: зарубежный опыт

Нет сомнений в том, что противодействие преступлениям экстремистской и террористической направленности остается одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов Российской Федерации.

Официальная статистика свидетельствует о стабильно высоком уровне терроризма в Российской Федерации. Последние восемь лет каждый год совершается более 600 преступлений террористического характера². Причем в 2014 г. зафиксирован резкий скачок — 1128 преступлений. При этом каждый год совершается около 30 террористических актов.

Экстремизм в России за последние 11 лет вырос в 8 раз (со 130 фактов в 2004 г. до 1034 — в 2014 г.).

Расследование преступлений экстремистской и террористической направленности остается одним из наиболее сложных. Причем следственная практика показывает, что при расследовании указанных общественно опасных деяний одной из проблем является как установление личности убитых по экстремистским мотивам и при совершении террористических актов, так и идентификация трупов экстремистов и террористов.

¹ Татуировка (татэ, в просторечии — наколка) — процесс нанесения перманентного (стойкого) рисунка на тело методом местного травмирования кожного покрова с внесением в подкожную клетчатку красящего пигмента; сами узоры на теле, сделанные таким способом.

² Здесь и далее: Статистические данные с официального сайта МВД России. URL: <http://mvd.ru>.

Особенно проблемно установление личности потерпевшего при расследовании транспортных катастроф, что усугубляется обстановкой преступления.

Например, трудности идентификации жертв катастрофы малайзийского воздушного лайнера «Boeing 777» под Донецком 17 июля 2014 г. были обусловлены боевыми действиями в районе места падения самолета.

При этом идентификация жертв не должна проводиться в спешке, и уж тем более подвергаться влиянию каких-либо политических соображений, что может привести не только к оскорблению памяти и общественному резонансу, но и всплеску национальной ненависти и вражды.

Так, пожалуй, самая резонансная в политическом отношении авиакатастрофа в России произошла 10 апреля 2010 г., когда крушение потерпел самолет «Ту-154М» р/н 101 ВВС Республики Польша с находившейся на борту польской делегацией во главе с Президентом Республики Польша при заходе на посадку на аэродром «Смоленск-Северный», что повлекло гибель 96 граждан Польши (большинство — высокопоставленные лица, цвет нации), в том числе Президента Польши Леха Качиньского и его супруги. Это трагическое событие — Смоленская катастрофа — еще многие десятилетия будет оказывать существенное влияние на российско-польские отношения. Вместе с тем об аптечной точности идентификационного процесса и в данном случае говорить не приходится в силу разных причин. Массовый характер жертв, существенные телесные повреждения трупов, требование выдачи тел полякам, не дожидаясь результатов генетических и иных идентификационных экспертиз, стресс родственников и иных участников идентификации, чрезвычайное давление временного, политического и других существенных факторов, когда, по словам одного из организаторов идентификаций, утрачивалось чувство реальности происходящего, привели ко вторичной виктимизации погибших и их близких. Ряд тел были идентифицированы ошибочно, перепутаны между собой и захоронены в Польше под чужими именами, что повлекло эксгумации, перезахоронения, вызвало обвинения близких и общественности в адрес польских компетентных органов по поводу ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей и очередную волну напряженности в польском обществе¹. К примеру, как бывший президент Польши в изгнании Р. Качоровский был ошибочно опознан

¹ Bieńczyk E. Tusk w Sejmie: Muszę przeprosić rodziny smoleńskie // RMF24: информ. портал. 2012. 27 сент. URL: <http://www.rm24.pl>; Identyfikacja ofiar katastrofy polskiego Tu-154 w Smoleńsku. URL: <http://pl.wikipedia.org>.

в Москве посторонним лицом — заместителем министра иностранных дел Польши — другой пассажир¹.

К одному из способов опознания трупа относится его идентификация по татуировкам, которые, как особые приметы, являются наиболее ценными и информативными среди других признаков внешности человека. При этом с помощью криминалистического исследования содержания татуировок можно также получить определенную информацию о свойствах личности ее носителя.

В России опознание трупов по татуировкам — давно сложившаяся и устоявшаяся практика. Однако и здесь наши специалисты сталкиваются с определенными проблемами, в частности — «правильное прочтение наколки». Одно и то же изображение на коже может свидетельствовать: и о службе в армии, и о событии в личной жизни, и о приверженности к криминальной субкультуре, и о подверженности модным течениям. И даже свастика² может иметь идеологическое значение³, а может и обозначать символ Солнца.

Поэтому не может быть не интересен в данной сфере и опыт зарубежных стран.

Об актуальности глубокого исследования криминальной татуировки свидетельствуют опубликованные в последние годы труды зарубежных специалистов⁴, которые неизменно затрагивают также советско-российскую культуру тату, как наиболее развитую⁵.

¹ Ambassador Jacek Najder o identyfikacji ciała prezydenta Kaczorowskiego // МИД Респ. Польша. 2012. 30 окт. URL: <http://www.msz.gov.pl>.

² Свастика — один из самых древних и широко распространенных графических символов, который изображался многими народами мира на предметах повседневного быта, одежде, монетах, вазах, оружии, знаменах и гербах, при оформлении церквей и домов. У свастики, как символа, много значений, у древних народов она была символом движения, жизни, Солнца, света, благополучия, и способна символизировать философские категории.

³ В XX веке свастика получила известность как символ нацизма и гитлеровской Германии.

⁴ Wahlstedt E. Tattoos and Criminality. A study on the origins and uses of tattoos in criminal subcultures. СПб.: European University at St. Petersburg, 2010; Rapp E.M. Stigmatization or Decoration: Tattoo as Deviance, A Cross-Cultural Study. Dept. of Anthropology, Willamette University, 2010; Porcella A. Tattoos: A Marked History. California Polytechnic State University, 2009; Borokhov A., Bastiaans R., Lerner V. Tattoo Designs Among Drug Abusers // *Isr J Psychiatry Relat Sci* Vol 43 No. 1 (2006) 28—33; Bokr K. Fenomijn tetovbnн – tĕlo jako sociokulturnн a vĕtvarnĕ dokument. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2012; Brixia M. Vĕznam tetovbnн vĕzŕnĕ ve vĕkonu trestu odnĕtn svobody. Brno: Univerzita Tomĕše Bati ve Zlнnĕ, 2011; Tatuaże polskich wiĕzŕniyw // nasygnale.pl: информ. портал. URL: <http://nasygnale.pl>.

⁵ Dlouhб O. Tetovbnн v ruskĕj kriminбlnн subkulturnĕ; Bartнk I. Rusko: Vytetujme zloĕincĕm jejich hĕnchy! // [Kvĕty.cz](http://kvety.cz): информ. портал. URL: <http://kvety.cz>.

Кроме того, в настоящее время страны совершенствуют законодательное регулирование и правоприменение в области идентификации с помощью татуировок, рассматривая ее в качестве новой, перспективной правоохранительной технологии¹.

Так, с 2012 г. Биометрический передовой центр ФБР США (BCOE), во взаимодействии с рядом других подразделений ФБР, в рамках совершенствования Системы идентификации следующего поколения (NGI), включающей Базу данных шрамов, родимых пятен и татуировок (SMTs), разрабатывает автоматизированную систему (пилотная модель TattooID) сопоставления проверяемых изображений с изображениями, уже имеющимися в базе данных, без введения текстовых описательных данных (ключевых слов, символов), отнесение которых к определенным категориям слишком часто подвержено субъективизму, связано с не учетом всех возможных интерпретаций изображения и нехваткой стандартизированных описаний (применяемый стандарт ANSI-NIST-ITL 1—2011), что, в свою очередь, снижает вероятность корректных совпадений проверяемых и имеющихся в базе татуировок. Поэтому технология сопоставления по принципу «изображение–изображение» должна прийти на смену технологии, основанной на принципе «текст (ключевое слово) — изображение».

Не меньшее внимание Центр уделяет компьютеризированной систематизации значений (толкований) символов татуировок, поскольку данная оперативная информация служит распознаванию личности, связей, убеждений и взглядов носителя и эффективному предупреждению и раскрытию преступлений, особенно серийных и совершаемых членами преступных, террористических и экстремистских групп². В этих целях подразделениями ФБР разработана также пилотная Система сопоставления и графической оценки изображений татуировок и граффити (TAG-IMAGE), включающая сведения о значении татуировок³. Розыскной раздел официального сайта ФБР убедительно иллюстрирует активное задействование этим ведомством татуировки в розыскных целях.

Следует отметить и некоторые проблемы в данной сфере.

¹ *Mayhew S.* NIST conducting tattoo recognition technology challenge // biometricupdate.com: информ. портал. 2014. 2 окт. URL: <http://www.biometricupdate.com>.

² *Olson D.* Exploitation of Symbol Intelligence // Cryptanalysis and Racketeering Records Unit (CRRU) of the FBI's Laboratory Division. URL: <http://www.ucl.ac.uk/jdi/events>.

³ Image-Based Matching Technology Offers Identification and Intelligence Prospects // The CJIS Link, Vol. 14, No. 3, Dec. 2012, pp. 4—6. URL: <http://www.fbi.gov>.

Например, правозащитники заявляют об ошибках и злоупотреблениях при использовании соответствующей базы данных. Кроме того, в прессе сообщалось о возникновении случаев отказа в выдаче грин-карт супругам граждан США, имевшим предположительно криминальные татуировки¹.

В конце 2014 г. Национальный институт стандартов и технологии Министерства торговли США через свой официальный сайт пригласил всех заинтересованных представителей коммерческих и научных организаций принять участие в разработке (на основе предоставляемого организаторами пакета данных) упомянутой автоматизированной системы сопоставления татуировок по принципу «изображение-изображение» (Tattoo Recognition Technology — Challenge (Tatt-C))².

Инициатором данного проекта выступил все тот же Биометрический передовой центр ФБР США, участники — ФБР, Минюст, Минобороны США. Так что реализовывать с размахом проанонсированный в 2012 г. задел ФБР, спустя более двух лет, решило все же с привлечением сторонней помощи, что должно свидетельствовать о значительной сложности предпринятого проекта.

В сентябре 2015 г. издан первый публичный доклад о ходе реализации проекта «Tatt-C»³.

В заключении следует акцентировать, что сложившаяся отечественная практика идентификации жертв преступлений и трупов преступников, усиленная зарубежным опытом в данной сфере, несомненно, будет способствовать более эффективному опознанию участников уголовного процесса, в частности, установлению личности лиц в бессознательном состоянии, убитых по экстремистским мотивам и при совершении террористических актов, а также трупов экстремистов и террористов.

¹ FBI will Kriminelle mit Tattoo-Datenbank erkennen // derstandard.at: информ. портал. 2012. 18 июля. URL: <http://derstandard.at>.

² Tattoo Recognition Technology – Challenge (Tatt-C) // Нац. ин-т стандартов и технологии Мин-ва торговли США. URL: <http://www.nist.gov>.

³ Ngan M., Quinn G.W., Grother P. Tattoo Recognition Technology – Challenge (Tatt-C): Outcomes and Recommendations. NIST Interagency Report 8078. Image Group, Information Access Division, National Institute of Standards and Technology, U.S. Department of Commerce. Sept. 10, 2015.

Правовая основа и направления сотрудничества при расследовании международного терроризма

Преступления террористического характера в России с начала 2015 г. стали совершаться почти вдвое чаще, чем годом ранее, свидетельствует статистика МВД России. За январь-август 2015 г. в России зарегистрировано 1030 преступлений террористического характера¹. К преступлениям террористического характера традиционно относятся теракт, захват заложников, организация незаконного вооруженного формирования, публичные призывы к терроризму, содействие терроризму и заведомо ложное сообщение об акте терроризма, составляющее значительное количество среди совершенных преступлений данной категории.

Количество террористических актов в мире за 2013 г. увеличилось на 44%, с 6825 в 2012 г. до 9 814 в 2013 г. Наибольшую террористическую активность в 2013 г. проявляли четыре организации: Исламское государство (ИГ, бывшая ИГИЛ), Боко Харам, аль Каида и Талибан².

Деятельность международных террористических организаций вызывает серьезную озабоченность правоохранительных органов в связи с расползанием идеологии террора по благополучным странам, прежде всего европейским. Надвигающиеся угрозы требуют совместных согласованных усилий компетентных оперативных и следственных органов по выявлению членов международных террористических группировок и расследованию подготавливаемых и совершенных ими террористических преступлений.

¹ URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

² Институт экономики и мира (The Institute for Economics and Peace) совместно с Университетом Мэриленда (University of Maryland) представили «Глобальный индекс терроризма 2014 года» и сопровождающий его Рейтинг стран мира по уровню терроризма (The Global Terrorism Index 2014). URL: <http://gtmarket.ru/news>

В последнее время Российская Федерация предпринимает серьезные усилия по активизации взаимодействия в борьбе с международным терроризмом. Главы государств-участников СНГ в последнее время уделяют большое внимание, в первую очередь, вопросам обеспечения охраны государственных границ от незаконного проникновения на их территорию, а в последствии на территорию соседних государств террористов, получивших боевой опыт в Сирии Афганистане, Ираке; вопросам выявления проповедников Исламского государства и пресечения их вербовочной деятельности на своей территории. Понимая важность и значение согласованной совместной деятельности, взаимодействие России со странами СНГ активизировалось на самом высоком уровне, используются различные формы взаимодействия с целью выявления и пресечения террористических преступлений. Правоохранительные органы Российской Федерации оказывают помощь, предоставляя и анализируя полезную информацию, а также оказывают содействие в ведении различных криминалистических учетов.

Поскольку взаимодействие со странами СНГ не вызывает серьезных затруднений, его правовая основа проработана достаточно подробно, проанализируем отдельные вопросы сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства с европейскими странами, ставшие актуальными в связи неконтролируемым потоком беженцев из наиболее опасных с точки зрения распространения терроризма стран Азии и Африки.

Правовой основой сотрудничества России и Европейского союза, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, являлось, прежде всего, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве¹, учреждавшее партнерство между Российской Федерацией и Европейским сообществом и их государствами-членами (в настоящее время срок действия истек и идет подготовка нового соглашения).

В сфере противодействия терроризму на саммите Россия — ЕС 3 октября 2001 г. принято Заявление о международном терроризме, впоследствии в 2002 году было принято еще одно совместное Заявление о борьбе с терроризмом².

Данными Заявлениями взаимодействие правоохранительных органов обеих сторон было названо основным методом борьбы с терроризмом, стороны пришли к соглашению о создании условий и процедуры для обмена информацией о деятельности и передвиже-

¹ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (о. Корфу, 24.06.1994) // Дипломатический вестник. 1994. № 15/16. С. 29—59.

² Сотрудничество в сфере внутренних дел и правосудия // Европейский союз. Факты и комментарии. 2002. № 30. С. 17.

нии отдельных лиц и террористических групп; документах, вызывающих сомнение; поставках оружия, взрывчатых веществ, а также о новых формах терроризма.

6 ноября 2003 г. заключено соглашение между РФ и Европейской полицейской организацией (Европол)¹, целью которого является расширение сотрудничества Российской Федерацией и государствами — членами Европейского союза, действующими через Европол, в борьбе с опасными формами транснациональной преступной деятельности.

Одной из сфер взаимодействия статья 4 указанного Соглашения определяет предупреждение, выявление, пресечение и расследование преступлений, связанных с терроризмом и его финансированием; незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ; связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов.

В соответствии с вышеупомянутым Соглашением, сотрудничество сторон осуществляется в формах:

- 1) обмен стратегической и технической информацией, представляющей взаимный интерес;
- 2) обмен опытом работы в правоохранительной сфере;
- 3) обмен нормативными правовыми актами, методическими пособиями и другими материалами по правоохранительной деятельности государств;
- 4) подготовка кадров для правоохранительных органов.

Сотрудничество осуществляется на основании запросов заинтересованной стороны об оказании содействия. Стороны также могут обмениваться офицерами связи, для чего при необходимости заключается отдельное соглашение.

Наряду с нормами международного права, отдельные вопросы международного сотрудничества по уголовным делам регламентирует Уголовно-процессуальный кодекс российской Федерации.

При расследовании международных террористических преступлений суд, прокурор, следователь, дознаватель, а с другой стороны — соответствующие компетентные органы и должностные лица иностранных государств (ст. 453 УПК РФ) имеют право делать запросы, получать и предоставлять доказательства и информацию, оказывают непосредственное содействие коллегам на территории своего государства. Взаимодействие при расследовании преступлений международного характера осуществляется в форме информационного обмена (путем направления запросов о правовой помощи и о

¹ Соглашение о сотрудничестве между российской федерацией и Европейской полицейской организацией (Рим, 6.11.2003) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 3. С. 58—62.

передаче уголовного судопроизводства), путем присутствия при исполнении запроса о правовой помощи. Присутствие и участие в исполнении запроса о взаимной помощи по уголовным делам предлагаем обеспечить путем использования технических средств видеоконференцсвязи.

При обеспечении взаимодействия особое значение приобретает процедура направления запросов о правовой помощи по уголовным делам через центральные органы. Представляется, что основной проблемой использования центральных органов, через которые направляются соответствующие запросы, является сложность возникающей системы обеспечения взаимодействия. В европейском союзе указанные проблемы частично решены путем создания Европейской судебной сети.

Одной из важных форм взаимодействия при расследовании преступлений международного характера являются международные следственно-оперативные группы или совместные следственно-оперативные группы. Нашим национальным законодательством их создание не предусмотрено, однако в европейском союзе создается Евроюст, к основным целям деятельности которого относятся создание и обеспечение деятельности совместных следственных групп и координация расследования стран Евросоюза.

Таким образом, взаимодействие в сфере борьбы с международным терроризмом регламентируется, с одной стороны — достаточно подробно, с другой — нуждается в дальнейшем совершенствовании. Необходимо закрепить в Российском уголовно-процессуальном законодательстве такую форму международного сотрудничества, как создание международных следственно-оперативных групп. При исполнении иностранных запросов о взаимной помощи по уголовным делам, предлагаем разрешить использование технических средств видеоконференцсвязи, с помощью которой возможно присутствие и участие в исполнении запроса о взаимной помощи без командирования сотрудников полиции за рубеж.

Международный терроризм и отдельные аспекты взаимодействия с иностранными правоохранительными органами при расследовании данной категории преступлений

История терроризма уходит в глубокую древность. Одно из его первых упоминаний связано с терактами, совершенными в 60—70 гг. до н.э. еврейской политической группировкой жезотов, боровшихся насильственными методами против римлян за автономию Фессалонии.

В истории можно найти множество примеров терактов в самых разных проявлениях: существовал терроризм, базирующийся на национальных традициях (мафия на Сицилии, Курдские общины, Чеченские тейпы); революционные террористические организации (например, народничество в России); терроризм облачался даже в романтические формы, суть которых заключалась в необходимости национального освобождения, борьбы за справедливость.

В середине XIX в. появились и теоретики терроризма. Так, Карл Гейцен, отвергая понятие морали, провозглашал правомерность террора против господствующего класса. Во второй половине XIX в. террор получил резкое развитие на основе анархических и националистических взглядов.

Говоря о современном терроризме, следует отметить, что он возник сравнительно недавно, около 30 лет назад, причем одновременно в разных точках мира.

Фактический отказ ведущих мировых держав от «идейного» контроля за террористическими группировками, а также развал СССР привели к тому, что в ряде стран возникают целые «зоны свободного террора», где бесконтрольно господствуют переродившиеся лидеры освободительных движений, ныне неразрывно связанные с криминальным бизнесом (Афганистан, Сомали и другие).

Носителями (субъектами) современного терроризма выступают политические организации, спонтанно возникающие экстремистские группировки, отдельные лица, отрицающие легальную оппо-

зиционную деятельность, а также криминальные структуры и лица, борющиеся за раздел и передел сфер своего влияния.

Однако в современных условиях терроризм в любых его формах приобретает политическое звучание, так как он:

- подрывает систему государственной власти;
- криминализирует общество;
- оказывает негативное морально-психологическое воздействие на население, и в первую очередь на молодежь.

Само слово «террор» пришло из латинского языка (*terror* — страх, ужас) — политика устрашения, подавлении политических противников насильственными мерами, террористическими актами, вплоть до их физического уничтожения¹. Аналогичное значение имеют слова: *terrore* (анг.), *terreur* (фр.) — ужас, страх.

Одной из фундаментальных проблем исследования терроризма является выработка понятия как такового и, прежде всего, его определения и установления признаков. Решение данной задачи должно обеспечить нахождение четких критериев, позволяющих отграничить терроризм от иных общественно опасных посягательств.

Необходимо отметить, что в настоящее время мировое сообщество не выработало единого подхода к пониманию терроризма, его признаков. Заметно различаются определения данного явления, предлагаемые ведущими учеными, известными политиками. Расхождение в понимании терроризма связано с различием в видении его целей и мотивов. Мнения авторов не совпадают по вопросу о субъектах терроризма и по иным его элементам и признакам.

В частности, многие исследователи полагают, что деятельность террористических структур имеет исключительную политическую направленность. Известный российский ученый Л.А. Моджорян отмечает, что терроризм — это акты насилия, совершаемые отдельными лицами, организациями или правительственными органами, направленные на устранение нежелательных государственных политических деятелей, на дестабилизацию государственного правопорядка в целях достижения определенных политических результатов².

В ходе обсуждения проблемы в шестом Комитете Генеральной Ассамблеи ООН в 1976 г. предпринимались попытки дать определение понятия «терроризм». По мнению Р. Арона, акт насилия рассматривается как террористический в том случае, когда его психо-

¹ Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов. М., 1988. С. 509.

² Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия: Учеб. пособие. М., 2003. С. 4.

логический эффект обратно пропорционален его истинным физическим результатам. Э. Арегача определял терроризм как акты, сами по себе являющиеся традиционными формами общеуголовных преступлений, но совершаемые преднамеренно, с целью вызвать панику и беспорядок в организованном обществе, разрушить общественный порядок, парализовать противодействие террору со стороны общественных сил и интенсифицировать беды и страдания общества¹.

Международное исследование о 160 государствах с 2001 г. по 2013 г. показало, что в первую пятерку стран, наиболее пострадавших от терроризма — с учетом числа нападений, количества погибших и пострадавших и уровня материального ущерба, входят Ирак, Пакистан, Афганистан, Нигерия и Сирия. На долю этих государств приходится более 80% терактов в мире. Вслед за ними идут Индия, Сомали, Йемен и Филиппины, а замыкает десятку Таиланд. Россия заняла в рейтинге 11 место. Наибольшее количество террористических атак в 2013 г. отмечено в Ираке.

Как показывают результаты исследования, начиная с 11 сентября 2001 г. число террористических актов с каждым годом увеличилось более чем в четыре раза и достигло своего пика в 2007 г., в разгар военного конфликта в Ираке. Показатель террористической активности в 2013 г. показал значительный рост, прежде всего из-за массового нашествия военизированных групп радикальных исламистов и их объединений, охватившего территории ряда стран Ближнего Востока. Так, по сравнению с предыдущим изданием рейтинга число погибших в террористических атаках увеличилось на 61% — с 11,133 в 2012 г. до 17,958 в 2013 г., а рост числа террористических актов составил 44%, увеличившись с 6825 в 2012 г. до 9814 в 2013 г. Наибольшую террористическую активность в 2013 году проявляли четыре организации: Исламское государство (ИГ, бывшая ИГИЛ), Боко Харам, аль Каида и Талибан. На долю этих организаций приходится более 66% всех смертельных исходов в результате терактов².

Масштабы терактов в современных условиях могут быть самыми различными: от отдельных личностей до территории государства

¹ **Антонян Ю.М.** Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 189.

² Институт экономики и мира (The Institute for Economics and Peace) совместно с Университетом Мэриленда (University of Maryland) представили «Глобальный индекс терроризма 2014 года» и сопровождающий его Рейтинг стран мира по уровню терроризма (The Global Terrorism Index 2014). URL: <http://gtmaret.ru/news>.

и даже всего мирового сообщества. В настоящее время сохраняется напряженная ситуация в Сирии, Турции; имеются обоснованные опасения спецслужб различных государств распространения идеи исламского государства и на территории европейских стран, а также и на территории России.

Директор ФСБ РФ А. Бортников отметил, что «в ряде зарубежных стран активно функционируют интернет-сайты террористической и экстремистской направленности, ведущие агрессивную обработку российской аудитории. С их помощью, а также зарубежными эмиссарами продолжается вербовка граждан России в бандформирования, действующие не только в Северо-Кавказском регионе, но и на территории третьих стран, в частности в Сирии»¹, — добавил он.

Международная преступность, в том числе терроризм, имеет свои отличительные признаки, это нарушение интересов международного сообщества или нескольких государств; достаточно сложный механизм преступной деятельности, который характеризуется пересечением, в том числе и нелегальным, террористами и их пособниками государственных границ; перемещение имущества, информации на различных этапах совершения преступлений — в ходе подготовки, совершения и сокрытия террористических актов. В связи с этим такие преступления эффективно пресечены и наиболее полно расследованы только согласованными усилиями правоохранительных органов нескольких государств.

Международный характер терроризма, использование информационных систем для распространения его идей, финансирование террористической деятельности диктует необходимость выработки совместных мер государств по противодействию терроризму. Поэтому в настоящее время, несмотря на некоторое охлаждение экономического, политического сотрудничества России с рядом государств, содержание и формы институтов уголовного судопроизводства в различных регионах мира сближаются, продолжает развиваться научно-методическое и экспертное сотрудничество, обмен опытом выявления, пресечения, раскрытия и расследования международных преступлений террористического характера.

Российская комплексная система уголовно-процессуального взаимодействия является достаточно сложной, громоздкой, но вместе с тем четко структурированной. Совершенствование данной

¹ URL: <http://rusplt.ru/society>.

системы может опираться на современный опыт европейских государств и должно быть направлено на оптимизацию сроков переписки между компетентными зарубежными органами и обеспечение следователей консультационной поддержкой. В ходе консультаций сотруднику следствия могли бы разъясняться структура правоохранительных органов иностранного государства, наличие справочных, информационных баз данных, возможности экспертных учреждений зарубежных государств и другая необходимая информация для качественного и полного расследования международных преступлений террористического характера.

Также необходимо развивать взаимодействие и по вопросам обмена различными регистрационными данными, разработки и использованию новых экспертных методик и современных технических средств.

Т.В. ВАЛЬКОВА,
И.А. СУРОВЕНКО,
А.О. ВЛАЩЕНКО

Вопросы национального и международного права в противодействии экстремистским преступлениям в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет

Не вызывает сомнения, что экстремизм, во всех его формах и проявлениях, подрывает общественную безопасность и государственную целостность, влечет негативные последствия для всего гражданского общества, угрожает основополагающим началам и принципам конституционного строя не только Российской Федерации, но и любого другого современного государства, где проявляется результат его воздействия.

Концепцию новой стратегии противодействия экстремизму готовила межведомственная комиссия при МВД во главе с самим министром В. Колокольцевым и директором ФСБ А. Бортниковым. Глава государства заметил, что в работе по профилактике и противодействию экстремизму должны активно участвовать «все уровни власти, систем образования, политические партии, структуры гражданского общества, правозащитные организации и представители традиционных религий России». Они должны сформировать «единый фронт», «действовать на опережение для предупреждения проявлений экстремизма, вместе вести просветительскую работу, в том числе в интернете, создавать условия для укрепления мира и согласия в обществе»¹.

«Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.», утвержденная Президентом России 28 ноября 2014 г., достаточно подробно разъясняет круг внешних и внутренних экстремистских угроз, раскрывает карту необходимых действий и мероприятий.

¹ URL: <http://www.gazeta.ru/politics>

Так, к внешним угрозам относятся «поддержка иностранными государственными органами и организациями экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации, а также деятельность международных экстремистских и террористических организаций, приверженных идеологии экстремизма. К внутренним угрозам — экстремистская деятельность радикальных общественных, религиозных, неформальных объединений, некоммерческих организаций и отдельных лиц». Также стратегией подчеркивается, что «экстремизм вышел за пределы отдельных государств и представляет глобальную угрозу безопасности всего мирового сообщества», таким образом борьба с экстремизмом в настоящее время не может производиться эффективно лишь силами одного государства (как пример — настоящая ситуация в Сирии до поддержки сторонними государствами, в том числе со стороны Российской Федерации), а реализуется совместными усилиями мирового сообщества и подразумевает комплексное решение и скоординированное взаимодействие не только в информационно-телекоммуникационных сетях, но и в других позициях защиты и противодействия экстремизму.

Как отмечено, указанные виды проявляются в возбуждении ненависти либо вражды по признакам пола, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям. Такие призывы осуществляются прежде всего через информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», которые в свою очередь «стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии».

Несмотря на то, что немаловажную роль в распространении идей экстремизма и совершении преступлений экстремистской направленности играют информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет, в Российской Федерации также организовано противодействие экстремизму в сфере таможенного контроля, органов внешней и внутренней разведки, со стороны средств массовой информации и других сферах.

Суммируя зарубежный опыт в области развития антитеррористической политики, можно сказать, что современные националь-

ные антитеррористические и антиэкстремистские системы представляют собой совокупность следующих элементов:

- соответствующее законодательство и система правосудия;
- деятельность правоохранительных органов, специальных служб и ведомств, занятых в сфере обеспечения безопасности (в том числе разведслужбы);
- работа специальных контргрупп;
- создание национальных антитеррористических центров;
- выработка комплекса мер по противодействию экстремизму;
- разработка и проведение контртеррористических операций;
- работа служб, занятых ликвидацией последствий терактов;
- участие институтов гражданского общества;
- содействие СМИ в антитеррористической работе;
- обширная материально-техническая база (совершенные средства связи, компьютерные технологии, высококачественные современные транспортные и инфраструктурные элементы)¹.

Рассматривая вопросы национального и международного права в противодействии экстремистским преступлениям в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет, можно столкнуться с рядом определенных сложностей, несмотря на комплексное противодействие и привлечение широкого круга сил и средств борьбы. Сложность противостояния терроризму в Интернете обусловлена рядом следующих факторов:

1. Пространство Интернета крайне обширно — предугадать характер информации, время, место, автора и ее цель практически невозможно. Для обнаружения распространения такого вида информации необходимы мощные программно-аналитические комплексы и системы. Так, в марте 2009 г. представитель Агентства национальной безопасности (АНБ) бригадный генерал Д. Дэвис заявил об усилении в США контроля за интернет-пространством в связи с его активным использованием террористами, после того, как «Аль-Кайда» и ряд других террористических группировок, в том числе в Ираке, стали активнее использовать «всемирную паутину» для пересылки электронных сообщений и видеоматериалов, а также для получения денежных средств и вербовки новых боевиков.

Непринятый закон о кибербезопасности («Cybersecurity Act of 2012») тоже предусматривал контроль интернет-пространства на предмет наличия информации, связанной с терроризмом. В нем говорится, что терроризм, в частности, представляет реальную угро-

¹ Акоюн О.А. Противодействие терроризму. Зарубежный опыт. URL: <http://www.nirsi.ru>.

зу национальной безопасности США, вследствие чего необходимо постоянно следить за киберпространством.

В 2012 г. Б. Обама обратился к Сенату с просьбой принять этот законопроект, предусматривавший обеспечение взаимодействия федеральных агентств и частных компаний во время расследования инцидентов, в том числе связанных с террористическими актами. Однако 2 августа 2012 г. Верхняя палата американского парламента проголосовала против этого закона.

Российская система противодействия также не стоит на месте. Одним из действенных рычагов в пресечении и предупреждении распространения противоправной информации является своевременная блокировка экстремистских Интернет-ресурсов. Статьей 13 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹, п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента России от 13 октября 2004 г. № 1313, на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов. Список из более 3000 материалов опубликован на официальном сайте² Минюста России.

2. Экстремистские организации (а также отдельные «радикально направленные граждане») могут использовать для загрузки своих материалов ресурсы, не требующие регистрации, и, кроме того, популяризировать ссылки на них через социальные сети. Также существует доступная технология подмены IP-адресов посредством перенаправления запросов на удаленные сервера, порой находящиеся в разных государствах, исходя из чего необходима единая и быстрая система распознавания точки публикации информации, что требует организованного взаимодействия и быстрого реагирования тех государств, на территории которого находится серверное оборудование, через которое осуществлялась публикация информации.

3. Вероятность того, что опубликованный где-либо контент сразу же обнаружат и удалят, крайне мала, в связи с чем необходимо комплексное программное решение по взаимодействию с регистраторами доменных имен и хостинг-провайдерами, на чьем оборудовании хранится противоправный контент.

4. Единой законодательной базы, регулирующей содержание контента Интернета, пока не существует, хотя попытки ее создания предпринимались уже не раз.

¹ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

² URL: <http://minjust.ru>

В заключение следует отметить, что 19 октября 2015 г. еврокомиссар по вопросам миграции, внутренним делам и гражданству Димитрис Аврамопулос заявил о том, что Европейский союз всерьез обеспокоен растущей ролью интернета в распространении идей исламизма. В целях борьбы с этим явлением ЕС проведет в декабре специальный интернет-форум, на котором будут обсуждаться способы противодействия использованию террористами интернета и, в частности, социальных сетей, в том числе для поиска и вербовки новых боевиков, особенно для участия в военных конфликтах в Сирии и Ираке на стороне группировки «Исламское государство».

В форуме примут участие мировые провайдеры и правоохранительные органы, занимающиеся борьбой с экстремизмом в интернете. Мероприятие пройдет 2 декабря 2015 г.

Также стало известно, что «чистка» пройдет с привлечением таких крупнейших компаний как «Google» и «Microsoft», что уже говорит о всей серьезности так широко распространившийся проблемы.

Интернет — это величайшее достижение человечества. Но на сегодняшний день Интернет является одним из основных способов распространения радикальных террористических идей. Для всеобщего блага мы должны бороться с этим злом, изыскать средства, чтобы пресечь эту практику.

Особенности выявления и расследования экономических преступлений, провоцирующих проявления экстремизма

Результаты анализа сложившейся практики раскрытия и расследования экономических преступлений, появившихся в ходе рыночного реформирования страны, показывают наличие ряда проблем системного характера. Речь идет не только о том, что применение традиционных положений криминалистической тактики и частных методик расследования к таким преступлениям далеко не всегда позволяет достаточно эффективно их выявлять, не говоря уже о формировании в установленные процессуальные сроки информационно полной совокупности доказательств, позволяющих изобличить преступника. Важно обратить внимание на то, что нередко уголовные дела вообще не возбуждаются, несмотря на наличие явных признаков таких преступлений.

Это происходит по разным причинам, в том числе и из-за отсутствия необходимого методического обеспечения и инструментария. Но в результате многие экономические преступления остаются не раскрытыми, а о неотвратимости наказания за похищенные и растраченные миллиона и даже миллиарды рублей порой даже говорить не приходится. И это несмотря на общеизвестные выводы науки о том, что безнаказанность приводит к дальнейшему ускорению роста экономической преступности.

Кроме этого, важно обратить внимание и на то, что в процессе расследования конкретного экономического преступления часто выявляются признаки еще нескольких преступлений. Некоторые из них имеют признаки совокупности преступлений, другие образуют своеобразные «цепочки» экономических преступлений, связанных друг с другом. При этом конечными звеньями определенных цепочек экономических преступлений могут стать преступления в сфере личной и общественной безопасности, включая проявления экстремизма, если не пресечь их опасное развитие.

Несмотря на это, в реальной следственной практике далеко не всегда предпринимаются необходимые меры для раскрытия и надлежащего расследования взаимосвязанных преступлений. Это может быть связано как с ограничением процессуальных сроков расследования, так и с отсутствием необходимого количества следователей и оперативных работников для выполнения соответствующих весьма трудоемких следственных действий. К тому же, если расследование «основного» экономического преступления завершается вынесением приговора суда, то у руководителей следственных органов часто не имеется формальных оснований для выделения в отдельное производство той части уголовного дела, в которой имеются признаки второго или третьего экономического преступления.

Вместе с тем, оставшиеся без внимания органов следствия или не раскрытые по различным причинам экономические преступления могут спровоцировать преступления в сфере личной и общественной безопасности, включая проявления экстремизма, и тем самым стать источником роста социального напряжения в определенной части общества. Накопление негативных настроений в различных слоях общества в связи с ростом латентной экономической преступности определенного вида может происходить с различной скоростью. Это связано с рядом факторов как объективного, так и субъективного характера. В свою очередь, в каждой из этих групп могут быть выделены определенные подгруппы по различным признакам, в том числе, связанных с их уголовно-правовой и криминалистической характеристиками.

Следует подчеркнуть, что для проведения развернутого анализа причин высокой латентности определенных видов экономических преступлений, связанных с угрозой накопления потенциала социальной напряженности, чреватой проявлениями экстремизма, необходимо развитие соответствующего методического обеспечения. Оно может быть построено на интегрированном фундаменте, объединяющем подходы к выявлению преступлений указанного вида как на основе формирования криминологической, уголовно-правовой и криминалистической характеристик экономических преступлений, так и путем формирования соответствующих модельных характеристик преступлений, связанных с экстремизмом, а как следствие и с массовыми беспорядками.

Необходимо обратить внимание на ряд принципиальных различий в характеристиках объекта и предмета, объективной и субъективной стороны, а также субъекта соответствующих преступлений. По этим и другим причинам формирование единой криминологической, уголовно-правовой и криминалистической характеристик совокупностей оп-

ределенных экономических преступлений и связанных с ними проявлениями экстремизма практически невозможно. Это не позволяет существенно снизить латентность соответствующих видов экономических преступлений и разрядить формирующиеся очаги социальной напряженности.

Вместе с тем, из различных источников постоянно поступает информация о таких преступных проявлениях в различных сферах экономики, которые затрагивают права и законные интересы большинства, а часто и буквально всех граждан. При этом отмечается, что длительное время они не встречают должного отпора и пресечения со стороны государства. Подача таких информационных сообщений явно негативная по отношению к тем правоохранительным органам, которые призваны осуществлять уголовно-правовую защиту прав и законных интересов граждан, государства и общества в целом.

К числу таких проявлений относится, прежде всего, вахханалия розничных цен в торговле, начавшаяся с отдельных видов продуктов повышенного спроса, но за последний год охватившая все виды продуктов питания. Хотя взрывной рост розничных цен многие эксперты пытаются объяснить двукратным снижением курса рубля по отношению к другим валютам в прошлом году, многие товары подорожали в 3—5 раз и более. Причем, речь идет не только об импортных продуктах питания и других товарах, но и об отечественной продукции.

По результатам исследований известных ученых и специалистов многие факты безудержного роста цен объясняются стремлением владельцев торговых предприятий различного вида и уровня получить ничем не обоснованную прибыль. При сопоставлении среднего уровня прибылей торговых предприятий развитых стран в 10—20% и прибылей российских предпринимателей, превышающих 100%, неизбежно встают вопросы о нарушении не только экономических законов, но и статей Уголовного кодекса РФ.

Правда, многие предприниматели пытаются доказать, что и для их торгового бизнеса прибыль не превышает 10%. Но при проверках оказывается, что между предприятием-производителем или фирмой оптовой торговли и магазином в цепочку сделок включается несколько фирм-посредников, каждая из которых занимается оформлением договоров и перечислением части денег для формирования своей прибыли в 20—30% и более. Поскольку все эти фирмы-посредники, как правило, аффилированы с торговым предприятием, то в итоге и формируется плохо скрытая сверхприбыль собственника этой «торговой системы». Да и мало кто из предпринимателей пытается скрыть свои прибыли, поскольку возможности правоохранительной системы огра-

ничены законодателем, отменившим еще в 2003 г. ст. 200 УК РФ, защищавшую права и законные интересы потребителей.

Но последствия такого решения законодателя носят не только экономический характер. В прессе широко обсуждаются многочисленные сведения о продажах фальсифицированных продуктов, в которых сливочное масло заменяется техническим пальмовым маслом, а вместо мяса используется уже даже не соевый белок, а крахмал с усилителями вкуса. Приводится много фактов продажи фальсифицированных лекарств и других товаров, наносящих существенный вред здоровью граждан. В результате складывается впечатление, что уже на уровне парадигмы уголовно-правовой защиты законодатель сделал свой выбор в пользу предпринимателей, а не потребителей их товаров и услуг.

Более подробно эти и другие проблемы уголовно-правовой защиты прав и законных интересов потребителей обсуждаются в нашей недавно вышедшей книге¹. Здесь необходимо лишь отметить, что в условиях перманентного экономического кризиса, при снижении реальных доходов граждан и явном нежелании владельцев торговых предприятий ограничить свои прибыли разумными пределами, промедление в принятии действенных мер по пресечению цепочек соответствующих экономических и иных преступлений становится невозможным. Иначе накопленное социальное напряжение может привести к совершению уголовных преступлений совершенно другого вида, в том числе, затрагивающих сферу общественной безопасности.

Еще несколько видов экономических преступлений также затрагивают права и законные интересы буквально всех граждан страны, и в то же время характеризуются высоким уровнем латентности, способствуя созданию напряженности в ряде сфер общественных отношений. Прежде всего, речь идет о застарелых проблемах коммунального хозяйства, которые усугубляются криминальными действиями многочисленных представителей управляющих компаний, заботящихся не столько о надлежащем выполнении своих обязанностей, сколько об использовании предоставленных им прав для личного обогащения любой ценой. К этому добавляются и далеко не всегда продуманные и обоснованные действия по сбору с граждан, накоплению и использованию платежей на капитальный ремонт жилых домов.

В последние годы для многих граждан и организаций неожиданно возник еще ряд серьезных и практически нерешаемых проблем, свя-

¹ *Вольнский А.Ф., Прорвич В.А.* Юридическая защита прав и законных интересов потребителей товаров и услуг: особенности современной парадигмы. М., 2014

занных с резким ростом налогов и арендной платы за недвижимое имущество, включая земельные участки. Руководители различного уровня пытаются объяснить такие действия результатами государственной кадастровой оценки, которая якобы отражает объективные рыночные данные. Но на поверку оказывается, что вместо государства массовую оценку имущества, принадлежащего каждому гражданину и каждой организации, выполнили бизнесмены от оценочной деятельности, в большинстве своем не имеющие даже необходимых профессиональных знаний в сфере землеустройства и кадастра, не говоря уже о математических методах массовой оценки.

Исчерпывающую характеристику деятельности по «государственной» кадастровой оценке недвижимого имущества дал 17 мая 2013 г. на расширенном заседании Экспертно-консультативного совета по оценочной деятельности Министр экономического развития А.Р. Белоусов (ныне — помощник Президента страны). Обращаясь к руководителям саморегулируемых организаций оценщиков (СРОО) по поводу неудовлетворительного состояния методического обеспечения оценочной деятельности и низкой квалификации оценщиков, он высказался о том, что «в связи с движением к налогу на недвижимое имущество и ситуацией с оценкой земли мы либо с вами решим системные проблемы, либо вернемся к старой системе лицензирования». На конкретные вопросы министра о том, почему экспертный совет СРОО вначале дал положительное заключение на отчет о кадастровой стоимости, а затем дал также положительное заключение на отчет об определении рыночной стоимости земельного участка, подготовленный для оспаривания его кадастровой стоимости, в котором результат оценки был в 10 раз меньше, никто ответить не смог. Фактически была сделана однозначная констатация того, что семилетний эксперимент государства с переводом оценочного бизнеса на саморегулирование потерпел полный провал¹.

Все это позволяет сделать однозначный вывод о том, что «государственная» кадастровая оценка земельных участков различного вида и иных объектов недвижимого имущества проводилась и проводится до сих пор в условиях полного отсутствия какого-либо контроля за содержанием всего комплекса работ, начиная от «подбора» оценщика, выполняющего «государственную» кадастровую оценку за счет бюджетных средств, подготовки перечня объектов «государственной» кадастровой оценки, системы исходных данных для оценки, применения обязательных подходов и методов оценки, и

¹ Судебно-кадастровая экспертиза / Под ред. А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича. М., 2013. С. 12.

завершая обоснованием итоговых результатов оценки в соответствующем отчете.

Сложившаяся ситуация широко обсуждается не только в прессе, но и на различных собраниях предпринимателей и простых граждан. Важно обратить внимание на то, что в многочисленных выступлениях отмечается не только ошибочность кадастровой оценки, но и несправедливость такого отношения ко всем простым гражданам чиновников, отвечающих за надлежащее установление базы для налогообложения объектов недвижимого имущества. При этом установлен такой порядок оспаривания результатов кадастровой оценки, который заставляет граждан дополнительно оплачивать весьма сомнительные и дорогостоящие услуги тех же оценщиков и экспертов их саморегулируемых организаций.

Следует также учитывать, что утверждение результатов государственной кадастровой оценки отнесено к компетенции региональных и местных властей. Процедуры подготовки, согласования и выпуска соответствующих нормативных правовых актов определяются регламентами соответствующих органов власти. Единообразные процедуры государственного контроля за установлением налогооблагаемой базы по объектам недвижимого имущества, принадлежащим всем гражданам и организациям страны, не установлены. Это затрудняет осуществление уголовно-правовой защиты прав и законных интересов не только граждан и юридических лиц, но и государства и общества в целом.

Попытки ввести льготные коэффициенты и вычеты при установлении размера налога на недвижимость ситуацию существенно не изменяют, поскольку необоснованный размер налогооблагаемой базы остается неизменным. Тем более что с каждым годом льготы уменьшаются, а размер налога растет. Причем, это происходит в условиях необоснованного, а во многом и криминального, увеличения цен на продукты питания, роста коммунальных и иных платежей, о чем уже говорилось выше.

В такой ситуации произвол местных чиновников и бездействие правоохранительных органов в борьбе со столь массовыми, но не вполне очевидными экономическими преступлениями, приводят к тому, что многие граждане не просто ощущают психологический дискомфорт. Лишение их возможности отстаивать свои права и законные интересы законными методами, снижение порога уголовно-правовой защиты граждан от натиска экономической преступности может спровоцировать их на стихийные действия, в том числе нарушающие личную и общественную безопасность.

Фактически речь идет о том, что определенные цепочки экономических преступлений могут в своих конечных звеньях приводить к преступлениям иного вида, включая различные виды насилия, экстремизма и массовых беспорядков. То есть, при определенных условиях накопления негативной энергии в некоторых сферах общественных отношений могут возникать своеобразные «юридические цепные реакции», точнее — цепные реакции уголовных проявлений, чреватые социальными протестами. А интенсивное протекание такой «цепной реакции» не выявленных и оставшихся безнаказанными экономических преступлений может привести к таким формам социального протеста, которые находятся за гранью дозволенного.

Естественно, что в этой связи встает ряд вопросов о способах выделения таких цепочек, скрытно протекающих преступных деяний в экономической сфере, которые могут спровоцировать насильственные, экстремистские действия и массовые беспорядки. При этом особое внимание следует уделить признакам перехода количественных характеристик экономических преступлений в новое качество, предопределяющее либо провоцирующее преступления другого вида, создающих опасность возникновения массовых беспорядков.

Обобщение правоприменительной практики показывает, что выявление и квалификация определенных совокупностей или «цепочек» экономических преступлений, особенно их новых видов, представляет собой достаточно сложный процесс, пока еще не до конца формализованный. В сложившейся ситуации в этом процессе преобладает искусство, поддерживаемое практическим опытом и интуицией наиболее профессиональных следователей. Но масштаб экономической преступности, высокие темпы ее роста, появление новых видов экономических преступлений, замаскированных под экономическую деятельность законопослушных субъектов, требует усилить научную составляющую такого правового анализа.

Для выявления цепочек связанных экономических преступлений важное значение имеет формирование их развернутой уголовно-правовой и криминалистической характеристик и выявление их взаимных связей. При этом следует учитывать, что на основе этой характеристики возникают новые возможности для надлежащей квалификации не только определенных совокупностей, но и отдельных экономических преступлений, связанных в соответствующие цепочки. На этой основе возможно создание алгоритма или даже иерархической системы алгоритмов следственных действий для установления юридического тождества при квалификации «цепочек» или групп взаимосвязанных экономических преступлений в режиме последовательных приближений.

Эта система алгоритмов может охватывать все этапы деятельности следователя по раскрытию и расследованию различных видов экономических преступлений. Поскольку многие из следственных ситуаций носят нестандартный характер, то в данной иерархии алгоритмов должны быть предусмотрены возможности для ее изменения и дополнения. Кроме этого, данная система должна быть развита до уровня, позволяющего оказывать содействие следователю в квалификации совокупностей экономических преступлений.

Естественно, что речь не идет о том, чтобы полностью автоматизировать эту часть работы следователя и поручить ее компьютеру, оснащенному соответствующим программным обеспечением, базами данных и базами знаний. При практической реализации этих алгоритмов следует ориентироваться на создание интерактивных программно-аппаратных комплексов, обеспечивающих максимальное удобство диалога следователя с компьютером.

В рамках обсуждаемых проблем, необходимо обратить первоочередное внимание на создание таких методик, которые позволили бы при анализе цепочек экономических преступлений выявить именно такие, которые могут создать последствия, опасные с точки зрения провоцирования экстремизма и массовых беспорядков. Для выявления соответствующих признаков потребуются проведение обширных исследований, нацеленных не только на формирование развернутых уголовно-правовых и криминалистических характеристик экономических преступлений, но и их определенных групп. По результатам этих исследований должен быть проведен детальный сопоставительный анализ полученных выводов с теми реалиями, которые сложились в рамках правоприменительной практики.

Чтобы определить основные признаки различных групп — совокупностей и цепочек экономических преступлений, необходимо также использовать возможности криминологического анализа. При этом важно от общих характеристик общественных процессов, определяющих особенности формирования криминальных проявлений в различных сферах экономики и экономической деятельности, перейти на уровень их региональной и функциональной детализации. Ведь конкретные проявления тех злоупотреблений, которые связаны с формированием налогооблагаемой базы по налогу на недвижимость по результатам «государственной» кадастровой оценки, либо с установлением коммунальных тарифов и отчислений на капитальный ремонт жилья, не говоря уже о сфере торговли, имеют существенные различия не только на региональном, но и на муниципальном уровне.

Это позволит сделать существенный шаг в направлении создания научно обоснованной классификации не только отдельных экономи-

ческих преступлений, но и их различных групп, выявленных по различным признакам. Понятно, что такая работа потребует серьезных усилий и займет длительное время. Но создать первый вариант подобной классификации, позволяющий выявить цепочки экономических преступлений, наиболее опасных с точки зрения провоцирования преступлений в сфере личной и общественной безопасности, включая экстремизм и массовые беспорядки, при надлежащей организации работ возможно уже в ближайшее время.

На ее основе возможно реализовать принципиально новые подходы к выявлению экономических преступлений, представляющих наибольшую опасность для общества. Это касается не только собственно преступлений в сфере экономики или экономической деятельности, но и связанных с ними преступлениями против государственной власти и службы, коррупционных проявлений различного вида, а также преступлений в сфере личной и общественной безопасности.

Понятно, что во многих случаях для проведения полноценного анализа и формирования обоснованных выводов выявленных признаков преступления может оказаться недостаточно. Поэтому соответствующий анализ можно отложить до одной из последующих стадий расследования конкретного экономического преступления, когда сформирована информационно полная совокупность доказательств. Особенно важно применение описанного подхода для выявления «смежных» преступлений и характеристик их соответствующей цепочки в тех случаях, когда следователю приходится «переквалифицировать» расследуемое преступление.

Важно обратить внимание на то, что при реализации описанных подходов, нацеленных на квалификацию не только конкретного экономического преступления, но и «смежных» с ним преступлений, чтобы идентифицировать определенную цепочку экономических и иных связанных с ними преступлений, создаются принципиально новые возможности для пресечения преступной деятельности. Речь идет не только о том, чтобы ухватившись за одно из звеньев преступной деятельности, вытащить всю цепь смежных преступлений. Часто это оказывается не под силу не только самым опытным следователям, но даже сформированным из них следственным группам. Но возникают новые возможности — после идентификации определенной цепочки экономических и иных преступлений следователь сможет выявить такие ее звенья, ликвидация которых позволит остановить «цепную реакцию» экономических преступлений, пресечь ее опасное развитие. Это создает и принципиально новые возможности для профилактики преступлений в сфере личной и общественной безопасности, включая проявления экстремизма и массовые беспорядки.

Роль международного законодательства и решений Верховного Суда России в противодействии преступности экстремистской направленности

В последние годы в различных регионах Российской Федерации получили распространение разного рода проявления националистической, расовой или религиозной ненависти или вражды, которые самым непосредственным образом представляют угрозу основам конституционного строя, безопасности нашего общества и государства. Наиболее опасные из их числа сопровождаются совершением преступлений экстремистской направленности, динамику роста которых наглядно демонстрирует существующая судебно-следственная практика. Так, например, в 2015 г. по официальным статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ при общем росте количества зарегистрированных преступлений на территории страны возросло на 40,7% количество преступлений террористического характера. При этом на 34,3% увеличилось число преступлений экстремистской направленности¹.

В такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, усиление экстремистских настроений, их агрессивные проявления, а также совершение на этой почве общеуголовных преступлений может оказаться мощным детонатором, заложенным под фундамент отечественной государственности. Одним из реальных и эффективных инструментов, призванных нейтрализовать и противодействовать экстремистским проявлениям, носящих общественно опасный характер, является деятельность правоохранительных органов, связанная с уголовным преследованием лиц, совершивших или способствовавших исполнению преступлений указанной категории.

За прошедшие годы российский уголовный закон прошел значительный путь эволюции от формального подхода к криминализа-

¹ Состояние преступности в России за январь—июнь 2015 года. М., 2015. С. 7.

ции деяний экстремистского характера до достаточно подробной регламентации оснований ответственности за совершение преступлений названного вида. В частности, были криминализованы не только индивидуальные, но и групповые проявления данной общественно опасной деятельности, сформирована новая система наказаний. Все это позволило активизировать усилия органов предварительного расследования и оперативных подразделений в решении вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления указанной категории.

Несмотря на многочисленные изменения и корректировку норм отечественного уголовного законодательства, работники органов предварительного расследования и судьи в своей практической деятельности сталкиваются с определенными трудностями при осуществлении правовой оценки преступлений экстремистской направленности. Отчасти эти проблемы обусловлены следующими обстоятельствами: некоторые статьи Особенной части УК РФ носят отсылочный характер, у отдельных составов общественно опасных деяний отмечается смысловая несогласованность, не всегда обоснованные формы экспертных и следственных заключений и процессуальных решений создают почву для неоднозначной правовой оценки одних и тех же противоправных деяний.

В этой связи необходимо отметить, что при формировании эффективной правовой основы для осуществления уголовного преследования лиц, виновных в совершении преступлений экстремистской направленности, необходимо принять во внимание имеющийся соответствующий опыт правоохранительных органов зарубежных стран, а также международные правовые акты, посвященные предупреждению и пресечению правонарушений названного вида, а также устранению причин и условий, которые им способствовали.

На необходимость учитывания данных правовых актов указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. В частности в п. 9 данного постановления зафиксировано, что «неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта»¹.

При организации противодействия экстремизму, а также разработке и совершенствованию норм российского уголовного законо-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 2 декабря.

дательства целесообразно учитывать, в первую очередь, следующие международные акты: Международный Пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах», определившего, что «всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом»¹; Международную Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1965 г. и вступившую в силу 1 января 1969 г.²; Декларацию Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. (резолюция 36/55) о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений³; Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.)⁴.

В рамках СНГ также были приняты ряд важных правовых актов аналогичной направленности: Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма» (Казань, 26 августа 2005 г.); Решение о программе сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2008—2010 годы» (Душанбе, 5 октября 2007 г.)⁵. Данный перечень значимых для организации противодействия экстремизму международных документов, разумеется, не является исчерпывающим⁶.

На настоящий момент в российском уголовном законодательстве предусмотрены несколько статей, устанавливающих ответственность за поведение, которое выходит за рамки общечеловеческих цивилизованных отношений и носит экстремистский характер. В их число входит ст. 282 УК РФ, регламентирующая основания уголовного преследования за действия, связанные с возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства. В целях обеспечения точного и единообразного применения уголовного законодательства по делам о преступлениях указанной категории Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

² URL: <http://www.un.org/ru/documents>

³ Там же.

⁴ СЗ РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

⁵ URL: <http://base.spinform.ru>.

⁶ Международные акты о правах человека. М., 2002; Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М., 1993; *Тамеев Р.С., Бурковская В.А.* Россия и Европа: анализ законодательства, направленного на предупреждение экстремизма и терроризма. М., 2008.

28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»,¹ в котором изложил соответствующие разъяснения, в том числе по практике применения положений ст. 282 УК РФ.

Рекомендации по правовой оценке признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, изложены в пп. 7 и 8 названного Постановления. В частности, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ в качестве одной из форм действий, направленных «на возбуждение ненависти либо вражды» рассматриваются «высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц».

Кроме того в соответствии с п. 8 данного Постановления действие названной статьи уголовного закона необходимо распространять на аналогичного рода высказывания со стороны конкретных физических лиц, представленных в виде их суждений и умозаключений, в том числе по поводу межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений. Однако необходимо заметить, что Верховным Судом РФ не конкретизировано содержание таких суждений и умозаключений, подпадающих под действие ст. 282 УК РФ; между тем по общему замыслу законодателя они должны преследовать цель возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по определенным признакам, указанным в диспозиции данной статьи уголовного закона.

Еще одной формой действий, образующих состав преступления, названо распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, если это делается в целях, которые указаны в диспозиции ст. 282 УК РФ. В постановлении Пленума ВС РФ отсутствуют разъяснения по поводу подстрекательского характера всех высказываний и распространяемых материалов, однако подразумевается, что материалы, включенные в федеральный список экстремистских материалов, потенциально могут способствовать возникновению ненависти или вражды у отдельных категорий граждан.

Учитывая изложенные обстоятельства, представляется целесообразным в постановлении Пленума высшего судебного органа

¹ *Российская газета*. 2011. 4 июля.

отобразить разъяснение по поводу обязательного условия для инкриминирования деяний, предусмотренных ст. 282 УК РФ, констатацию (доказывание) того факта, что распространяемый материал является экстремистским по признаку возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства и распространялся именно с целью инициирования указанных форм межличностных взаимоотношений.

Следует отметить, что в указанном постановлении Пленума ВС РФ акцент сделан на необходимости установления (доказывания) цели, на достижение которой направлены усилия конкретного физического лица (группы лиц) в ходе своих высказываний или распространения материалов экстремистского характера. О наличии указанной цели может свидетельствовать, в частности, форма и содержание конкретных фраз и словосочетаний; способ, избираемый для распространения экстремистской информации; обстановка, сопутствовавшая совершению противоправного деяния. Сказанное в полной мере необходимо учесть и по отношению к распространению материалов экстремистского содержания.

По нашему мнению, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ также целесообразно прописать необходимость установления (доказывания) по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности обстоятельств, свидетельствующих о наличии или отсутствии у фигуранта экстремистской мотивации совершения рассматриваемого преступления. Действующая редакция уголовно-правовой нормы не позволяет однозначно рассматривать в качестве мотивов совершения данного общественно опасного деяния исключительно мотивы экстремистской направленности (мотивы ненависти и вражды). В силу изложенных обстоятельств под признаки деяния, предусмотренного ст. 282 УК РФ, могут подпадать действия лиц, которые при этом руководствовались совершенно иными побудительными причинами, например, корыстным мотивом.

Международно-правовые основы совершенствования законодательства о противодействии распространению экстремистских материалов

В настоящий момент массовое распространение экстремистских материалов выступает в качестве одного из способов информационно-пропагандистской работы экстремистских и террористических организаций, трансграничный характер деятельности которых актуализирует необходимость сближения национальных правовых систем на основе международно-правовых норм в части регламентации ответственности за экстремистскую деятельность.

Одной из форм экстремистских проявлений на территории государств — участников СНГ является распространение «...общественными объединениями, политическими партиями, религиозными и иными организациями, а также отдельными гражданами идей, доктрин и учений, угрожающих основам конституционного строя, безопасности государства и конституционным правам граждан»¹. Указанные идеи, доктрины и учения зачастую объективируются в информационных материалах, которые необходимо своевременно выявлять. В п. 27 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. среди основных направлений государственной политики в сфере законодательной деятельности отмечена необходимость совершенствования законодательства, касающегося пресечения производства и распространения экстремистских материалов².

¹ Рекомендации по совершенствованию законодательства государств-участников СНГ в сфере противодействия экстремизму (Приняты в г. Санкт-Петербурге 23 ноября 2012 г. Постановлением 38—16 на 38-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2013. № 57 (ч. 2). С. 107—123.

² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents>.

Отечественное законодательство о противодействии распространению экстремистских материалов в настоящий момент нуждается в совершенствовании. По моему мнению, одним из его проблемных аспектов является отсутствие указания на существенные признаки экстремистского материала в легальной дефиниции. Данное обстоятельство создает трудности с практической стороны и служит одной из причин того, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий в ходе расследования преступлений экстремистской направленности не собирается должным образом первичный материал, который в своей совокупности отражал бы наличие достаточных признаков, свидетельствующих о совершении таких преступлений¹.

Согласно ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»², экстремистскими признаются:

- документы, содержащие призывы к осуществлению экстремистской деятельности;
- документы, обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления экстремистской деятельности;
- труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии;
- публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство;
- документы, оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В настоящий момент работа по признанию экстремистскими публикаций, обосновывающих или оправдывающих национальное и (или) расовое превосходство, неэффективна.

Так, на 1 октября 2015 г. экстремистскими материалами, которые можно отнести к вышеуказанной разновидности, являются: книга «Расология наука о наследственных качествах людей» под авторством В.Б. Авдеева (решение Ленинского районного суда города Оренбурга от 26 июля 2010 г.) и книга автора Ганса Ф.К. Гюнтера «Избранные работы по расологии» (решение Пресненского районного суда г. Москвы от 27 августа 2012 г.). Однако, необходимость включения отмеченного пункта в ч. 3 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» обусловлена Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации,

¹ Скориков Д.Г. Расследование преступлений экстремистской направленности: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. С. 63.

² СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

принятой Генеральной Ассамблеей ООН 21 декабря 1965 г. В частности, ст. 4 указанной Конвенции говорится об осуждении всякой пропаганды расового превосходства, а Государства-участники в соответствии с п. «а» ст. 4 «...объявляют караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти»¹.

В России массовое распространение и хранение в целях массового распространения экстремистских материалов являются административными правонарушениями и наказуемы в соответствии со ст. 20. 29 КоАП РФ. Выбранный законодателем подход согласуется с ч. 2 ст. 3 («Распространение расистских и ксенофобских материалов посредством компьютерных систем») Дополнительного протокола к Конвенции по киберпреступлениям в отношении криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, осуществляемых при помощи компьютерных систем, в котором отмечено, что «Сторона может сохранить за собой право не вводить уголовную ответственность... если материал... пропагандирует, способствует или подстрекает к дискриминации, не связанной с ненавистью или насилием, при условии доступности других эффективных средств защиты»².

В ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» имеется прямое указание на то, что экстремистскими признаются следующие материалы: труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии. Согласно мнению Еврокомиссии «За демократию через право» (Венецианской Комиссии) по поводу Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: «Упоминание нацизма и фашизма (в дефиниции «экстремистские материалы» — прим. авт.) оправдано и понятно ввиду исторического опыта России»³. Если в материале, распространяемом публично, отрицаются факты, уста-

¹ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 г.) // Ведомости ВС СССР. 1969. № 25. Ст. 219.

² Дополнительный протокол к Конвенции по киберпреступлениям в отношении криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, осуществляемых при помощи компьютерных систем (г. Страсбург, 28 января 2003 г., вступление в силу на 1.03.2006) // Борьба с терроризмом. Нормы Совета Европы. 2005. С. 175—183.

³ Мнение № 660 / 2011 CDL-AD (2012)016 Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской Комиссии) по поводу Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» (Принято Венецианской Комиссией на 91-й пленарной сессии (Венеция, 15—16 июня 2012 г.). URL: <http://www.sova-center.ru>.

новленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобряются преступления, установленные указанным приговором, а равно содержатся заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, то имеет место совершение преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма»). В соответствии с ч. 1 ст. 6 упоминавшегося выше Дополнительного протокола к Конвенции по киберпреступлениям... государства принимают такие правовые меры, которые могут потребоваться для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений в соответствии с ее национальным правом, публичных действий, направленных на отрицание, чрезвычайную минимизацию, одобрение или оправдание геноцида или преступлений против человечества (как это признано окончательными и обязательными решениями Международного военного трибунала, образованного в соответствии с Лондонским Соглашением от 8 августа 1945 г., или любого другого международного суда, образованного согласно соответствующим международным документам и юрисдикция которых признана Стороной).

Каждая разновидность экстремистских материалов требует экспертной оценки, между тем, в России до сих пор не создана сеть государственных учреждений для проведения всего комплекса судебных экспертиз, в том числе для определения в печатных публикациях или материалах признаков, свидетельствующих об экстремизме¹. Сами методы экспертной оценки также нуждаются в корректировке. В Рекомендациях по совершенствованию законодательства государств — участников СНГ в сфере противодействия экстремизму к числу приоритетных направлений совершенствования национального законодательства государств — участников СНГ в сфере противодействия экстремизму относится определение, уточнение и согласование экспертной оценки наличия в деятельности отдельных организаций и физических лиц или распространяемых ими материалах признаков экстремизма².

Среди некоторых ученых-лингвистов сложилась точка зрения о том, что при проведении лингвистической экспертизы информационного материала эксперт не может использовать положения законов, содержащие определения каких-либо терминов (например, с компонентом «экстремистский»). В развитие этой мысли отвергается необходимость при проведении лингвистического экспертного

¹ Скориков Д.Г. Указ. соч. С. 63.

² Рекомендации по совершенствованию законодательства государств — участников СНГ в сфере противодействия экстремизму.

исследования ориентироваться на легальные дефиниции. Однако на практике игнорирование положений закона снижает качество проводимых экспертиз. Нередки случаи, когда перед экспертом ставятся вопросы, связанные с правовой интерпретацией деяния, которые относятся к исключительной компетенции суда¹. Тем самым эксперты выходят за пределы своей профессиональной компетенции.

Таким образом, можно прийти к выводу, что проблемы, возникающие на практике при противодействии распространению экстремистских материалов, расследовании преступлений, связанных с информационным воздействием (ст. 280, 280.1, 282 УК РФ и др.), во многом обусловлены отсутствием дефиниции экстремистских материалов, содержащей все существенные признаки. В перспективе, представляется возможным, дальнейшее сближение национального законодательства государств — членов СНГ в сфере недопущения распространения экстремистской идеологии, выраженной в различных информационных источниках. Поэтому разработка юридической конструкции такого понятия должна проводиться на основе международных норм и в дальнейшем оно может использоваться сотрудниками правоохранительных органов различных стран при доэкспертной оценке материала на предмет наличия признаков экстремизма.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

Влияние международных актов на формирование российского законодательства о борьбе с экстремизмом

Исторический опыт существования мирового сообщества свидетельствует о том, что только в условиях взаимопонимания, равенства и уважения интересов разных народов, свободного развития культур, общности глобальных экономических, политических, духовных интересов, отсутствия или своевременного прекращения конфликтов любой направленности возможно полноценное и безопасное его развитие и процветание. И серьезной проблемой на пути формирования подобного мирового порядка является экстремизм, т.е. приверженность крайним, агрессивным взглядам, методам, побуждениям, действия и концепциям, особенно в политике.

Экстремистские проявления в обществе — продукт его разобщенности, прежде всего, политической, нравственной и религиозной. Отсутствие взаимопонимания между людьми обостряется сложной международной обстановкой, накалом страстей в среде управленческого электората, эскалацией напряженности в международных отношениях, информационной войной и неоправданной и даже губительной для множества государств санкционной политикой.

По справедливому утверждению Г.В. Жусуповой, «наносимый экстремистской преступностью вред социуму чрезвычайно опасен: его проявления варьируются от психологического и материального ущерба обществу и государству до лишения жизни конкретных индивидов, от возбуждения гражданской ненависти или вражды до функционирования многочисленных незаконных вооруженных формирований, ставящих перед собой цели изменения конституционного строя государства и нарушения его территориальной целостности. Последствия преступных проявлений экстремизма могут проявляться как сразу после совершения соответствующих деяний, так и иметь долгосрочные перспективы»¹.

¹ Жусупова Г.В. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с экстремизмом в Республике Казахстан: криминологические проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 3.

Экстремизм давно уже перестал быть национальной проблемой, поскольку он таит в себя угрозу всему человечеству, мирному существованию и консолидации сообществ, поэтому противодействие этому социальному злу возможно исключительно посредством сочетания международных и внутригосударственных механизмов, которые способны не только дополнять, но и поддерживать друг-друга.

Немаловажное значение в борьбе с экстремизмом принадлежит изучению международного опыта, который способен «...во-первых, выделить общие черты юридической ответственности за экстремизм в разных странах; во-вторых, установить отличия в правовом регулировании противодействия этому явлению; в-третьих, найти наиболее приемлемые, заслуживающие внимания зарубежные правовые нормы и институты для включения в российскую правовую систему; в-четвертых, определить тенденции его развития в разных странах»¹.

Для России противодействие экстремизму представляется первоочередной задачей, поскольку наше государство является территориально-политическим и национально-демографическим феноменом. Россия — многонациональное, многоконфессиональное государство, с ассиметричной формой федеративного устройства, при которой при конституционном равенстве субъектов во взаимоотношениях с федерацией, положение каждого из них обладает определенными особенностями.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537², сепаратизм и насильственный экстремизм отмечены в качестве серьезной угрозы для обеспечения национальных интересов России.

Формирование российского законодательства о борьбе с экстремизмом строится на основе программных положений международных нормативных правовых актов. Одним из направлений в этом процессе является отграничение политического экстремизма от иных форм преступной деятельности, в основе которой лежит криминогенная мотивация, носящая личностный, корыстный, агрессивный, позиционирующий и иной характер. Так, Европейская конвенция «О пресечении терроризма» от 27 января 1977 г. (всту-

¹ Корнилов Т.А. Международные аспекты противодействия экстремизму: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 4.

² Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» // Российская газета. 2009. 19 мая.

пившая в силу для России 5 февраля 2001 г.)¹ исключает из числа преступлений, совершенных по политическим мотивам, ряд посягательств, связанных с незаконным захватом воздушных судов, покушением на жизнь, физическую неприкосновенность или свободу лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов; с похищением, захватом заложников или серьезным незаконным насильственным удержанием людей; с применением бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или взрывных устройств, вложенных в письма или посылки, если подобное применение создает опасность для людей.

Развивая названные положения Конвенция Совета Европы «О предупреждении терроризма» от 16 мая 2005 г.² устанавливает, что террористические преступления ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного и аналогичного характера и призывает осуществлять уголовное преследование и назначение наказания в случае совершения подобных деяний с учетом их тяжести.

Игнорировать подобные положения при формировании национального законодательства — значит отрицать весомость, определяющую роль международных правовых норм в борьбе с экстремизмом. Преступления, направленные против жизни, здоровья, неприкосновенности личности, общественной безопасности, стабильности в международных отношениях, ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны совершенными из «гуманных соображений», «по политическим мотивам», «с целью добиться решения национальных или религиозных вопросов», «для прекращения военного конфликта или противостояния», «обращения внимания мирового сообщества к определенным проблемам, например, проблеме беженцев и вынужденных переселенцев» и т.п.

Признание Российской Федерацией программных положений международных нормативных правовых актов о борьбе с экстремизмом нашло отражение в ст. 17 Федерального закона от 25 июля 2002 г. (в ред. от 8 марта 2015 г.) «О противодействии экстремистской деятельности»³ (далее — ФЗ № 114). В данной статье говорится о том, что РФ в соответствии с международными договорами Российской Федерации сотрудничает в области борьбы с экстремизмом с иностранными государствами, их правоохранительными

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² СПС «КонсультантПлюс».

³ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

органами и специальными службами, а также с международными организациями, осуществляющими борьбу с экстремизмом.

Представляется, что подобное законодательное положение должно быть дополнено правом России осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления экстремисткой направленности. С этой целью ст. 17 ФЗ № 114 следует дополнить абзацем следующего содержания: «Российская Федерация осуществляет уголовное преследование лиц, совершивших преступления экстремисткой направленности на территории Российской Федерации и на территории иностранных государств, в соответствии с международными договорами, а также уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации».

Правом нашего государства на уголовное преследование лиц, совершивших преступления экстремисткой направленности, должна быть также дополнена ст. 3 ФЗ № 114, закрепляющая основные направления противодействия экстремисткой деятельности.

Уголовное преследование лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, сопряжено с определенными трудностями информационно-удостоверительного характера, в том числе, касающимися установления основания для возбуждения уголовного дела. И максимального срока рассмотрения сообщения о преступлении, установленного ч. 3 ст. 114 УПК РФ, т.е. 30 суток, может оказаться недостаточно. Думается, что данный срок может быть увеличен до 40 суток, что вполне будет согласовываться с принципом разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

С целью установления разумного срока проверки сообщения о преступлении экстремисткой направленности (разумно предположить также — и террористической) ч. 3 ст. 144 УПК РФ целесообразно дополнить предложением следующего содержания: «Срок проверки сообщения о преступлении террористической или экстремисткой направленности может быть продлен до 40 суток».

Представленная подобным образом российская правовая основа борьбы с преступлениями экстремисткой направленности будет соответствовать международным стандартам и принципам защиты прав и свобод человека и гражданина, организаций, общественной безопасности от противоправных посягательств, признаваемых самым опасным видом преступлений во всем мире.

Российские и зарубежные концепции преодоления межнациональных конфликтов

1. Наши российские трудности в решении современных межнациональных проблем хорошо знакомы и близки в других странах, даже в тех, которые по ряду позиций, прежде всего экономических, имеют в сравнении с нами существенные преимущества. Так, например, в ряде европейских стран с высокоразвитой рыночной экономикой в последние год-два на самом высоком уровне была признана бессмысленной и ошибочной прошлая политика мультикультурализма. По новой концепции лидеров ряда ведущих западных стран, в государстве, где существует ведущий, преобладающий в количественном отношении этнос, гармоничное развитие разных культур должно развиваться только в русле традиций и ценностей ведущего этноса. Насколько приемлема эта новелла, современный зарубежный взгляд на проблему межнациональных, межконфессиональных отношений для Российской Федерации? Представляется, что названный европейский опыт на этот счет для нашей страны нуждается в существенной корректировке.

2. Как и в любой другой сверхсложной ситуации, решить вопрос где же истина без помощи наших великих предков попросту невозможно. И как тут не вспомнить царя Израильско-Иудейского царства Соломона, считающегося автором нескольких книг Библии, включая знаменитые Притчи Соломоновы. Именно этот мудрец из мудрецов был противником однозначных решений и в любой даже внешне неправильной позиции спорящих сторон находил правоту каждого спорщика. Так и в нашем случае. У каждой из 182 этнической общности, представители которых веками проживают на территории нашей огромной страны, несомненно есть и свои общепризнанные плюсы и далеко не всеми и везде воспринимаемые специфические черты, традиции и обычаи. Как правило, у всех есть чему научиться и что нецелесообразно механически воспринимать. Эти общеизвестные истины, к сожалению, не всегда воспринимаются не только на бытовом уровне, но и при принятии тех или иных управленческих решений, в законотворческой и правоприменитель-

ной деятельности. Отсюда проистекают и многие наши неприятности. Ведь не только пламя возгорается из искры. Наша повседневная практика — наглядное тому подтверждение. Например, на федеральном уровне на протяжении нескольких лет активно обсуждался не стоивший на самом деле выеденного яйца, вопрос о том стоит ли разрешать по религиозным соображениям фотографироваться на документах женщинам — в платках, а мужчинам — в шапках (папах). Некоторые правоохранительные структуры, противясь подобным разрешениям, убеждали общество в том, что такое нововведение существенно затруднит идентификацию личности владельца документа где головной убор закрывает уши. Вопрос о подобном запрете отнюдь не праздный. Дело в том, что всякие ограничения, направленные против национальных, тем более религиозных обычаев во все времена и везде воспринимаются весьма болезненно, тем более, если эти ограничения и запреты не имеют достаточных к тому научных оснований. В данном случае как раз так и получилось. Мало-мальски знакомому с основами криминалистики, а тем более читавшему труды таких классиков как Ганс Гросс, Альфонс Бертйлион, Эдмонд Локар, хорошо известно, что уши далеко не единственное место на голове человека, где имеются специфические, пригодные для идентификации личности черты его внешности, которые никакие шапки и платки скрыть не могут. Вот и получается, что вселюдно демонстрируемая криминалистическая безграмотность «компетентных» органов длительное время подталкивала к обострению межнациональных отношений, искусственному созданию никому не нужных проблем и мнимых трудностей.

3. Существенные пробуксовки в процессе реализации бесспорно правильной и гуманистической по своей сути идеи мультикультурализма во многом объясняется отсутствием надлежащей экономической базы, обеспечивающей деятельность государства в этом направлении. Именно по этой причине, то, что удалось достичь в области снятия расовых противоречий в США, вряд ли сейчас возможно в полном масштабе в других, даже высокоразвитых странах. Например, в Германии, во Франции, в Италии в последние годы по причинам, в основном экономического характера, резко обострились взаимоотношения между коренным населением и подчас не в меру амбиционными приезжими, которые, к тому же, не всегда следуют правилам и обычаям, характерным в районах их нового места жительства. Подобного рода явления и процессы имеют место и в Российской Федерации. В первую очередь, это экономически благополучные регионы, где наиболее высокий уровень жизни, где, вполне естественно, наиболее высокая доля мигрантов в общей

структуре населения, ищущих лучшей доли для себя, своих близких и соотечественников. Способы этих поисков не всегда безупречны. Отсюда соответствующие, не в пользу репутации мигрантов, данные уголовной статистики, формирование в нежелательном направлении общественного мнения, когда все беды связываются с приезжими. Никаких неясностей и особых теоретических споров тут вроде бы и нет. Выработана и масса предложений, рекомендаций, направленных на снятие межэтнических и им подобных напряженностей и в этой системе предупредительных мер преобладают те, которые сконцентрированы в общеизвестных положениях не ехать в Тулу со своим самоваром и не ходить со своим уставом в чужой монастырь. В подтверждение жизненности этих подходов по обеспечению раннего предупреждения конфликтов в межнациональных отношениях, сошлемся на опыт всемирно известного Российского университета дружбы народов. Здесь уже много лет в мире и согласии учатся представители 450 наций и народностей. И это несмотря на то, что государства, направившие их на учебу в Москву, не всегда можно назвать дружественными. Как же удалось достичь столь впечатлительных результатов? Слагаемых успеха тут немало. Применительно к исследуемому вопросу обратим внимание на следующее обстоятельство. Прежде всего, в Университете для всех стало законом правило, что тут надо дружить, а не враждовать. Кто не согласен с таким подходом пусть «выметается вон». Жестко? Да. Но это и есть высшая справедливость. Второй «университетский закон», обеспечивающий реальное межнациональное благополучие — фактическое равенство всех студентов вне зависимости от значимости их родственников, материального положения, социального статуса, национальности и других индивидуальных качеств. Никаких преимуществ не имеют ни представители народов Крайнего Севера, ни выходцы из Северного Кавказа, никто другой. Перенесение такого подхода на более высокий уровень, за рамки РУДН вполне возможно и вне всяких сомнений целесообразно хотя бы по той причине, что традиции поиска исключений из правил у нас довольно сильны, а правовым основанием следования практике РУДН является Конституция Российской Федерации, гарантирующая равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

4. Рассматриваемые нами проблемы обеспечения межнационального согласия носят глобальный, многоплановый характер и в одночасье и даже в обозримом будущем их не решить. Как бы объективно, тут появляется возможность использовать эти «непреодолимые» обстоятельства для фактического отказа от повседневных, оперативных средств воздействия на причины и условия, обуславливающие конфликты на этнической основе. Вместе с тем, опыт тысячелетий говорит не в пользу откладывания дела на потом. Более продуктивно исходить из бесспорной истины, что под лежащий камень вода не течет. Одним из ярких подтверждений тому может быть деятельность Марка Порция Катона старшего (234—149 гг. до н.э.). Имя этого великого государственного деятеля республиканского Рима в основном стало бессмертным благодаря его изречению *Ceterum censeo, Carthaginem delendam esse* (Кроме того, я думаю, что Карфаген следует разрушить), которым он заканчивал каждую свою речь в сенате.

Эта знаменитая фраза Катона символизирует и по сей день непримиримую ненависть к врагам государства, непоколебимое решение во что бы то ни стало довести задуманное до конца и умение настоять на своем. Карфаген в качестве главной мишени Катон избрал не случайно. Это был действительно самый серьезный противник Рима и Катон имел возможность лично убедиться в этом, принимая участие в битве при Каннах, когда Ганнибал по всем статьям превзошел непобедимые ранее римские легионы. Карфаген всегда был готов по меньшей мере на равных противодействовать могущественному Риму вне зависимости от тех или иных периодически случавшихся изменений к худшему. Так например, даже после окончания второй Пунической войны, когда Карфаген утратил все земли за пределами Африки, Катон постоянно убеждал сенаторов не оставлять этот регион без внимания. В итоге, началась третья Пуническая война. Карфаген был окончательно повержен и по решению сената сожжен, а место где он находился, проклято, перепахано, посыпано солью, чтобы тут ничего не росло и не мог никто поселиться. Карфагенские поселения стали называться римской провинцией в Африке. Случилось все это спустя три года после смерти Катона. Вот такой ценой и таким путем достигаются великие цели великими людьми.

Здесь также считаем уместным обратить внимание и на деятельность Катона в качестве цензора. Цензор (*ensor togum*)-блюститель нравов в Римской Республике. Это была самая уважаемая должность в государстве.

Достаточно сказать, что цензор облачался в пурпурную тогу, которую носили древние римские цари. Цензор избирался из бывших консулов на полуторогодичный срок для решения наиболее актуальных задач, краткосрочных и среднесрочных, например кадровых вопросов. Именно цензор инициировал отстранение от должности проворовавшихся чиновников, лиц, уличенных в распутстве, в трусости в бою, в других безнравственных деяниях. Таких лиц цензор заносил в список худших граждан республики со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как цензор, Катон боролся с тлетворными иноземными влияниями, осуждал стремление к роскоши, распространение неприличных восточных культов и оргий, настаивая одновременно на строгости в потребностях и простоте в общении. Во время Катона многие «новые римляне», не разделявшие воззрений Катона, благодаря его усилиям, были изгнаны из сената. Для борьбы с роскошью были введены прогрессивные налоги, в 10 раз повышены цены на одежду, повозки, богатую утварь и украшения. Сам Катон, был вне подозрений и его иначе как *Virbonus* (образованный гражданин) никто не называл. Не случайно, что на его статуе в храме богини здоровья в числе главных достоинств великого римлянина было указано, что став цензором, он здравыми советами, разумными наставлениями и поучениями снова вывел на правильный путь клонившееся к упадку римское государство. Чем не достойный во всех отношениях пример двухтысячелетней давности для подражания в веке XXI?

5. Возвращаясь из глубин древности и дальних стран к нашей сегодняшней российской действительности, представляется целесообразным в первую очередь обратиться к труднорешаемым в настоящее время проблемам обеспечения адекватного реагирования властных структур на факты преступлений и иных злоупотреблений, имеющих заметную этническую составляющую. Суть этого вопроса состоит, в частности, в том, что стремление хорошо выглядеть на фоне широкораспространенного неблагополучия, желание всеми правдами и неправдами скрыть или в лучшем случае приукрасить истинную ситуацию в своем ведомстве, а распространенную практику нарушений законности и правопорядка представить как частность, характерно не только для традиционно порочных в общественном сознании сфер хозяйственной и управленческой деятельности. Это, как правило, стало стандартом, нормой реагирования на получившие широкую огласку факты тех или иных злоупотреблений, включая преступления. Примеров тому — великое множество в различных по своей этнической составляющей регионах Российской Федерации.

Тут немаловажной с криминологической точки зрения, представляется такая особенность. Оперативное реагирование руководства на злоупотребления или ошибки в работе подчиненных отнюдь не всегда осуществляется только с целью добиться социальной справедливости и достойно наказать виновного. В нашей истории немало фактов, когда в «жертву» возмущенного произволом начальников народа приносились интересы и даже жизни особ очень даже высокого ранга. Их нередко попросту отдавали на растерзание толпы, или, в лучшем случае, прилюдно казнили. Подобным путем, хотя бы на время, снималась острота проблемы, уходился в менее опасную сторону гнев бунтовщиков. В последствии, и в более спокойной обстановке, нередко наступала пора гласной или широко не афишируемой реабилитации отданных на заклятие. В современной России, с ее едиными экономическими, социальными, правовыми проблемами, разного рода межнациональные конфликты и противоречия, которые попросту неизбежны, не являются первостепенными, преобладающими в системе обстоятельств, способствующих совершению преступлений и других злоупотреблений в нашем многонациональном обществе. Гиперболизация этнической составляющей в генезисе преступности выгодна, прежде всего, коррупционерам, казнокрадам, террористам, убийцам и другим лицам, для которых противопоказаны гражданский мир и порядок.

Принцип разумного сочетания национального и международного права в противодействии экстремистским преступлениям

1. Необходимость уточнения понятийного аппарата дискуссии.

«*Международное право*» — сложный комплекс юридических норм, создаваемых государствами и межгосударственными организациями путем соглашений и представляющих собой самостоятельную правовую систему, предметом регулирования которой являются межгосударственные и иные международные отношения, а также определенные внутригосударственные отношения.

При разнообразии определений большинство авторов определяют *международное право* как совокупность юридических норм, создаваемых совместно государствами с целью регулирования их взаимных отношений.

Вместе с тем, понимание права как системы норм не позволяет исследовать его в динамике отношения между внутригосударственным и международным правом и искусственно сужает сферу их взаимодействия. Такое понимание права не дает возможность раскрыть взаимосвязь международных и внутригосударственных правоотношений и роль правосознания. Поэтому для анализа права важно, чтобы его сугубо правовое содержание не сужалось. Это важно и для того, чтобы можно было выяснить, почему между данными правовыми системами установились различные связи.

Международное право имеет сложную систему, что обусловлено совмещением в нем общеправовых норм-принципов и общеправовых нормативных комплексов, с одной стороны, и отраслей как однородных комплексов норм в соответствии с предметом регулирования, а также внутриотраслевых институтов — с другой. В наименованиях «международное публичное право» и «международное частное право» слово «международное» имеет разный смысл. Международное публичное право регулирует отношения между государствами, является межгосударственным правом. Проблемы международного противодействия национализму, фашизму и другим экс-

тремистским преступлениям разрешаются нормами публичного права. Международное частное право считается «международным» потому, что регулирует гражданские, семейные, трудовые, гражданско-процессуальные правоотношения, которые содержат иностранный элемент, выходят за пределы одного государств.

Субъектами международного права являются суверенные государства, народы, нации, борющиеся за свое освобождение (государства в стадии становления), межгосударственные организации, государство-подобные образования (например, Ватикан). Во второй половине XX в. в области международной правосубъектности произошли изменения: субъектами международного права признали человека, а также учреждения, защищающие и гарантирующие на международном уровне права человека.

Существует два основных источника международного права: 1) международные обычаи (обычное международное право); 2) международные договоры (договорное международное право). Международное право, как и любое другое право, должно отражать и регулировать реально существующие отношения в обществе, а не содержать нормы декларативного характера, исполнить которые реально невозможно в силу различных причин (экономического, политического, идеологического характера).

2. Теоретические взгляды на проблему соотношения национального и международного права.

В вопросе о соотношении двух правовых систем доктрина международного права выработала следующие основные подходы:

1) *Дуализм* — международное право и национальное право два различных правопорядка, но международное право может выполнять свои задачи, только постоянно обращаясь к национальному праву.

2) *Монизм* — международное и национальное право части единой правовой системы но: а) внутригосударственное право доминирует над международным правом; б) примат международного права над национальным¹.

¹ *Буткевич В.Г.* Соотношение внутригосударственного и международного права. Киев, 1981; *Мюллерсон Р.А.* Соотношение международного и национального права. М., 1982; *Усенко Е.Т.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2; *Тихомиров Ю.А.* Национальное законодательство и международное право: параллели и сближения // Московский журнал международного права. 1993. № 3; *Рияд Таха Шамсон.* Соотношение международного и внутригосударственного (национального) права: Теоретические аспекты: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003.

Под соотношением международного и внутригосударственного права в теории международного права обычно понимают, во-первых, соотношение силы международно-правовых и внутригосударственных норм; во-вторых, взаимодействие международного и национального права в процессе создания норм международного права и норм национального законодательства и в процессе их реализации.

Ученые выделяют три главных аспекта проблемы соотношения международного и внутригосударственного права.

Первый — влияние национального права отдельных государств на образование и развитие принципов и норм международного права и влияние международного права на образование и развитие принципов и норм национального права отдельных государств, иначе говоря, *фактическое взаимодействие международного и национального права*.

Второй — юридическая сила норм международного права, когда речь идет о правовом регулировании отношений, совершающихся внутри государства, и юридическая сила национального права, когда речь идет о правовом регулировании международных отношений, т.е. вопросы о формально-юридических способах *применения норм международного права на территории государства и норм национального права за пределами издавшего их государства*, в частности, вопросы о рецепции норм одной правовой системы другой правовой системой, о трансформации норм одной правовой системы и т. д.

Третий — *коллизии норм национального и норм международного права* и пути предупреждения и разрешения таких коллизий. С этим аспектом неразрывно связан анализ выдвигаемых как в теории, так и на практике положений о примате международного права над национальным, или о примате национального права над международным, или, наконец, о юридическом равенстве силы международного и национального права.

Признание приоритета внутреннего права (монизм) преобладало в доктрине и практике советского государства, отражая защиту им своего суверенитета в условиях противостояния двух общественных систем. С конца 1980-х годов стала все более отчетливой тенденция «связанности» государства его международными обязательствами. И наконец, в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации нашли отражения взгляды монистов. Аналогичная позиция отражена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнан-

ных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

3. Исторический аспект проблемы соотношения.

Любые процессы и явления, в том числе правового характера, в первую очередь следует рассматривать в историческом аспекте, что позволяет определить: на какой фазе своего развития находится то или иное явление, и каковы перспективы его дальнейшего развития? Так, И.И. Лукашук предложил следующую периодизацию истории формирования международного права:

- 1) предыстория международного права (с древних веков до конца средних);
- 2) классическое международное право (с конца средних веков до принятия Статута Лиги Наций);
- 3) переход от классического к современному международному праву (от Статута Лиги Наций до Устава ООН);
- 4) современное международное право. Однако такая периодизация, на мой взгляд, не только далека от формационного либо цивилизационного подхода к праву, но и не отражает основных существенных изменений, происходивших в международном праве, а также тех исторических событий, которые изменили расстановку сил в мире и привели к подобным изменениям.

Для более полного определения перечня проблем соотношения международного и национального права необходимо проанализировать с позиций диалектического материализма соотношение следующих понятий:

- 1) «международного права» и «международного государства» (общества);
- 2) «национального права» и «национального государства»;
- 3) «государства» и «субъектов государства»;
- 4) «права» и «субъектов права»;
- 5) «национального права» и «актов субъекта государства»;
- 6) взаимообусловленность и взаимодействие «права», «экономики», «политики», «идеологии».

На национальном уровне право затрагивает, прежде всего, иерархические отношения между государством и его гражданами. Верховенство права здесь во многом представляет собой понимание того, как всемогущее государство должно быть организовано и осуществлять свою деятельность. То есть, право всегда взаимосвязано и взаимообусловлено государством. Не бывает одного без другого.

Подобной иерархии нет на международном уровне. Международное сообщество состоит из около 200 суверенных государств и большого количества межгосударственных организаций. Не существ-

вует «супергосударства» либо «официального мирового правительства», которому были бы подчинены все эти государства и организации. Также как не существует единого Всемирного суда, способного рассматривать споры не только между любыми государствами, проверять различные континентальные Конвенции, иные многосторонние договоры на соответствие их какому-либо «Всемирному акту (Всемирной Конституции, принятой всем населением, а не государствами планеты)». Только эти органы способны бы были представлять интересы планеты Земля в иных всепланетарных структурах.

А поскольку таких всемирных государственных структур не существует, возникает вполне обоснованное сомнение в приоритете международного права над национальным. Кроме того, в подобных международных конструкциях теряется сам человек с его правами и интересами как основатель тех же самых и государства и права.

Если посмотреть на исторические корни проблемы соотношения международного и национального права, то можно увидеть преобладание в разное время как крайне радикальных, так и вполне умеренных взглядов. Например, сторонники идеи приоритета внутригосударственного права, разделяя взгляды Гегеля, признавали лишь абсолютный суверенитет государства, а противоречащие ему нормы международного права — юридически ничтожными.

Последователи противоположного течения исходили из полного подчинения национального права международному праву. Ими существенно занижалась, а то и вообще отрицалась роль суверенитета государства. Предполагалось, что в условиях ограничения независимости страны будут объединяться и в итоге превратятся в единое высшее надгосударственное образование. Эти идеи позже легли в основу происходившей в конце 20 века глобализации Европы. И именно на этих идеях американские ученые обосновали теорию полного отказа от государственного суверенитета и создания мирового государства и мирового права.

Однако проблема заключается в том, что на волне геополитического противостояния международное право зачастую используется не в связи с его высоким ценностным назначением, а как инструмент оказания давления на отдельные государства. Если международное право рассматривать с позиций позитивистов, видящих в праве волю господствующего класса, возведенную в закон, то международное право можно представить как волю господствующего государства, либо группы государств, возведенную в закон. Особенно актуально подобное сравнение в эпоху однополярного мира.

4. Соотношение внутренней и внешней направленности экстремизма.

В зависимости от объектов воздействия экстремизм также имеет свою внешнюю и внутреннюю направленность. *Внешняя* — проведение экстремистских акций за пределами страны, включает осуществление государством насилия или угрозы его применения в отношении международных органов, иностранных граждан, правительств или государств с целью изменения внешней или внутренней политики. Объектами государственного экстремизма являются физические лица, государства и иные субъекты международных отношений. Это обстоятельство обуславливает международно-правовой характер совершаемых на рассматриваемом направлении акций; экстремизм можно рассматривать как своеобразный способ (попытку) разрешения международных противоречий.

Международное сообщество в целом отрицает терроризм и экстремизм как средство достижения политических целей. Основными направлениями усилий, предпринимаемых по из противодействию, являются: создание международной и национальной правовой базы, формирование мощных антитеррористических центров привлечения вооруженных сил для борьбы с экстремизмом, а также оздоровления социально экономической обстановки в странах и регионах, являющихся источниками вооруженных конфликтов.

Внутренняя направленность государственного экстремизма заключается в осуществлении государством насилия по отношению к своим политическим оппонентам, к большинству населения страны для поддержания или укрепления своей власти. Политика государственного экстремизма была решительно осуждена в документах 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1989 г.), которая «осуждает всех, кто под предлогом борьбы с терроризмом прибегает к насильственным и незаконным средствам достижения политических целей». Следовательно, в современных условиях отпор экстремизму и терроризму немислим без претворения в жизнь принципов международного сотрудничества в борьбе с этими явлениями.

Проблема соотношения международного и национального права, в том числе при противодействии экстремизму, не может иметь однообразного решения в силу своей широты и многоплановости, противоречивости факторов, его определяющих, а также разнообразия научных доктрин.

Принцип приоритета одного явления над другим неэффективен и должен заменяться принципом разумного сочетания того и другого. Любая крайность в определении приоритета одного из явлений, находящихся в единстве, противоречит диалектике развития. Пред-

почтение одному субъекту права, влечет необоснованное ограничение для другого. Так, провозглашение высшей ценностью отдельного человека, его прав и интересов, неминуемо влечет ущемление прав и интересов других людей и всего общества. А ведь от необеспеченности интересов общества страдают интересы его членов, которые все больше зависят от общества. С другой стороны, интересы общества требуют обеспечения интересов его членов, так как от этого зависит состояние самого общества и в этом смысле его существования. Не только в международной жизни, но и в государстве по мере роста роли интересов общества и обеспеченности прав человека на первый план выдвигается задача защиты общих интересов. В этом одна из причин необходимости серьезных перемен в системе международных отношений.

Приоритет международного права над национальным правом, в том числе в сфере противодействия экстремистским преступлениям, может негативно сказаться на охране общественной безопасности, на правосудии. Всегда остается опасность, что международное право может оказаться под влиянием отдельных лиц, государств и использоваться ими в своих интересах. Тогда приоритет останется не за силой права, а за правом силы.

Соотношение международного уголовного права и российского уголовного законодательства при квалификации преступлений, совершаемых военнослужащими

В современном российском уголовном законодательстве в состав Уголовного кодекса 1996 г. был включен раздел XII и глава 34 «Преступления против мира и безопасности человечества», сформулированные уже на основе норм международного права. В основу указанных составов преступлений были положены нормы международного гуманитарного права, сформулированные в решениях Нюрнбергского трибунала, Женевских и других международных конвенциях, а не традиционные нормы военно-уголовного законодательства. Ранее действовавшие нормы о преступлениях, нарушающих международные конвенции, были частично декриминализованы, а частично преобразованы в новые составы преступлений уже не являющиеся воинскими.

Например, состав преступления «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» (ст. 356), под которым понимается жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации. Как видно в диспозиции статьи содержатся термины, которые требуют толкования и обращения к другим нормативным правовым актам, а также содержится прямая отсылка к международному договору Российской Федерации. Фактически вновь введенный состав преступления охватывает по объективной стороне практически все составы ранее существовавших воинских преступлений против законов и обычаев войны, однако сформулирован очень не конкретно и обобщенно, что может вызвать проблемы в случае применения его на практике. Положительной стороной нового состава преступления следует

признать, что его субъектом может быть любое лицо, а не только военнотружущий, что избавило от необходимости установления правового статуса лица, обвиняемого в преступлениях против мира и безопасности человечества. Впрочем, все вновь введенные новшества не изменили воинской сущности преступлений против законов и обычаев войны.

Таким образом, нормы международного права, содержащиеся в международных договорах и соглашениях Российской Федерации, в настоящее время играют роль современных дополнительных или косвенных источников военно-уголовного права. Их можно разделить на нормы, устанавливающие преступность и наказуемость деяний, которые были рассмотрены выше, и иные уголовно-правовые нормы.

Среди норм международного права, содержащих иные уголовно-правовые нормы, выделяются нормы, определяющие пределы действия уголовного закона в отношении военнотружущих. Начиная с 1991 г. Российской Федерацией было заключено более 170 международных договоров и соглашений, в которых так или иначе затрагивались вопросы уголовной юрисдикции в отношении российских военнотружущих. Как правило, международными правовыми актами устанавливаются иные правила, чем российским уголовным законодательством, в частности уголовная юрисдикция сужается до определенного круга преступлений¹.

Еще одним институтом российского военно-уголовного права, источником которого выступают нормы международного права, является уголовная ответственность военнопленных. Как уже отмечалось, до Октябрьской революции 1917 г. в Воинском уставе о наказаниях особо оговаривалась, что военнопленные, совершившие преступления против безопасности армии или в целях способствовать неприятелю подвергаются уголовному наказанию. В советском военно-уголовном законодательстве военнопленные указывались в качестве субъектов преступления и потерпевших. В научной и

¹ См., напр.: Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения (Москва, 29 августа 1997 г.) // СЗ РФ. 2004. № 47. Ст. 4572; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь (Минск, 6 января 1995 г.) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2104.

учебной литературе того периода раскрывалась сущность и ответственность этой категории лиц¹. Однако по прошествии большого периода времени после окончания Великой Отечественной войны, рассмотрение вопросов уголовной ответственности военнопленных постепенно утратило актуальность. В современной научной литературе, как правило, не указывается о том, что военнопленные могут быть субъектами воинских преступлений. Таким образом, институт уголовной ответственности военнопленных в настоящее время определяется полностью нормами международного права.

В последние годы в науке уголовного права появилось большое количество исследований, посвященных вопросам уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества². Возможно, это связано с учреждением и последующей деятельностью двух международных уголовных трибуналов для судебного преследования лиц, ответственных за нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (с 1991 г.), и совершенные на территории Руанды (с 1994 г.). Международное уголовное право к настоящему времени выделилось в самостоятельную отрасль, учебную и научную дисциплину³.

В том числе отмечается, что международное уголовное право оказывает определенное влияние на формирование российского уголовного права, через которое происходит реализация задач международного уголовного права. Однако международное уголовное право не может отождествляться с российским уголовным правом либо включать в себя последнее. Международное уголовное право как бы дополняет национальное уголовное законодательство, поскольку каждое государство осуществляет собственную уголовную юрисдикцию в случае совершения преступлений, предусмотренных

¹ *Ахметшин Х.М., Васильев Н.В.* и др. Воинские преступления. М., 1970. С. 24, 293, 307, 312—314, 316, 318; *Прокопович Е.В.* Уголовная ответственность военнослужащих за совершение преступлений: учебное пособие. М., 1974. С. 8.

² См., напр.: *Адельханян Р.А.* Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; *Малахова О.В.* Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; *Дряев Б.А.* Агрессия в российском уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Панкратова Е.Д.* Уголовно-правовая характеристика геноцида: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

³ *Международное уголовное право: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева.* М., 1999; *Нарбутаев Э., Сафаев Ф.* Курс международного уголовного права. Ташкент, 2006; *Кибальник А.Г.* Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003.

в международном уголовном праве. Из этого следует возможность применения международного уголовного права двумя способами: непосредственным и опосредованным, т.е. через национальное уголовное право. Международное уголовное право может влиять на национальную уголовно-правовую систему следующими способами: «отсылка» — непосредственное указание на действие нормы международного права, имеющей уголовно-правовое значение; «рецепция» — акт международного уголовного права как источник уголовного права текстуально включается в национальный уголовный закон без каких-либо изменений; «имплементация» — уже существующая уголовно-правовая норма или (чаще) вводимая новая норма национального уголовного закона адаптируется внутренним законодателем во исполнение международного договора¹.

Так путем отсылки к нормам международного уголовного права сформулирован состав применения запрещенных средств и методов ведения войны, а путем имплементации — составы планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны, геноцида, наемничества и др. Однако ряд институтов международного уголовного права не нашел отражения в российском уголовном праве. Например, принцип недопустимости ссылки на официальный статус или приказ, который сформулирован следующим образом. Занимаемое должностное положение не освобождает лицо от ответственности и не является смягчающим обстоятельством, а предусмотренные законом иммунитеты не применяются. Преступление, совершенное лицом по приказу правительства или начальника, будь то военного или гражданского, не освобождает это лицо от уголовной ответственности².

Институт ответственности командиров и начальников. Военные командиры или лица, эффективно действующие в качестве военных командиров, подлежат ответственности за преступные по международному уголовному праву деяния, если они совершены силами, находящимися под их эффективным командованием, властью или контролем в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими силами. Существующие в российском уголовном праве составы должностных преступлений не охватывают такого рода деяния.

¹ Кибальник А.Г. Указ. соч.

² Римский статут Международного уголовного суда // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru>

Институт обстоятельств, исключаящих преступность деяния, таких как приказы начальника и предписание закона, а также военная необходимость. Лицо, совершившее преступление по приказу правительства или начальника, освобождается от уголовной ответственности, если это лицо было юридически обязано исполнять приказы данного правительства или данного начальника. Хотя в российском уголовном праве и предусмотрен институт исполнения приказа или распоряжения, исполнение обязанностей, установленных законом, не рассматривается как обстоятельство, исключаящее преступность деяния.

Военная необходимость определяется исходя из толкования международно-правовых норм и как обстоятельство, исключаящее преступность деяния не известна российскому уголовному праву. Запрещается подвергать нападению или уничтожать, вывозить или приводить в негодность объекты, необходимые для выживания гражданского населения, такие, как запасы продуктов питания, производящие продовольствие сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения специально с целью не допустить их использования гражданским населением или противной стороной как средств поддержания существования. Исходя из признания жизненно важных для любой стороны, находящейся в конфликте, потребностей в обороне своей национальной территории от вторжения, допускается отступление от указанных запрещений, стороной, находящейся в конфликте, на такой контролируемой ею территории, где этого требует настоятельная военная необходимость (ст. 54 Дополнительного протокола I). Или как незаконное, бессмысленное и крупномасштабное уничтожение и присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью (п. IV ч. 2 ст. 8 Римского статута).

Тем не менее, следует учитывать, что в России установлен конституционный запрет на выдачу российских граждан иностранному государству, что, в свою очередь, определяет коллизионность правовых норм о юрисдикции международного уголовного суда, а также возможность применения норм международного уголовного права только опосредованно, через имплементацию в российское уголовное законодательство.

Таким образом, подводя итоги настоящей статьи, следует отметить, что международное право и международное уголовное право, в том числе институты преступлений против законов и обычаев

войны, формировалось под влиянием русского военно-уголовного законодательства. В последующий период нормы международного права послужили основой для создания ряда составов воинских преступлений против законов и обычаев войны, а позднее и ряда составов преступлений против мира и безопасности человечества, выступая источником уголовного права. Помимо имплементации международно-правовых норм в российское уголовное право, ряд таких норм, по большей части, не устанавливающих преступность деяний, должны применяться непосредственно. К ним относятся институты действия уголовного закона в отношении военнослужащих, уголовной ответственности военнопленных, ответственности командиров и начальников, обстоятельств, исключающих преступность деяния (предписание закона, военная необходимость).

К вопросу о понятии экстремистского сообщества

Проникая во все сферы жизнедеятельности общества, экстремизм в настоящее время обрел масштабы, которые без преувеличения позволяют отнести его к одной из угроз национальной безопасности Российской Федерации. Поэтому в настоящее время противодействие экстремизму как идеологии нетерпимости, возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, является одним из приоритетных направлений деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации¹. В своем выступлении Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин указал на то, что в текущем году следственные органы Следственного комитета активно пресекали экстремистские проявления, рост которых за 5 месяцев текущего года составил 33% (611 преступлений).

Одним из элементов механизма уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности является, предусмотренная ст. 282.1 УК РФ уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества.

В научной литературе отмечается несогласованность текста ст. 282.1 УК РФ с другими положениями Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации; ее чрезмерная отсылочность и излишнее переполнение различными признаками, делает указанную норму, по мнению ряда ученых, трудной для применения².

¹ Приказ СК России от 12 июля 2011 г. № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности».

² Агапов П.В., Хлебушкин А.Г. Организация экстремистского сообщества: критический анализ статьи 282.1 УК РФ // Преступность и коррупция: современные российские реалии. Саратов, 2003. С. 401.

Согласно ч. 1 ст. 282.1 УК РФ под экстремистским сообществом следует понимать организованную группу лиц, объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности. При анализе данного определения возникает вопрос: является ли экстремистское сообщество особой разновидностью преступного сообщества (организации), как оно определено в ч. 4 ст. 35 УК РФ либо в качестве экстремистского сообщества следует рассматривать только организованную группу (ч. 3 ст. 35 УК РФ).

В действующей редакции ст. 282.1 УК РФ некоторые исследователи видят специальную норму по отношению к ст. 210 УК РФ¹. Их мнение основано на том, что экстремистское сообщество и преступное сообщество, ответственность за создание которых установлена ст. 282.1 и 210 УК РФ отличаются только целями: преступное сообщество создается с целью совершения общеуголовных преступлений, в то время как создание экстремистского сообщества преследует цель совершения преступлений экстремистской направленности.

По мнению других ученых понятие «экстремистское сообщество», предусмотренное в ст. 282.1 УК РФ по смыслу близко понятию «организованная группа», и поскольку в определении не указан такой признак преступного сообщества, как сплоченность, экстремистское сообщество следует признать разновидностью организованной группы, а не преступного сообщества (организации). Так, А.В. Ростокинский, исследуя групповой экстремизм, полагает, что любая экстремистская группа является разновидностью преступной группы, отличающаяся по целям объединения².

Анализ следственно-судебной практики показывает, что у правоприменителя также нет однозначности в понимании что такое «экстремистское сообщество» и каковы основные его признаки.

Так, приговором Нижегородского областного суда К. был признан виновным, в совершении преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ. При квалификации деяния, совершенного подсудимым, суд исходил из того, что в основу состава преступления, законодателем положены два основных признака:

- наличие организованной группы;

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. СПб., 2007. С. 587.

² *Ростокинский А.В.* К вопросу об ужесточении уголовной ответственности за участие в преступном сообществе // Журнал российского право, 2007; URL: www.juristib.ru

- характер совершаемых ей преступлений, по своему содержанию должен быть экстремистским.

В приговоре Нижегородский областной суд обосновал свои выводы тем, что экстремистское сообщество создается для совершения не только тяжких и особо тяжких преступлений, но и преступлений небольшой и средней тяжести, в то время как, согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которого объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

В данном случае суд исходил из взаимосвязи Общей части УК РФ и буквального смысла диспозиции ст. 282.1 УК РФ, из которой, по его мнению, следует, что экстремистское сообщество представляет собой не структурированную организованную группу или объединение организованных групп, а всего лишь организованную группу, созданную для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности.

Другой пример, Городецкий городской суд признал наличие в действиях подсудимых Н. и Х. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, установив, что подсудимые Н. и Х. создали в г. Заволжье Нижегородской области устойчивую организованную группу экстремистской направленности, которую назвали «Национал-социалистическая рабочая партия России». Цель данной группы — проведение спланированных акций, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам национальности, расы, языка, происхождения, а также принадлежности к какой-либо социальной группе. Виновные разработали Устав своей группы, правила приема в нее, приобрели огнестрельное оружие и взрывные устройства для достижения поставленных перед группой целей. Так как у группы было структурное подразделение, базирующееся в г. Гордце Нижегородской области, которое называлось «Русский элитный отряд», в задачу которого входило непосредственное исполнение силовых акций экстремистской направленности, то суд посчитал, что в данном случае организованная группа переросла в экстремистское сообщество.

Иногда позиция суда первой инстанции о наличии в действиях подсудимых признаков преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ не совпадает с позицией вышестоящего суда.

Так, приговором Центрального районного суда г. Челябинска гр. К. осужден по ч. 1 ст. 282.1, п. «в» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 212 УК РФ; гр. Х. осужден по ч. 1 ст. 282.1, п. «в» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 212 УК РФ; гр. Д. осуждена по ч. 2 ст. 282.1, п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ; гр. З. осуждена по ч. 2 ст. 282.1, п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ. В обоснование своих выводов об организации подсудимыми К. и Х. экстремистского сообщества и участия в нем подсудимых Д. и З. суд первой инстанции указал, что исследованными в судебном заседании доказательствами подтверждается факт длительного и устойчивого существования организованной группы в составе вышеуказанных лиц. Между членами данной группы были распределены роли, существовала иерархическая структура. Все участники сообщества были объединены общими мировоззренческими установками и целью совершения преступлений экстремистской направленности, планировали и совместно подготавливали данные преступления.

Однако, рассмотрев материалы дела в кассационном порядке, судебная коллегия по уголовным делам Челябинского областного суда пришла к следующим выводам.

По смыслу закона экстремистское сообщество отличается высшей степенью сплоченности участников, согласованности их действий по достижению общих целей. Также признаком данного сообщества является наличие устава, лидера или руководящего ядра, четкой структуры, символики, финансового обеспечения, дисциплины и мер воздействия за ее нарушение. Установив, что осужденные были знакомы между собой длительное время и их общение было построено с учетом определенной иерархии, суд не учел то обстоятельство, что для остальных членов организованной группы гр. К. выступал как «учитель», причем гр. Х. находился в более близких с ним отношениях и знал его длительное время по сравнению с остальными осужденными. Сама по себе экстремистская деятельность, осуществляемая осужденными в составе организованной группы, не может служить основанием к тому, чтобы считать данную группу экстремистским сообществом. Основываясь на этих доводах, суд кассационной инстанции квалификация действий подсудимых К. и Х. по ч. 1 ст. 282.1 УК РФ и действий подсудимых Д. и З. по ч. 2 ст. 282.1 УК РФ¹.

¹ Архив Челябинского областного суда.

Подводя итог, вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в настоящее время, экстремистское сообщество не является разновидностью преступного сообщества (преступной организации). Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» также подтверждает правовую позицию, согласно которой экстремистское сообщество является *организованной группой*. Согласно пункту 17 Постановления действия участника экстремистского сообщества при совершении им конкретного преступления должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 282—1 УК РФ и соответствующей частью (пунктом) статьи УК РФ, с учетом квалифицирующего признака «организованная группа». Кроме того, в пункт 12 Постановления определено, что для признания *организованной группы* экстремистским сообществом не требуется предварительного судебного решения о запрете либо ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности¹.

Однако на наш взгляд, справедливо замечание Юдичевой С.А. о том, что в целях сохранения единства терминологии уголовного закона более правильным представляется отнесение экстремистского сообщества к преступному сообществу как форме соучастия с распространением на него всех обязательных признаков указанной формы, в связи с чем логичнее определить в Уголовном кодексе Российской Федерации экстремистское сообщество как преступное сообщество, созданное для подготовки и ли совершения преступлений экстремистской направленности².

¹ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

² Юдичева С.А. Понятие экстремистского сообщества и его уголовно-правовое значение // Новый юридический журнал. 2012. № 2. С. 145.

Практические вопросы квалификации «экстремистского» убийства (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ)

Ответственность за убийство, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы установлена пунктом «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Таких мотивов в указанном пункте содержится несколько: мотив политической ненависти или вражды, мотив идеологической ненависти или вражды и т.д. По каждому уголовному делу, возбужденному по признакам совершения «экстремистского» убийства, из содержащегося в статье перечня экстремистских мотивов для вменения устанавливается один основной (главный или доминирующий) мотив. Такой вид убийства опасен тем, что преступные намерения виновного распространяются на неопределенный круг лиц, каждый из которых лично каких-либо поступков по отношению к виновному не совершал. Их преследование связано только с принадлежностью граждан к определенному политическому, идеологическому, расовому либо религиозному обществу или группе. Указанное обстоятельство позволяет разграничить убийство по экстремистскому мотиву от убийства, совершенного по мотивам личной неприязни.

«Экстремистское» убийство направлено против двух объектов — жизни человека и закрепленного в ст. 19 Конституции Российской Федерации равенства прав и свобод граждан, независимо от их национальной, расовой принадлежности, политических, религиозных убеждений, идеологических предпочтений и т.п. Убийство, совершенное по экстремистскому мотиву, может совершаться только с прямым умыслом. Экстремистский мотив может быть единственным, но может и сочетаться с иными мотивами и целями, например, хулиганскими побуждениями, корыстью, ревностью, сокрытием преступления и т.д. В подобных случаях применяется правило конкуренции мотивов или целей, отраженное в п. 3 Постановления

Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11, в соответствии с которым квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по экстремистскому мотиву, исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающим иной мотив или цель преступления.

Верховный Суд РФ, корректируя отклонявшуюся на протяжении ряда лет от квалификации по доминирующему мотиву практику, как правило, исключал из обвинения неосновные (сопутствующие) мотивы или цели¹.

В других судебных постановлениях Верховного Суда РФ основным мотивом признается экстремистский, а корыстный мотив исключается²:

Краевые и областные суды, рассматривая дела по первой инстанции, также исключают одновременную квалификацию содеянного по нескольким пунктам ч. 2 ст. 105, если ими предусмотрены разные мотивы или цели преступления. Подобный подход основывается на принципах психологической науки, которая предписывает различать мотивы главные, основные, решающим образом воздействующие на волю, и мотивы второстепенные, неглавные, как бы подталкивающие к выполнению уже готового намерения либо с ними конкурирующие³. Аналогичные взгляды получили отражение и в литературе⁴.

Важно отметить, что отделить основной (доминирующий) мотив от неосновного (сопутствующего) иногда является непростой задачей. В качестве примера стоит привести дело братьев В., которые, помимо совершения ряда преступлений против личности и собственности, в одном случае решили завладеть машиной и имуществом

¹ Определение Верховного Суда РФ от 18 июля 2011 г. № 5-О11-190сп // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 12 марта 2003 г. № 19/1-кп002-100 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ по делу Б. // БВС РФ. 2006. № 7.

³ Среди различных мотивов, побуждающих сложную деятельность, всегда выделяются мотивы, играющие ведущую роль (См.: Психология: Учебник для педагогических институтов. М., 1962. С. 372).

⁴ См. напр.: *Толкаченко А.А.* Мотив и цель воинских преступлений по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990; *Толкаченко А.А.* Научные основы квалификации преступлений: Учеб. пособие. М., 2005; *Инишаков С.М.* Негативный опыт в мотивации преступного поведения военнослужащих: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990; *Волков Б.С.* Мотивы и квалификация преступлений. М., 1976. С. 29.

вом не любого человека, а именно неславянского происхождения. В результате такого «отбора» преступление они совершили в отношении гражданина республики Грузия Г., убив последнего и завладев его имуществом¹.

Что же касается того, как в подобных ситуациях выбирать основные (доминирующие) мотив или цель и какие из них в конкретных следственных ситуациях «главнее», то на практике данный вопрос решается с применением имеющегося у органа следствия и суда широкого «арсенала» предусмотренных уголовно-процессуальным законом способов установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Например, если в ходе расследования выяснится, что убийству лица «неславянской национальности» предшествовали и иные преступления виновных, где потерпевшими были как раз славяне, и при совершении преступлений также похищалось имущество, то есть основание считать корыстную мотивацию деяний основной. В свою очередь, показания виновных о том, что убийство могло бы и не состояться в случае, если им бы так и не встретилось лицо с «неславянской внешностью», дают основание предположить, что доминирующим мотивом следует считать «экстремистский». Также об экстремистском мотиве преступного поведения могут свидетельствовать и такие обстоятельства, как показания свидетелей о националистических взглядах виновных, их членстве в экстремистских организациях, оперативные данные об участии преступников в националистических акциях и т.д.²

В следственной и судебной практике имеют место случаи, когда Верховный Суд РФ и суды субъектов Российской Федерации отклоняются от правила квалификации по основному (доминирующему) мотиву, например, суд иногда квалифицировал одно и то же убийство одновременно из хулиганских побуждений и по мотиву национальной ненависти³.

Верховный Суд также в ряде случаев отклонялся от правила квалификации по основному мотиву (определение Верховного Суда РФ от 23 августа 2006 г. № 5-006-92, постановление Президиума Верховного Суда РФ от 6 сентября 2006 г. № 394 и др.)⁴, что свиде-

¹ Приговор Иркутского областного суда от 4 апреля 2012 г. по уголовному делу № 2-19/2012 // Архив Иркутского областного суда.

² Апелляционное определение от 22 апреля 2014 г. № 46-АПУ14-8 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приговор Московского городского суда от 28 октября 2010 г. № 2-63-28/10 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

тельствует о существовании в теории и практике разных подходов к решению данной проблемы.

Указанное правило не может быть применено к убийству двух и более лиц, когда виновный покушается на несколько объектов (жизнь нескольких людей). То есть, если убийство двух или более лиц обусловлено разными мотивами (например, один пострадавший лишен жизни из корыстных побуждений, а смерть другому причиняется из религиозной ненависти), имеющими самостоятельное правовое значение, все они должны вменяться лицу, привлекаемому к уголовной ответственности¹.

Отклонение Верховного Суда в некоторых случаях от правила квалификации по основному мотиву, связано с существованием в теории и практике разных подходов к решению данной проблемы, а также с отсутствием определения этого правила в общем виде в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Поэтому было бы правильным, если бы Пленум уточнил свою позицию и включил в текст одного из постановлений соответствующее разъяснение.

¹ См. подробно: *Кожухарик Д.Н., Кудрявцева Т.Г.* Проблемы квалификации экстремизма // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. научн. тр. Вып. 4. М., 2014.*

Международный опыт организации деятельности по подрыву экономических основ экстремистских и террористических группировок

Генезис терроризма и экстремизма характеризуется не только этнополитическими и конфессиональными детерминантами. Зачастую в причинный комплекс одноименных преступлений входят умело скрываемые банальные корыстные интересы организаторов террористических и экстремистских группировок.

В этой связи одним из главных направлений борьбы с рассматриваемым явлением является деятельность по подрыву экономических основ экстремистских и террористических организованных преступных структур. В России такую деятельность можно обозначить как один из элементов, к сожалению, не основных, системы борьбы с экстремизмом и терроризмом.

При этом нормативного обеспечения, регламентирующего рассматриваемую деятельность в нашей стране нет. Отсутствует легальное понятие деятельности по подрыву экономических основ организованной преступности, экстремизма и терроризма. Не определены нормативно-правовые основания, пределы осуществления такой деятельности. Отсутствует правовая регламентация организационного, информационно-аналитического обеспечения такой деятельности. Существуют лишь доктринальные определения деятельности по подрыву экономических основ организованных преступных структур, под которой некоторые авторы понимают «систему мер, осуществляемых органами государственной власти в целях выявления экономических условий существования организованных преступных структур, а также нейтрализации экономической основы их деятельности¹. Естественно, такие определения не имеют

¹ Ильин И.В., Ильин А.Е. Сущность и содержание оперативно-розыскной деятельности по подрыву экономических основ организованных преступных структур // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 255—264; Васильев Э.А., Ильин И.В., Ильин А.Е. К вопросу о понятии оперативно-розыскной деятельности по подрыву экономических основ организованных преступных структур // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 124—130.

нормативного характера. Поэтому процесс имущественного воздействия, в чем собственно и заключается подрыв экономических основ организованных преступных структур террористического и экстремистского характера, осуществляется по общим правилам, установленным гражданским законодательством.

В то же время в законодательстве зарубежных стран такая деятельность достаточно подробно регламентирована.

По мнению А. Ставицкой, «Патриотический акт США 2001 года» расширил понятие «федеральное преступление, связанное с терроризмом», включив в эту категорию ряд тяжких насильственных преступлений, ранее к ней не относившихся, дополнил Титул 18 Свода законов США понятием «внутренний терроризм», который ранее не был предусмотрен законом. Кроме того, все преступления, преследуемые по статье 2332b «Акты терроризма, совершаемые с пересечением государственных границ» и отнесенные к «федеральным преступлениям, связанным с терроризмом», включены теперь в круг уголовно наказуемых деяний, преследуемых также и по статье 1961 (1) Титула 18 Свода законов США, являющейся частью закона о борьбе с организованной преступностью, известной как Закон RICO «Коррупцированные и находящиеся под ракетирским влиянием организации»¹.

Это позволило в деятельности по борьбе с терроризмом и экстремизмом в США применять средства экономического характера, которые заключаются в подрыве финансового состояния преступных организаций. Такое направление борьбы имеет соответствующее организационно-структурное обеспечение. Так, в федеральные подразделения, которые занимаются предотвращением терроризма и экстремизма в обязательном порядке взаимодействуют с министерством юстиции, финансов, труда, почтовым ведомством².

В указанную организационную систему также входит специальное большое жюри, которые находятся в федеральных судебных округах с населением не менее 1 миллиона человек, а также большие жюри федерального уровня, которые ведут расследование организованной преступной деятельности, осуществляемой на территории нескольких штатов. Особое место в системе мер борьбы с экстремистской и террористической преступностью занимает пре-

¹ Ставицкая А. Сравнительный анализ законодательства: Россия, США, Великобритания. URL: <http://studies.agentura.ru>; Цит по: Троицкая Е.В. К вопросу о конституционно-правовых основах противодействия экстремизму и терроризму в США. URL: www.rusnauka.com.

² Бастрыкин А.И. Борьба с организованной преступностью в США // Правоведение. 1992. № 3. С. 75—76.

вентивная разведка, под которой понимают деятельность по сбору оперативной информации, необходимой для анализа обстоятельств, позволяющих сделать вывод о том, что тот или иной объект экономики находится под контролем криминальных структур. При этом такая деятельность осуществляется, как правило, до непосредственного совершения преступных деяний¹.

В Германии в системе деятельности по подрыву имущественного состояния организованных террористических и экстремистских групп задействован прокурор, который в сотрудничестве с компетентными подразделениями может принять решение о ликвидации организации, которая занимается финансированием организованных террористических и экстремистских преступных структур.

Интересен опыт организации деятельности по подрыву экономических основ организованной, террористической и экстремистской преступности в странах постсоветского пространства.

В качестве положительного можно привести белорусский опыт деятельности по подрыву экономических основ организованных преступных структур, в том числе террористического и экстремистского характера.

Несмотря на то, что Белоруссия не является лидером среди стран с наибольшим количеством совершенных экстремистских и террористических преступлений, тем не менее деятельность, направленная на предотвращение и пресечение финансирования организованной преступности, терроризма и экстремизма подробно регламентирована.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом», а также Законом Республики Беларусь «О борьбе с организованной преступностью» от 27 июня 2007 г. № 244-З правоохранным органам предоставлена возможность приостанавливать сделки, направленные на приобретение или отчуждение имущества, если имеются данные о том, что оно получено незаконным путем; в рамках предварительной проверки осуществлять анализ хозяйственного состояния юридического лица, заподозренного в финансировании террористических и экстремистских организованных преступных структур; беспрепятственно находиться в пунктах пересечения Государственной границы Республики Беларусь по служебным удостоверениям; предлагать вводить запрет въезда в Республику Беларусь физических лиц, причастных к международной организованной преступности; вносить представления о лишении лицензий и иных разрешений, необхо-

¹ Бастрыкин А.И. Указ. соч. С. 78—80.

димых для занятия определенным видом деятельности; инициировать через органы прокуратуры иски производства к лицам, осуществляющим финансирование террористических и экстремистских организованных преступных группировок.

Очень важное значение для мер по пресечению деятельности юридических лиц, финансирующих террористические и экстремистские организованные преступные структуры, имеют нормы, устанавливающие возможность ликвидации таких организаций. При этом имущество, принадлежащее им, после ликвидации обращается в доход государства.

Учитывая вышеизложенное полагаем, что опыт зарубежных стран деятельности по порыву экономических основ терроризма и экстремизма позволит улучшить такую деятельность в нашей стране.

Религиозный экстремизм как угроза общественной безопасности

*Власть — не средство; она — цель.
Диктатуру учреждают не для того,
чтобы охранять революцию;
революцию совершают для того,
чтобы установить диктатуру.
Цель репрессий — репрессии.
Цель пытки — пытка.
Цель власти — власть.
Джордж Оруэлл¹*

Проблема экстремизма и терроризма — одна из самых обсуждаемых тем в последние годы обществе. Такие слова как «убийца» и «преступник» потеснили новые, более современные термины — «шахиды», «моджахеды», «террористы» и «экстремисты». Актуальность проблем, связанных с экстремистскими проявлениями не вызывает какого-либо сомнения. Экстремизм и его разновидность терроризм представляют реальную опасность как для международного сообщества в целом, так и для нашего государства в частности. Почему это актуально? Потому что чаще всего жертвами сектантов и террористов становятся дети, подростки, молодые люди и девушки, которые легко попадают в сети идеологического обмана. Профилактика экстремизма и терроризма — это не только задача государства, но и задача представителей гражданского общества. Эта работа зависит от четкой позиции политических партий, общественных и религиозных объединений, граждан. Для успешного противостояния экстремизму и терроризму, их профилактике в обществе необходимо знать и понимать преступную сущность этих явлений. Следует отметить, что из всех форм экстремизма для Казахстана наибольшую опасность представляет религиозный экстремизм и определяется она в большей мере внешними факторами.

Религиозный экстремизм — это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность, направленная на

¹ URL: www.adme.ru

насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти. В Законе Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31 «О противодействии экстремизму», под *религиозным экстремизмом* понимается разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан¹.

Чаще всего мы становимся свидетелями исламского экстремизма. В СМИ время от времени сообщается о терактах, вину которых берут на себя исламские радикалы. Так, радикальные исламисты резко активизировались в Алжире — одном из самых стабильных государств Северной Африки.

Ответственность за наиболее крупную за последний год атаку в префектуре Айн-Дефла (140 км к юго-западу от столицы), в результате которой погибли 14 военных, взяла на себя террористическая организация «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКИМ)². Ответственность за нападение террористов на офис редакции французского сатирического еженедельника Charlie Hebdo (рус. «Шарли Эбдо») 7 января 2015 г. в Париже взяли на себя боевики террористических организаций «Аль-Каида» и «Исламское государство Ирака и Леванта». В результате стрельбы погибло 12 человек, ранено 11³.

Если говорить об историческом пути исламского экстремизма в частности, то можно сделать определенные выводы. Анализируя причины роста исламских политических движений 1970-х — 1980-х гг., российские востоковеды отмечают, что «существует одно немаловажное обстоятельство международно-политического плана, противоречивым образом повлиявшее на возникновение «исламского бума», — агрессивная политика Израиля в районе Ближнего и Среднего Востока, поддерживаемая Соединенными Штатами. Обострение в тот период палестинского вопроса — одна из причин подъема исламистских движений на Ближнем Востоке, созданных в 1950-х годах в результате поражения Лиги арабских государств в Палестинской войне. Понятие «Накбат Фаластын» («Освобождение Палистины») благоприятствовало пропагандистской деятельности

¹ Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31 «О противодействии экстремизму».

² *Коммерсантъ*. 2015. 20 июля.

³ The Daily Telegraph. 2015. 7 january.

групп и движений радикального ислама, рассматривавших «палестинскую катастрофу» как «величайшее унижение для всего мусульманского мира». В качестве примера можно назвать активизацию движения «Братья-мусульмане», которое стремилось использовать в своих целях вызванный военной победой Израиля социально-психологический шок населения арабских стран. Филиалы «Братьев-мусульман» появились во многих арабских государствах. К слову, на территории Западного берега реки Иордан действовала немногочисленная и маловлиятельная Партия исламского халифата. Ныне эти идеи пытаются распространять в Центральной Азии, где эта партия имеет своих сторонников.

Что касается развития религиозного экстремизма в Казахстане, то в начале 90-х на смену обрядовому исламу, контролировавшемуся советскими властями, пришла исламская идеология с ее различными оттенками. Ее принесли турецкие и арабские волонтеры, которых активно приглашали в страны бывшего Союза. Именно тогда на Ближний Восток хлынули первые казахстанские студенты, тогда и стали возникать первые споры и скандалы.

По состоянию на 20 июля 2015 г. на религиозном поле Казахстана действует 3563¹ религиозных субъектов, которые представляют религиозные интересы 18 конфессий. Среди верующих традиционно лидируют представители ислама и православные христиане, которые в совокупности объединяют свыше 96% верующих. В частности, 70% населения называли себя мусульманами, 26% — христианами. Кроме того опросы показали, что 0,3% — являются иудаистами, 0,1% — буддистами, 0,2% — последователями других религий.

Ислам представлен монолитным сообществом в лице республиканского исламского религиозного объединения «Духовное управление мусульман Казахстана» (далее — ДУМК). ДУМК объединил все мечети Казахстана — 2432. Несмотря на то, что большинство населения страны причисляют себя к мусульманам, большая их часть является таковой номинально. Религиозный фактор не доминирует в мировоззрении и поведении значительной части населения, особенно старшего и среднего поколения. Тем не менее, из года в год растет количество практикующих мусульман, особенно среди молодежи. По разным социологическим замерам эта цифра составляет 8—10% населения страны².

¹ Официальный интернет-портал Комитета по делам религии Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. URL: www.din.gov.kz

² URL: www.bnews.kz.

Новый исламский экстремизм не привязан к определенной национальной территории, идеологически не загружен, прост: достаточно верить в Аллаха, следовать требованиям радикального ислама и его главной идее — подавлять врагов джихадом. Программ решения социально-экономических проблем экстремисты не предлагают, поскольку считают, что правление в форме халифата — истинная исламская власть, и она сможет решить все вопросы.

Основная цель религиозного экстремизма — признание своей религии ведущей и подавление других религиозных конфессий через их принуждение к своей системе религиозной веры. Но фактической целью религиозного экстремизма является захват власти.

Среди факторов возникновения религиозного экстремизма можно отметить повсеместное нарушение социальной справедливости, коррупцию, низкий жизненный уровень и бедность населения страны, деятельность зарубежных миссионеров, отсутствие правовых аспектов урегулирования межрелигиозных конфликтов в Казахстане. Для решения этого вопроса, Казахстану необходимо обеспечить оказание помощи социально уязвимым слоям населению страны, создавать для них программы по трудоустройству, контролировать соблюдение их прав в сфере социального обеспечения, а случае нарушения пресекать действия должностных лиц.

Мы считаем правильным, что законодатель предусмотрел создание в Казахстане Комитета по делам религии. **Комитет** осуществляет функции по формированию и реализации основных направлений государственной политики в области обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания и взаимодействия с религиозными объединениями, разработке предложений по совершенствованию законодательства РК, регулирующего вопросы обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания, а также по проведению разъяснительной работы по вопросам государственной политики в области обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания.

Религиозный экстремизм искажает понятие «свобода вероисповедания», не ставя во внимание религиозные чувства населения, а также используя простой незащитный народ, экстремисты стремятся изменить существующий конституционный строй любыми методами, включая и насилие.

Несмотря на все действия экстремистов, государство способно дать отпор, так как имеет достаточно эффективный механизм противостояния. Что касается причин возникновения религиозного

экстремизма, то Казахстан идет шаг за шагом к устранению этих причин.

Так, 11 октября 2011 г. вступил в законную силу закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». В целях ограничения проникновения религиозного экстремизма на государственном уровне проводится комплекс мер, направленных на регулирование деятельности конфессий и сект. Идет проведение профилактических мероприятий по выявлению незаконно действующих представителей тех или иных религиозных объединений, а также на выявление и локализацию источников распространения литературы религиозной направленности, в которой пропагандируется насильственное изменение конституционного строя.

Можно с уверенностью сказать, что наше государство в полном объеме стремится к гарантированию сохранения мира в Казахстане.

Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности и соотношение следов с понятием предмета доказывания

Спектр преступных проявлений экстремизма достаточно широк: от прямо указанных в уголовном кодексе составов преступлений этой направленности — ст. 282 (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), ст. 282.1 (Организация экстремистского сообщества), ст. 282.2 (Организация деятельности экстремистской организации) до преступлений в форме посягательств на жизнь и здоровье. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в редакции Федерального закона от 27 июля 2006 г. (№ 148-ФЗ), к экстремистской деятельности относится деятельность физических лиц, выражающаяся в причинении вреда здоровью граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением. Так, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Точно также, по этим же мотивам, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, и п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ.

Все эти преступления объединяет мотив, указывающий на неприемлемость преступника к определенной категории лиц, их убеждениям и действиям. Что в свою очередь позволяет противоправные действия экстремистской направленности характеризовать в едином обобщенном виде с точки зрения криминалистики.

В криминалистической литературе такой подход уже не является новацией, тем не менее, нуждается в некоторых уточнениях. Л.Я. Драпкин абсолютно справедливо утверждает, «что созданные

путем изучения достаточного массива уголовных дел различных классификационных групп, последующего анализа и обобщения полученных результатов, групповые и видовые криминалистические характеристики имеют различные уровни типизации»¹. Вместе с тем при исследовании таких направлений преступной деятельности, которые связаны с экстремизмом, не все вопросы решаются просто.

Как пример, можно привести заочный спор Ю.Н. Харламовой в своей статье в «Вестнике криминалистики» за 2008 год² с О.Н. Коршуновой³. Ю.Н. Харламова высказывает сомнение о том, что изучение криминалистической характеристики следует начинать именно с мотива преступления и с характеристики психической деятельности субъекта, что для О.Н. Коршуновой является принципиальным. Основной причиной дискуссии по данной проблеме автор определила, как различное понимание соотношения уголовно-правовой, уголовно-процессуальной (предмет доказывания) и криминалистической характеристики преступления.

Действительно, определение соотношения указанных понятий дает нам ключ к пониманию особенностей элементов противоправной деятельности экстремистской направленности. В то же время, для исследования важным является не сам мотив, поскольку он определен законодательством и решается вопрос в принципе, только о его наличии или отсутствии. Поэтому главными становятся факты изучаемого события, следы особого порядка, улики, указывающие на присутствие конкретного умысла данного деликта.

Эти следы существенно отличаются от следов самого события и следов причастности к событию отдельных субъектов. Это следы замыслов виновников преступления, следу установления причин их поступков.

Потому и сами следы, их содержание, местонахождение и характер имеют свои особенности. Чтобы понять, о чем идет речь, приведем один пример из практики.

Прокуратурой Свердловской области проверка исполнения МРОМ «Рахмат» г. Екатеринбург законодательства о противодействии экстремистской деятельности. В рамках возбужденного следст-

¹ Драпкин Л.Я. Криминалистическая характеристика преступлений. Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. М., 2015. С. 470.

² Харламова Ю.Н. Криминалистическая характеристика преступлений против жизни и здоровья экстремистской направленности и ее соотношение с понятием состава преступления и предмета доказывания // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 3(27). С. 59–60.

³ Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера. Теория и практика противодействия. СПб., 2006. С. 211.

венным отделом по Железнодорожному району г. Екатеринбурга СУ СК России по Свердловской области уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ в помещении МРОМ «Рахмат» проведен обыск. В ходе обыска модельного зала обнаружены и изъяты следующие книги, включенные в Федеральный список экстремистских материалов под номерами 2 и № 768: «Книга единобожья», автор Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими; книга «Основы веры в свете Корана и Сунны».

При этом, указанные книги размещены на стеллажах, к которым имеется доступ неограниченного количества лиц, а именно прихожан мечети¹.

Особенностью указанных следов является то, что совершенно недостаточно их обнаружить, необходимы действия иного характера — уголовно-процессуального. А именно, после обнаружения такого рода следов, требуется установить их относимость, достаточность и правомерность, с точки зрения уголовного процесса, их получения. Другими словами, следует превратить следы в доказательства.

И мы вновь возвращаемся к необходимости не столько соотношения, сколько сочетания понятий фактов уголовно-правового, уголовно-процессуального (предмет доказывания) и криминалистического характера в практической деятельности.

Вывод о совместимости и даже о возможном совпадении элементов уголовно-правовой характеристики преступления, обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве дознания и предварительного следствия, и криминалистической характеристики несколько не преуменьшает самостоятельного значения последней и роли криминалистической науки. Напротив, это вполне соответствует современному развитию криминалистической теории, одним из направлений которой является объединение проблем различных отраслей знаний, разрабатывающих меры борьбы с преступностью, или интерпретация криминалистикой применительно к своему предмету и задачам проблем смежных наук².

Следует иметь в виду, что обнаружения следов экстремистского характера деятельности субъектов противоправного действия, доказывание, того, что конкретное преступление имеет экстремистскую направленность, связано с известными трудностями.

В некоторых случаях, особенно при совершении преступлений против жизни и здоровья, изучение способа совершения таких действий позволяет уточнить их мотив. Так, для экстремистской на-

¹ Уголовное дело № 140976011.

² Эксархопуло А.Д. Основы криминалистической теории. СПб., 1992. С. 49—50.

правленности нехарактерно применение огнестрельного оружия, чаще применяются ножи и другие предметы контактного действия. Хотя исключения возможны (в Санкт-Петербурге был застрелен скинхедами из помпового ружья чернокожий студент)¹.

Основным же направлением поиска мотива преступления является изучение личности потерпевшего и виновного. На возможность мотива экстремистского характера указывает принадлежность жертвы преступления к определенной национальности, расе либо религии, не характерные для большинства проживающих в данной местности.

Изучение личности преступника, его ближайшего окружения, друзей, знакомых позволяет обнаружить доказательства экстремистской мотивации. Характер их поведения, наличие в их владениях экстремистских материалов, различных предметов такого типа может свидетельствовать об устойчивости поведения этих субъектов в повседневной жизни, проявлении экстремизма в совершении преступления как основного или единственного мотива.

Говоря о лице, совершившем преступление экстремистской направленности, необходимо отметить, что Российские ученые, занимающиеся проблемами экстремизма, обращают внимание, что современное экстремистское движение опирается исключительно на молодежь: молодых интеллектуалов, не нашедших свою нишу в этом обществе, представителей артистической богемы².

Изучение судебной практики по делам о рассматриваемых преступлениях свидетельствует, что наибольшую трудность при расследовании таких дел представляет именно установление экстремистского мотива. Обнаружение следов проявления такого мотива не простая задача. Во-первых, это следы особого характера. Они не указывают на само действие преступника, не раскрывают взаимосвязей с причинением ущерба. Вместе с тем, это что-то вроде сопутствующего шлейфа жизни субъекта преступления. Многообразие проявлений мотива не ограничивается физическими характеристиками следов. Это могут быть идеальные следы (показания свидетелей). Следы поведенческих особенностей, внешнего вида, факты посещения определенных объектов (церквей, мечетей, синагог). Сведения о посещении определенных стран (поездки в «горячие точки»), участие в митингах, демонстрациях, шествиях и многое другое.

¹ Харламова Ю.Н. Указ. соч. С. 65.

² Бааль Н.Б. Молодежный политический экстремизм в современном российском обществе // Российский следователь. 2007. № 12. С. 15.

Примером может служить уголовное дело по обвинению С. В совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 212, ч. 2 ст. 280, ч. 1 ст. 282 УК РФ. Преступник часто проводил пикеты, распространял листовки и газеты экстремистского содержания на той же улице, где проживал. Листовки и газеты печатал и хранил по месту проживания¹.

Часто, в 80% случаев, субъекты таких преступлений выделяются особыми приметами — бритая голова, татуировки, особой атрибутикой — нацистская атрибутика, нашивки националистических, патриотических клубов, партий типа «Русское Национальное Единство», футбольных и иных фанатов и пр.

Во-вторых, признание того, что обнаруженные следы указывают именно на экстремистские мотивы субъекта, нуждается в оценке соответствующего специалиста. В связи с этим, материалы, отражающие экстремистские взгляды преступников, подлежат социогуманитарной экспертизе. Она предполагает использование знаний в области социологии, социальной психологии, философии, истории, психологии, этносоциологии, этнолингвистики и некоторых других наук².

Таким образом, изучив особенности образования, обнаружения, исследования и использование следов, указывающих на экстремистский характер преступлений, автор приходит к выводу о наличии определенных характерных черт, присущих только этому виду следов. Следы мотива, особенно экстремистского характера, требуют другого подхода при работе с ними, в отличие от следов события преступления.

¹ Архив Курчатовского районного суда г. Челябинска.

² Винников А.Я., Гиренко Н.М., Коршунова О.Н., Серова Е.Б., Узунова В.Г. Социогуманитарная экспертиза преступлений на почве ненависти. СПб., 2005. С. 15.

Некоторые особенности противодействия экстремизма в Дальневосточном регионе (исторический аспект)

Не секрет, что одной из гнетущих проблем современности российского общества является рост нетерпимости по отношению к людям других рас, религиозных верований. Как известно, в любом много национальном сообществе на уровне обыденного сознания неизбежно существование этнических стереотипов, предубеждений и предрассудков. Таковы особенности социализации личности в этнокультурной среде, уходящие корнями в свойства человеческой психики.

В большей части научной литературы понятие экстремизма рассматривается в широком и специальном юридическом смысле. В широком смысле экстремизм определяется как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)»¹ или как «идеология, предусматривающая принудительное распространение ее принципов, нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление»². Представляется бесспорным, что такое негативное явление как экстремизм за достаточно короткий срок превратился в одну из главных проблем, как в России, так и за рубежом. Его проявления разнообразны — от возбуждения гражданской, расовой, религиозной ненависти или вражды до функционирования незаконных вооруженных формирований и совершения террористических актов³. Противодействие экстремистским проявлениям на всех этапах существования Русского государства являлось сложнейшей задачей, поскольку, как экстремизм, так и его составляющие представляли и представляют собой реальную угрозу не только внутренней и внешней безопасности, но и целостности государства.

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 52.

² Бирюков В.В. Еще раз об экстремизме // Адвокат. 2006. № 12.

³ Тамаев Р. Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество // Исследования, полемика предложения. 2006. С. 57.

Дальний Восток исторически никогда не относился к зонам повышенной этнической конфессиональной конфликтности. Население дальневосточной окраины изначально складывалось как многонациональное. Русские жили здесь бок о бок с представителями разных народов и культур, и у каждой была своя «ниша», своя профессиональная специализация и свой социальный статус. Это формировало у местных жителей национальную, религиозную и политическую терпимость. Наличие свободных земель, своеобразие природно-климатических, экономических и социокультурных факторов в значительной степени обусловило наличие у дальневосточников иных психологических установок и поведенческих стереотипов по сравнению с жителями Европейской России в царский период. Даже с ростом, в начале XX века, политической активности народных масс, появление террористических актов в отношении крупных политических деятелей страны фактически не затронули дальневосточную окраину, о чем свидетельствуют события 1905 г., февраля — октября 1917 г.

С установлением советской власти на территории Дальнего Востока началась проводиться успешная национальная политика, которая способствовала сохранению толерантности в регионе.

Приоритетные задачи в политике Советского правительства по отношению к китайцам, корейцам и другим «восточным гражданам», проживавшим на территории России, были изложены в специальном письме народного комиссариата иностранных дел РСФСР от 4 декабря 1918 г.: « За последнее время участились жалобы восточных граждан на притеснение со стороны властей. Необходимо разъяснить, что восточные граждане в России не могут быть причислены к буржуазным классам. Поэтому необходимо крайне осторожное отношение к гражданам восточных земель»¹. Таким образом, местными органами власти было получено предписание оказывать всестороннюю поддержку этой категории трудящихся, как представителям угнетаемых народов. Еще более демократичной была политика советского государства в отношении коренных народов. А принятие 28 марта 1928 г. постановления президиума ЦИК СССР о выделении Биробиджанского района для сплошного заселения трудящимися евреями, свидетельствовало о желании правительства решить еврейский вопрос, переселив их из черты оседлости на свободные территории, население которых было благожелательным к переселенцам вне зависимости от их национальных и религиозных предпочтений.

¹ Пак Б.Д. Корейцы в советской России. Иркутск, 1995. С. 10.

К началу 1940-х годов на Дальнем Востоке остались только представители малочисленных народов и русскоязычное население, в отношении которых политический террор продолжался вплоть до начала 1950-х годов.

В период 1960-х — 1980-х годов в стране начинаются складываться предпосылки к демократизации общества, поэтому разжигание национальной вражды было связано рамками международной политики. В результате, на Дальнем Востоке главным агрессором стал коммунистический Китай. В эти годы, в средствах массовой информации появляются статьи целью которых было сформировать у дальневосточников чувство национализма по отношению к китайцам, данная манипуляция общественного сознания была проведена довольно успешно о чем свидетельствуют современные статьи в прессе поднимающие вопросы о экспансии Китая на Дальний Восток и вытеснении русских из дальневосточного региона.

Как и в целом в России, ситуация стала меняться с середины 1990-х гг. И хотя на Дальнем Востоке, в отличие от многих других регионов страны, не фиксировалось острых конфликтов на этнической почве и в целом обстановка в этом отношении не является потенциально взрывоопасной, оценивать ее как абсолютно благополучную было бы не верным. Об этом свидетельствуют, в частности, такие факты, как захват группой пятидесятников здания администрации Алданского района в Якутии весной 1999 г. Вмешательство настоятеля католического прихода (на Сахалине) — гражданина Польши — в территориальный спор России и Японии, когда в одной из газет он опубликовал карту России, на которой Сахалин и Курилы значатся Японскими территориями. Эти и другие факты не остались незамеченными правоохранительными органами. В результате в декабре 2001 г. краевое управление юстиции приостановило деятельность «Русского национального единства» на полгода, а в июле 2002 г. решением Хабаровского краевого суда региональное отделение РНЕ было ликвидировано по ст. 282 УК РФ «Разжигание межнациональной розни». Это был первый случай применения в крае данной статьи.

Кроме того, в сентябре 2002 г. в полпредстве президента РФ состоялось совещание по вопросам противодействия религиозному экстремизму на Дальнем Востоке, на котором присутствовали пять православных епископов, представляющие все территории ДФО. Результатом данного совещания стало создание в округе межведомственного банка данных о высказываниях и действиях экстремистской направленности.

Таким образом, можно констатировать, что начиная с 2003 г. в ДФО ведется активная работа по предупреждению действий экстремистской направленности: постоянно контролируются защищенность объектов особой важности, деятельность этнических групп, ведется борьба с незаконным оборотом оружия, ложными сообщениями об актах терроризма, похищениями граждан и торговлей людьми. Ежегодно проводятся крупномасштабные операции «Вихрь-Антитеррор», «Арсенал», «Динамит-Баланс» и другие¹. Однако, если в 2006 г по преступлениям экстремисткой направленности предусмотренные УК РФ было возбуждено лишь одно уголовное дело (по факту поджога кафе в городе Комсомольске-на-Амуре), то в 2008 — 24 преступления. Среди наиболее часто встречаемых фактов — распространение литературы, периодики, листовок, а также публичные призывы, содержание которых направленно на разжигание межнациональной вражды.

Безусловно, на фоне общероссийских показателей Дальний Восток, в плане экстремизма, можно считать относительно спокойным округом со стабильной религиозной и межконфессиональной обстановкой. Однако современные условия диктуют необходимость продолжения работы в данном направлении, тщательный анализ ежегодно проводимых мероприятий и разработки на этой основе адекватной стратегии.

¹ Дальний Восток: начался семинар-совещание по проблемам терроризма и экстремизма // Тихоокеанская звезда. 2009. 26 марта.

Определение понятия «экстремизм»: вопросы теории и практики

Современное общество переживает очередной эволюционный подъем. Данное явление стало оказывать все большее влияние на многие сферы жизни человечества, подрывая стабильность существования населения в настоящем и уверенностью в завтрашнем дне. В этой связи, перед наукой, все более актуальной задачей становится необходимость раскрытия сущности экстремизма, а также разработки понятийно-терминологического аппарата, который позволил бы определить исторические, социологические, политические, психологические, информационные, и самое главное, правовые аспекты борьбы с данным опасным явлением.

Принято считать, что понятие «экстремизм» происходит от латинского слова: «*extremus*» — «крайний», то есть нечто, выходящее за определенные рамки, нормы. В словарях «экстремизм» толкуется как приверженность к крайним взглядам и мерам. При этом в научной литературе нет единого подхода к определению экстремизма.

В отечественной правовой, политической и юридической доктрине термин «экстремизм» рассматривается в различных аспектах, при этом, комплексного, междисциплинарного подхода к определению этого многогранного понятия не выработано¹. Данная проблема затрудняет понимание сущности экстремизма, что в свою очередь не дает возможности разработать тот методологический инструментарий, который способствует системному анализу данных общественных отношений, а также не позволяет выработать эффективные средства противодействия этому негативному явлению.

В политологической литературе сформировалось следующее определение экстремизма как «приверженность в политике и идеях к крайним взглядам и действиям»².

¹ *Бычков В.В.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: курс лекций. М., 2013. С. 8—11.

² *Политология: Краткий энциклопедический словарь-справочник.* Ростов-на-Дону; М., 1997.

При этом такая приверженность не ограничивается одним выдвижением идей. В соответствии с Кратким политическим словарем «экстремизм — это приверженность к крайним взглядам и мерам, в политическом смысле означает стремление решать проблемы, достигать поставленных целей с применением самых радикальных методов, включая все виды насилия и террора»¹.

В религиозноведческом контексте Э.Г. Филимонов рассматривает экстремизм как «приверженность к крайним взглядам и действиям», которая «может иметь место в любой сфере общественной жизни, где сталкиваются различные взгляды и точки зрения на решение тех или иных проблем»².

Эти взгляды, меры, идеи или действия по своему характеру могут быть политическими, расистскими, националистическими, религиозными, сепаратистскими, криминальными и др.

Ученые политологи, такие как В.Ю. Верещагин и М.И. Лабунец подчеркивают, что экстремизм — это идеология, предусматривающая принудительное распространение ее принципов, нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление³.

Согласно приведенным определениям, экстремизм, в основном, понимается как идеология, предписывающая принудительное навязывание ее принципов, нетерпимость к мнению, отличному от диктуемого этой идеологией, и оправдывающая подавление идеологических противников.

Подобные подходы к определению понятия экстремизма, в своей совокупности, находят отражение и в российской правовой науке, и в современном российском праве.

В России законодательно закрепленное понятие экстремистской деятельности которое дано в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁴ (далее — Закон № 114). Закон трактует экстремистскую деятельность как совокупность деяний:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

¹ Краткий политический словарь. М., 1989. С. 275.

² Филимонов Э.Г. Христианское сектанство и проблемы атеистической работы. Киев. 1981. С. 90.

³ Верещагин В.Ю., Лабунец М.И. Политический экстремизм: этносоциальная институционализация и регионализация. Ростов-на-Дону, 2002. С. 7—8.

⁴ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

-
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
 - пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
 - нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
 - воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
 - воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
 - совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ;
 - пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
 - публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
 - публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
 - организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
 - финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

По мнению А.С. Капто, экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно на насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организации в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участия в них¹.

Рассматривая понятие экстремизма, Ю.Е. Пудовочкин и Р.М. Узденов, предлагают следующее его определение: «Экстремизм — это совершение преступлений в соответствии с определенной системой взглядов, вознесенной в культ, с целью достижения определенного результата, предусмотренного этой системой взглядов, в какой-либо области общественных отношений, существующий порядок, в котором отрицается экстремизм»².

В понятии экстремизма как негативного социального явления в криминологическом аспекте и понятии экстремизма, связанного с политикой, А.И. Алексеев усматривает взаимосвязь, при этом учитывая, что политика охватывает все сферы жизни общества и соответственно выступает в различных ипостасях (внешняя, внутренняя, национальная, экономическая, социальная, уголовная и т.д.)³.

Как мы видим, сущность экстремизма сложна, его содержание не укладывается ни в одно из определений энциклопедических словарей, как не раскрывается его сущность и понятие, данное в Законе № 114. Как следствие, возникают затруднения с выработкой научно обоснованных рекомендаций по отысканию причин и факторов, детерминирующих экстремизм, что, в конечном счете, снижает эффективность противодействия экстремистской деятельности в правоприменительной практике.

В отечественной правовой науке существует довольно обширный перечень определений понятия «экстремизм», обобщая которые можно сделать вывод о том, что экстремизм рассматривается либо как «приверженность к крайним взглядам и действиям», либо как деструктивная деятельность по отношению к различным аспектам жизнедеятельности общества.

Следует отметить, что каждый из подходов к определению экстремизма верен в той или иной степени. По мнению авторов, основная проблема определения понятия «экстремизм» заключается в отсутствии комплексного подхода и узости рассмотрения причин-

¹ Капто А.С. Энциклопедия. М., 2008 С. 232.

² Пудовочкин Ю.Е., Узденов Р.М. Теоретические конструкции определения экстремизма: проблемы и перспективы // Криминологический журнал. 2005. № 2(8). С. 87.

³ Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М., 1999. С. 331.

но-следственных связей. Однако, применяя междисциплинарный подход, возможно, разрешить большую часть противоречий, существующих в настоящий момент, как в теории, так и в правоприменительной практике.

Рассматривая понятие «идеологии», введенное французом А. Дестютом де Траси в конце XVIII в. для обозначения учения об идеях, а точнее «об общих закономерностях происхождения идей из содержания чувственного опыта», необходимо отметить, что, по его мнению «идеология» обозначает «совокупность системно упорядоченных взглядов, выражающих интересы различных социальных классов и других социальных групп, на основе, которой осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу и либо признаются установленные формы господства и власти (консервативные идеологии), либо обосновывается необходимость их преобразования и преодоления (радикальные и революционные идеологии)».

Следующим компонентом экстремизма является «Деятельность» — как, прежде всего процесс (процессы) активного взаимодействия субъекта с объектом, во время которого субъект удовлетворяет какие-либо свои потребности, достигает цели. Необходимо отметить, что экстремизм, как явление, не всегда подходит под определение деятельности, которая дается в законе, ввиду чего существует явная необходимость разграничения понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность».

Давая определение понятия «экстремизм», неоспоримо приходим к выводу, что «экстремизм» — это идеология¹.

Таким образом, экстремизм — это идеология, обосновывающая для своих приверженцев необходимость радикальных преобразований различных аспектов общественной жизни (религия, политика и т.п.), имеющая ярко выраженный негативный характер и нарушающая неотъемлемые права и свободы других людей. Понятие экстремистской деятельности, в свою очередь, должно обозначать именно деятельность лица (или группы лиц), направленную на пропагандирование экстремизма, либо реализацию радикальных преобразований аспектов общественной жизни.

¹ В отличие от различных революционных идеологий, имеющих своей целью преодоление пережитков прошлого и достижения новых, положительных тенденций, экстремизм носит отрицательный характер и, по своей сути, направлен на нарушение (либо жесткое ограничение) прав и свобод другого человека. Причины формирования данного вида идеологии различны и не будут рассмотрены нами в рамках настоящей статьи ввиду небольшого объема статьи.

Необходимо отметить, что данный подход к определению понятия полностью соответствует действующему законодательству Российской Федерации, поскольку существующее в рамках законодательства понятие экстремистской деятельности полностью укладывается в рамки вышеприведенной системы терминов. Также данный подход не противоречит международному праву и разрешает существующие противоречия, поскольку полностью основывается на научной трактовке терминов, включенных в предлагаемые определения.

В то же время определение экстремизма как идеологии позволяет сформулировать методы борьбы с ней и объясняет причины низкой эффективности мер противодействия ему, при этом обозначая высокую роль профилактики экстремизма как идеологии чуждой конституционному строю Российской Федерации.

К вопросу о некоторых исторических аспектах становления законодательства о противодействии экстремизму в России

Знание истории помогает нам понять настоящее.

Н.М. Карамзин

Современное состояние преступности в мире свидетельствует, что экстремизм достаточно распространен и представляет собой сложное и опасное по своим масштабам и последствиям явление, угрожающее стабильному политическому и социально-экономическому развитию многих стран. Преступления экстремистской направленности, не имеют национальных и государственных границ и, как правило, основаны на практике отчуждения, антисемитизма, ксенофобии и ультра-национализма, составляя на сегодняшний день одну из глобальных проблем человечества.

В этой связи, исторический опыт возникновения уголовного законодательства о противодействии экстремистской и террористической деятельности, а также периоды и формы зарождения такой преступной деятельности в России может быть полезен современному законодателю не только с познавательной, но и с практической точки зрения.

Понятие экстремизма и экстремистской деятельности достаточно полно определено учеными — современниками. В частности его главными признаками являются: деятельный характер, противоправность, специальная вредоносность для основ конституционного строя или конституционных основ межличностных отношений. Совокупность уже указанных и более частных признаков определяют экстремизм, как деятельность общественных объединений, иных организаций, должностных лиц и граждан, основанная на приверженности к крайним взглядам и сопровождающаяся публичными насильственными и (или) противоправными действиями, которые направлены на умаление и отрицание конституционных принципов, прав и свобод человека, общества и государства¹.

¹ *Бычков В.В.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: курс лекций. М., 2013. С. 10—11.

Говоря об экстремизме, как явлении, характеризующемся с наиболее крайними взглядами, необходимо согласиться с мнением о том, что именно в экстремизме эти взгляды сопровождаются насильственными и иными противозаконными действиями. Поэтому достаточно близка, а порой, как логическое продолжение экстремисткой деятельности является деятельность террористическая, сопровождающаяся большими масштабами насилия¹.

Исследования и выводы историков свидетельствуют о том, что такие явления, как экстремизм и терроризм зародились достаточно давно, как средство достижения целей в борьбе за завоевание и удержание власти, как идеология обоснования насилия и жестокости. Однако, понимание понятия «экстремизм», как негативного явления общественно-политической жизни, начало складываться как в России, так и за рубежом только в 19 веке.

Между тем, первые упоминания об ответственности за преступления, имеющие признаки экстремистских и террористических, имеющих подтекст политического или религиозного экстремизма в России появились еще в XI в. (Русская Правда XI—XII вв.: ответственность за убийство представителя княжеской администрации и людей, находящихся в зависимости от князя ст. 19, 22, 23, 24, 25, 26, 27), однако реальные определения данным преступным явлениям даны лишь в наше время².

Начиная с XVIII в. наиболее яркие проявления экстремистской и террористической деятельности достаточно часто и в различных формах фиксировались на территориях Северного Кавказа. При этом, преобладала форма религиозно-политического экстремизма и терроризма, в том числе, вооруженный сепаратизм и призывы к джихаду (особенно после завершения Кавказской войны (1818—1864 г.). Указанные и другие экстремистские и террористические явления, в том числе в религиозно-политической форме ваххабизма эпизодически вспыхивавшие в России требовали принятия адекватных мер уголовно-правового воздействия.

В частности, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривалась ответственность за государственные преступления: за всякое преступное действие против жизни, здоровья или чести государя императора и «всякий умысел» свергнуть его с престола, лишить свободы, власти или совершить над

¹ *Бычков В.В.* Указ. соч. С. 8—9

² *Чистяков О.И.* Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1994. Цит. по: *Мусаелян М.Ф.* Историко-правовой анализ уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России (XI — начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 13. С. 27—30.

ним какое-либо насилие (ст. 263); покушение и приготовление к преступлению, предусмотренному ст. 263 (ст. 264); участие в преступлении против священной особы государя императора в виде подстрекательства, пособничества, укрывательства, недоносительства (ст. 265); бунт против власти верховной (восстание «скопом и заговором» против государя) и за приготовление к нему (ст. 271).

Но, если говорить о наиболее реальных точках отсчета понятия «экстремизм» в России, то история его становления условно берет свое начало с восстания декабристов, как попытки государственного переворота (25 декабря 1825 г.), либо с 4 апреля 1866 г., когда в Петербурге прозвучал выстрел Каракозова в императора Александра II.

Между тем, литературные источники, свидетельствует о том, что сам термин «экстремизм» начал употребляться в XIX в. не в России. Первое упоминание об экстремизме прозвучало в политической прессе в Англии, затем в США (гражданская война 1861—1865 гг. враждующих сторон Юга и Севера) и наконец, в начале XX века во Франции, это понятие вошло в оборот после противостояния друг другу на протяжении нескольких десятилетий крайних левых и крайних правых политических сил.

Девятнадцатый век — не только век прогрессивных государственных перемен, но и возросших, особенно в его второй половине, революционных настроений населения. В конце, XIX в. возникшая в России революционная ситуация обусловила принятие фундаментального правового акта Российской империи — Уголовного уложения 1903 г.,¹ в котором государственные преступления были распределены по трем главам: «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», «О государственной измене» и «О смуте.

Следует отметить, что во второй половине XIX — начала XX вв. в России различными революционными группами (РСДРП, эсеры, анархисты и др.) достаточно широко апробировалась крайняя форма политического насилия — терроризм, который начинал свою эволюцию в виде покушений на государственных и общественных деятелей, а затем его жертвами становились и рядовые граждане.

В связи с революционной ситуацией Уголовное уложение 1903 г. выделяло уголовную ответственность за наиболее опасные преступления, имеющие в большей части, мотив политической не-

¹ Чистиков О.И. Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1994. С. 240—325 Цит. по: Мусаелин М.Ф. Историко-правовой анализ уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России (XI — начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 13.

нависти или вражды, посягающие на государственное устройство России.

Так, ст. 99 предусматривала уголовную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность священной особы царствующего императора, императрицы или наследника престола. Посягательством признавалось, как совершение данного преступления, так и покушение на него (ч. 2 ст. 99) и приготовление к нему (ч. 3 ст. 101), а также следующие преступления: угроза особе царствующего императора, императрицы или наследника престола (ст. 103), участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов (ст. 104, 106 и 126)¹.

В этой связи С.С. Галахов справедливо отмечает, что «в Своде законов Российской империи появилась группа терминов, описывающих преступления, относящиеся к категории государственных, — «бунт», «заговор», «мятеж», «смута», в определениях которых содержатся отдельные элементы, «вписывающиеся в современное понятие терроризма»².

При этом, некоторые западные юристы (М. Лерой и другие) в начале XX в. считали экстремистами сторонников политических течений, безоговорочно, до фанатизма верящих в свои политические идеи, выделяя «красный экстремизм» (большевиков) и «белый экстремизм» (монархистов)³.

В связи с этим, отмечая характерные черты указанного периода, необходимо сказать, что экстремизм в то время являлся средством для запугивания и свержения царской власти, а наиболее распространенной формой экстремизма в дореволюционный период был именно терроризм.

При этом, статистика тех лет свидетельствует, что в 1902—1908 гг. в России было совершено 232 террористических акта (в 1905 г. — 55; в 1906 г. — 82; в 1907 г. — 71)⁴.

¹ Чистиков О.И. Указ. соч. С. 240—325.

² Галахов С.С. Криминальные взрывы. Основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера. М., 2012. С. 19.

³ Макаров Н.Е., Дондоков Ц.С. Понятие и идеология экстремизма в современных условиях // Закон и армия. 2005. № 11; СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Галахов С.С. Криминальные взрывы. Основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера. М., 2012. С. 19—21.

Изучая исторический опыт борьбы с преступлениями экстремистко-террористической направленности, следует отметить, что в современном мире эти преступления становятся все более общественно опасными, они чаще отличаются циничностью, жестокостью и изощренностью.

В России (как в прочем и в мире) еще не создана достаточно эффективная система противодействия этим опасным проявлениям. Между тем, важным шагом Российского государства в данном направлении, стало принятие Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности», Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а также Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г., определивших правовые и организационные основы борьбы с экстремизмом и терроризмом, порядок координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, общественных объединений и организаций, должностных лиц и отдельных граждан.

Если рассмотреть основные направления деятельности в противодействии экстремизму, то наиболее значимыми следует выделить следующие: изучение современных межгосударственных подходов и правового обеспечения противодействия экстремизму и преступлениям, содействующим экстремисткой деятельности; разработка эффективных мер по противодействию экстремизму; устранение пробелов и изъянов в современном российском антиэкстремистском законодательстве, его совершенствование; изучение и использование истории российского уголовного законодательства о борьбе с экстремистскими проявлениями.

Экстремистская преступность и ее особенности

Уровень и динамика зарегистрированной экстремистской преступности носит неблагоприятный характер: если в 2004 г. в России было зарегистрировано 144 таких преступления, то в 2013 г. — 740 (рост практически в 5 раз). В 2013 г. 96,8% всех зарегистрированных преступлений с объективными признаками экстремизма, национализма и фашизма (без преступлений экстремистской направленности) приходилось на преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. В их числе: 68,7% — факты возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), 11,3% — организация и участие в экстремистском сообществе или экстремистской организации (ст. 282.1, 282.2), 20% — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Характерно, что из 143 преступлений, зарегистрированных в 2013 г. в целом по России по ст. 280 УК РФ, 22 факта (15,4%) приходится на Северо-Кавказский федеральный округ; из 492 преступлений по ст. 282 УК РФ — на СКФО приходится 47 (9,6%); из 20 преступлений по ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» УК РФ — 5 (25%); из 12 преступлений по ст. 212 «Массовые беспорядки»; 6 преступлений (50%) приходится на СКФО, в последнем случае все 6 фактов приходятся на Республику Дагестан¹. Но это только статистика, львиная доля этой преступности остается латентной.

Президент России В.В. Путин подчеркивает: «Противодействие экстремизму не имеет ничего общего с борьбой с инакомыслием. У нас свободная, демократическая страна, и ее граждане вправе иметь свое мнение и высказывать это мнение, вправе быть в оппозиции к власти².

¹ *Щербакова Л.М.* К вопросу о криминологическом анализе террористической и иной экстремистской преступности // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: мат-лы науч.-практич. конф. М., 2015. С. 16.

² URL: <http://www.kremlin.ru/news>

Вместе с тем, экстремистская деятельность — явление особо опасное для нашего общества. Это связано с тем, что она способствует распространению терроризма, национализма, фашизма и криминальной субкультуры среди молодого поколения. При этом ее опасность состоит в том, что она является способом существования молодежной криминальной среды. Ее существование — это отражение той особой политической, экономической и социальной ситуации, которая сложилась в обществе в постсоветский период. Наглядный пример тому братская Украина. Познание экстремистской преступности — это основа познания и разработки наиболее эффективных мер борьбы с ней, а также с национализмом, фашизмом и терроризмом.

Правоохранительные органы встречаются с большими трудностями, которые обусловлены некоторыми особенностями преступлений, составляющих экстремистскую преступность. К таким особенностям, прежде всего, относится то, что данные преступления могут восприниматься как иррациональные, так как не согласуются с общеуголовными представлениями о преступлении.

Как считает Н.А. Подольный, преступная деятельность молодежных группировок — это акт противостояния между молодыми людьми и обществом, хотя это и не исключает того, что отдельные преступления совершаются из корыстных мотивов. Но даже и в этих случаях корысть — это не основной мотив, который толкает членов молодежных группировок к совершению преступлений¹.

Другой особенностью преступлений, составляющих экстремистскую преступность, является то, что молодежные группы постоянно совершенствуют механизм своей преступной деятельности. Механизм преступной деятельности молодежных групп, имеет ряд особенностей, которые отличают его от механизма преступной деятельности отдельных преступников, не объединенных в какую либо криминальную общность. Сложность выявления и раскрытия преступной деятельности этих групп всецело связано с этими особенностями.

Первой из этих особенностей следует назвать то, что преступная деятельность конкретной криминальной общности может складываться из трех вариантов действий:

- когда преступная деятельность складывается как из преступных, так и не преступных действий;

¹ Подольный Н.А. Некоторые особенности расследования преступлений составляющих молодежную организованную преступность // Следователь. 2006. № 6. С. 34.

- когда преступная деятельность складывается исключительно из преступных действий;
- когда преступная деятельность складывается только из действий, не нарушающих закон. Данный вариант особый, так как предполагает, что все участники преступной деятельности, каждый в отдельности не совершает противоправных действий. Все эти действия объединяет в единую преступную деятельность лишь преступная цель, о которой знает лишь организатор преступной деятельности (это особо касается экстремистских религиозных сект, этнических преступных группировок и фашистских организаций).

Особенностью экстремистской преступности является и то, что молодежные группы продолжают свою преступную деятельность и после того, как по факту совершения преступления возбуждено уголовное дело и проводится расследование. При этом каждое отдельное преступление ими совершенное является лишь элементом организованной преступной деятельности. Имеются случаи, когда совершались преступления лишь для того, чтобы отвлечь внимание правоохранительных органов от расследования других более значимых для группы преступлений.

Также особенностью экстремистской преступности, которая должна обязательно учитываться при расследовании преступлений ее составляющих, является то, что преступная деятельность, преступных групп состоит не только из преступлений, логически сменяющих друг друга, но и из действий, которые на первый взгляд ничего криминального из себя не представляют. Подобного рода действия выполняются для того, чтобы создать благоприятные условия совершения конкретных преступлений или скрыть их следы, которые могут уличить либо всю преступную группу, либо отдельных ее членов. Также подобного рода действия могут выполняться для того, чтобы скрывать преступления, которые совершаются конкретной группой, то есть служат своеобразной «ширмой», которая скрывает преступления являющиеся сутью деятельности конкретной преступной группы¹. Так, многие молодежные преступные группы через своих членов или доверенных лиц занимаются вполне легальным, разрешенным законом бизнесом. Данная деятельность редко попадает в поле зрения правоохранительных органов, не-

¹ Бессонов А.А., Фетюхин М.И. Особенности расследования убийств, совершенных организованными преступными группами: Учеб-метод. пособие. Волгоград, 2001. С. 12—15.

смотря на то, что без нее некоторые преступления совершить было бы невозможно. Причина этого в том, что в данной деятельности трудно заметить что-либо криминальное, особенно если учесть то, что, как правило, она рассматривается правоохранительными органами не в связи с совершенными группой преступлениями. Из-за этого при расследовании преступлений, в которых повинна конкретная преступная группа, остается до конца не выясненным их механизм и не установлены все лица, без которых невозможно было бы достигнуть преступного результата¹.

Причиной появления экстремистских преступных групп является деформация механизма социализации, основных ценностей и смысла жизни. Особенности такого механизма приводят к кризисам, которые в свою очередь могут оказаться причиной психопатической акцентуации, являющейся основой криминализации личности. Кризис подросткового возраста и другие кризисы, характерные для молодежного возраста, как указывает на то современная психология, оказываются приуроченными не к созреванию организма, а к особенностям социализации в современной культуре. Это позволяет сделать вывод о том, что причины, лежащие в основе приобретения склонности к преступному поведению у формирующейся личности, связаны не с конкретным биологическим возрастом, а с процессами ее социализации, которая не может быть жестко привязанной к определенному возрасту. Поэтому преступность, причиной которой являются сложности процесса социализации, следует связывать не с понятиями «совершеннолетние» и «несовершеннолетние», а с понятием «молодежь», под которым традиционно понимаются люди, чья личность еще продолжает формироваться и адаптироваться к социальным условиям жизни. Закономерным является то, что «только к 30 годам человек, как правило, начинает осознавать всю глубину ответственности за совершаемые им поступки и деяния».

Важной особенностью экстремистских преступных групп является наличие у них своей идеологии. Речь не идет о мировоззренческой идеологии, а о наборе ценностных суждений, которым предлагается следовать всем членам группы и которые выражают интересы молодых людей, входящих в ее состав. В этом плане у них стойко просматриваются черты максимализма, национализма и фашизма, присущие молодым людям, которые продолжает негативно ус-

¹ Бюллетень прокурорско-следственной практики прокуратуры Волгоградской области. Волгоград, 2002. № 2. С. 7.

ваивать прошедшую и современную действительность и подходит с неадекватной меркой к оценке отдельных явлений в обществе¹.

Методов (кроме репрессивных), с помощью которых можно ликвидировать преступные экстремистские группы, практически нет. А те, что применяются, малоэффективны. Тем более что всякое силовое воздействие на преступную экстремистскую группу с целью ее развалить обыкновенно действует не во вред, а на пользу. В результате такого воздействия преступная группа, напротив, становится еще более сплоченной, а ее деятельность — более скоординированной, целенаправленной и организованной. Учитывать эти особенности — значить эффективно действовать при расследовании и предупреждении преступлений экстремистской и иной направленности². Экстремизм, терроризм, национализм и фашизм — взаимосвязанные и взаимообусловленные явления и бороться с ними необходимо решительно и повсеместно на основе комплексного программно-целевого подхода.

¹ *Подольный Н.А.* Использование молодежными преступными группировками отдельных адвокатов для оказания противодействия проводимому расследованию // Следователь. 2007. № 4. С. 35—38.

² *Кузьмичев А.Г.* Проблемы расследования преступлений, совершенных молодежными организованными группировками // Следователь. 2008. № 11. С. 19—22.

Проявления экстремизма в сфере трудового права

Экстремизм относится к числу негативных социально-политических явлений, которое в настоящее время находится в центре внимания многих специалистов, поднимающих те или иные аспекты этого многопланового феномена, что это позволяет говорить о необходимости и актуальности его рассмотрения.

Единого подхода к толкованию термина «экстремизм» в теории, к сожалению, не выработано. Так, в Большом энциклопедическом словаре экстремизм толкуется как «идеология, теория и практика крайне фанатичных и радикальных представителей разнообразных конфессий, политических организаций и экстравагантных социальных групп»¹. По мнению С.И. Ожегова, экстремизм — приверженность к крайним взглядам, к использованию крайних мер (включая теракты и взятие заложников) для достижения своих целей². Правовое определение экстремизма содержится в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Закон № 114) где под экстремистской деятельностью (экстремизм) понимается достаточно широкий перечень действий, что явно затрудняет однозначную идентификацию этого явления на практике³.

В качестве одной из возможных форм проявления экстремизма названо нарушение прав, свобод и законных интересов человека и

¹ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. Минск, 2002. С. 967.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л.И. Скворцова. М., 2009. С. 1340.

³ Ввиду расплывчатости понятия появился даже термин «правовой экстремизм» — это злоупотребление своими правами. Подобное явление может иметь место в любой отрасли права, в том числе и трудовом. Примером такого экстремизма являются крайние меры, на которые идут работники в борьбе с работодателями. Самые болезненные конфликты между сторонами трудового договора, как правило, происходят на почве увольнения, следствием чего является ненависть работника по отношению к работодателю и желание злоупотребить своими правами.

гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. Подобные нарушения возможны и в сфере трудового права. Чаще всего, они связаны с дискриминацией. Основопологающим принципом трудового права, закрепленным в ст. 2 ТК является запрет дискриминации. Понятие дискриминации приводится в ст. 3 ТК РФ, где дискриминацию предлагается рассматривать как всякое ограничение трудовых прав и свобод или преимущество в трудовых правах и свободах, полученное в зависимости от любого из обстоятельств, перечисленных в ст. 3 ТК РФ (пола, расы, цвета кожи и т.п.), либо в зависимости от не указанных в данной статье обстоятельств в случае, когда такое ограничение или преимущество не связано с деловыми качествами работника. Содержащийся в ч. 2 ст. 3 ТК запрет на дискриминацию находит свое проявление, например, в ч. 2 ст. 64 ТК РФ, когда речь идет о приеме на работу: не допускается, какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства (в том числе наличия или отсутствия регистрации по месту жительства или пребывания), отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника, за исключением случаев, в которых право или обязанность устанавливать такие ограничения или преимущества предусмотрены федеральными законами.

Кроме того, Федеральным законом № 162-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ с целью недопущения дискриминации на рынке труда установлен запрет на распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей сведения о каком бы то ни было прямом или косвенном ограничении прав или об установлении прямых или косвенных преимуществ в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к обще-

¹ СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3454.

ственным объединениям или каким-либо социальным группам, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, за исключением случаев, в которых право или обязанность устанавливать такие ограничения или преимущества предусмотрены федеральными законами (информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей ограничения дискриминационного характера). Введение запрета предусматривается на распространение данной информации гражданами, должностными лицами, юридическими лицами в любых формах и пределах без каких-либо исключений. При этом, под распространением такой информации понимается опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинопрограммах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, распространение в виде печатной продукции, в том числе в виде листовок и буклетов, рекламной продукции, совмещающей информацию о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащую ограничения дискриминационного характера, а также аудиовизуальной продукции, в виде объявлений на досках в общественных местах и т.д.¹

Лица, распространяющие информацию о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащую ограничения дискриминационного характера, привлекаются к административной ответственности, установленной законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях².

Таким образом, работа по противодействию экстремистским действиям в сфере трудового права ведется по двум основным направлениям. Во-первых, — это установление ответственности за некоторые виды общественно опасных действий, а во вторых, установление ограничения по дальнейшему трудоустройству и трудовой деятельности лиц, виновных в совершении деяний экстремистской направленности.

За нарушение прав и свобод человека и гражданина УК РФ предусматривает уголовную ответственность. В частности, в ст. 136 УК РФ предусмотрено, что дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения,

¹ Информация Минтруда РФ от 24 июля 2013 г. «Работодатели, редакции СМИ, владельцы сайтов, расклейщики объявлений могут быть привлечены к ответственности за распространение информации о вакансиях, содержащей ограничения дискриминационного характера».

² Статья 13.11.1 КоАП РФ.

имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, — наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Надо полагать, пишет И.С. Макеев, что для всех форм исследуемого феномена экстремизма характерно наличие внутреннего побуждения, вызывающего у лица решимость совершить то или иное действие, а именно мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы¹. Однако на практике существуют определенные трудности в установлении мотивов и целей деяний, имеющих экстремистский характер, а также в отграничении последних от смежных составов преступлений и административных правонарушений. Перечень признаков, в связи с которыми проявляются либо возбуждаются ненависть или вражда слишком широкий.

Второе направление противодействия экстремизму в сфере труда, выражается во введении ограничений при приеме на работу и является абсолютно оправданным, поскольку не позволяет проникать экстремистам в ключевые государственные структуры (силовые, образовательные, военизированные и иные государственные структуры). Так, в соответствии со ст. 15 Закона № 114 в целях обеспечения государственной и общественной безопасности по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, лицу, участвовавшему в осуществлении экстремистской деятельности, по решению суда может быть ограничен доступ к государственной и муниципальной службе, военной службе по контракту и службе в правоохранительных органах, а также к работе в образовательных организациях и занятию частной детективной и охранной деятельностью. Например, согласно ст. 331 ТК РФ наличие у лица судимости является препятствием к занятию им педагогиче-

¹ *Макеева И.С.* Экстремизм как уголовно-правовая категория; СПС «КонсультантПлюс».

ской должности. При обнаружении факта судимости уже после заключения договора такой преподаватель должен быть уволен по п. 11 ст. 77 ТК РФ с учетом требований, содержащихся в ст. 84 ТК РФ, а также в ч. 2. ст. 331 ТК РФ.

Степень общественной опасности преступлений экстремистского характера в основном складывается из вредных для социума последствий, как правило, выходящих за рамки вреда, непосредственно указываемого в соответствующих уголовно-правовых нормах. По мнению ряда авторов¹, общественная опасность преступлений экстремистской направленности обусловлена прежде всего их способностью провоцировать и (либо) усиливать нетерпимость по отношению к тем или иным социальным группам в связи с явными отличительными признаками последних: раса, национальность, отношение к религии и т.д. При этом не имеет значения в какой сфере происходит «зарождение» ненависти или вражды, поскольку их дальнейшее развитие в любой момент может вырваться наружу глобальными потрясениями. В связи с этим стоит согласиться с утверждением, что установление уголовной ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды в обществе, а равно унижение человеческого достоинства, призвано предупредить разрастание социальных конфликтов уже на стадии их возникновения, не допустить перерастание отдельного конфликтного отношения в межконфессиональную, межнациональную и другие виды социальной вражды.

¹ Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности; СПС «КонсультантПлюс».

О совершенствовании правовых мер по противодействию экстремистским преступлениям

Экстремизм (от лат. *extremus*) означает приверженность к крайним мерам, взглядам. Эти меры или взгляды по своему характеру могут быть расистскими, националистическими, религиозными и социальными.

Осознание экстремизма как общенациональной проблемы нашло отражение в Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», где отмечено, что «в будущем получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма». Вышеуказанное является основными источниками угрозы для национальной безопасности. В соответствии с пунктом 36 Стратегии «Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, общественность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации»

В развитии современного экстремизма в Российской Федерации просматривается целый ряд тенденций, к которым можно отнести:

- формирование устойчивых социальных групп, поддерживающих идеологию экстремизма;
- формирование в обществе убеждения о допустимости использования насилия для разрешения любых конфликтов;
- рост числа «национальных» религиозных групп, деятельность которых сопряжена с посягательствами на личность и права человека и гражданина;
- повышение уровня организованности экстремистских групп; создание своеобразной системы преемственности и «подготовки» кадров;
- слияние экстремистских объединений с транснациональной, общеуголовной и экономической организованной преступностью;

- институционализация, легализация экстремистских организаций, их лидеров, проникновение таких организаций и их лидеров в политическую элиту;
- глобализация экстремизма;
- использование конституционных прав и свобод, в частности права на свободу слова, для пропаганды идей экстремизма;
- использование традиционных религиозных институтов для распространения радикальных идей.

Сегодня экстремизм и терроризм не имеют ни родины, ни языка, ни пола, ни религии, представляя реальную угрозу национальной безопасности любого государства. Это требует в свою очередь координации межгосударственных усилий по противодействию любым формам проявления экстремизму и согласованной позиции стран по данному вопросу. Включая создание соответствующих коалиций и альянсов, в том числе, носящих военизированный характер. Противодействие экстремизму является одной из приоритетных задач деятельности ООН.

Основными направлениями усилий, предпринимаемых для противодействия экстремизму, являются: создание международной и национальной правовой базы, формирование мощных антитеррористических центров и привлечение вооруженных сил для борьбы с экстремизмом, а также оздоровление социально-экономической обстановки в странах и регионах, являющихся источниками вооруженных конфликтов. Международное сотрудничество государств по вопросам противодействия экстремизму, опирается на общепризнанные принципы и нормы международного права под эгидой ООН, что также определяет необходимость преемственности международного законодательства среди стран — участников ООН.

В декабре 2008 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости».

Резолюция осуждает «пропаганду и все организации, основанные на идеях расового превосходства или пытающиеся оправдать или поощрять расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме» и призывает государства «объявлять противозаконными и запрещать организации и организованную и всякую другую пропагандистскую деятельность, которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней, и признавать участие в таких организациях или в такой деятельности преступлением, караемым законом». Резолюция призывает государства — членов ООН принять меры для прекращения героизации нацизма и его пособников разрушению и осквернению памятников борцов с нанизмом, а так-

же указывает, что эти пронацистские явления и экстремистские движения создают «реальную угрозу демократическим ценностям». Основными особенностями международной ответственности за различные проявления экстремизма в рамках Организации Объединенных Наций являются:

а) признание экстремизма (отдельных его форм) в качестве угрозы для международной законности и правопорядка в мире;

б) недостаточная разработанность категориального аппарата, в частности отсутствует общепринятое международно-правовое определение экстремизма и его форм;

в) наличие правовых механизмов привлечения к ответственности за наиболее опасные и распространенные проявления экстремизма (преимущественно за террористическую деятельность, за нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной и языковой принадлежности);

г) задержка со стороны ряда государств — членов ООН в подписании уже существующих международных конвенций и протоколов о противодействии экстремизму.

Осуществление эффективного сотрудничества в противодействии проявлениям экстремизма связано с перспективами научной разработки понятия «международный экстремизм», его форм и проявлений, позволяющих выделить международный экстремизм как самостоятельное преступление, которое может найти свое закрепление в УК РФ в разделе XII «Преступления против мира и безопасности человечества».

С точки зрения международного права все формы экстремизма представляют угрозу международной безопасности и требуют совместных действий государств в противодействии данному явлению. Это указывает на необходимость усиления международно-правового сотрудничества государств в сфере противодействия экстремизму как угрозе международной, коллективной и национальной безопасности и требует от государств преемственности права в борьбе с преступлениями экстремистской направленности. Примером может служить Дополнительный протокол II 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. В нем отмечено, что любой вооруженный конфликт немеждународного характера можно расценивать как международный экстремизм, если его участники, выступающие оппозицией правительственному режиму, не соблюдают общепризнанные принципы и нормы международного права. В частности, Протокол не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внут-

ренной напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами.

Активизация усилий государств в борьбе с международным экстремизмом в последние годы выразилась в принятии ряда международно-правовых актов, направленных на противодействие экстремизму, сепаратизму, международному терроризму в аспекте регионального сотрудничества государств, что и указывает на внедрение преимущества международного законодательства в борьбе с рассматриваемым явлением. В этой связи особо следует отметить деятельность государств в рамках ШОС. Важным результатом в борьбе государств с проявлениями экстремизма стало принятие в рамках ШОС Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., которая вступила в силу для Российской Федерации 29 марта 2003 г.

Согласно ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. под экстремизмом понимается какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них.

В рамках реализации Шанхайской конвенции 5 июля 2005 г. в Астане принята Концепция сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая определяет базовые цели и принципы сотрудничества государств в данной области в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, что прямо отражено в разделе 1 «Общие положения». Концепция относит терроризм, сепаратизм и экстремизм к антиправовым явлениям, которые не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, независимо от их мотивов, а лица и организации, виновные в совершении таких действий, согласно Конвенции должны быть привлечены к ответственности. Концепция подчеркивает свою приверженность Уставу ООН.

Для Российской Федерации наиболее приоритетным является в настоящее время развитие отношений по вопросам коллективной безопасности с ближайшими государствами-соседями.

Основными особенностями международной ответственности за различные проявления экстремизма в рамках Содружества Независимых Государств явились следующие:

а) признание экстремизма в качестве угрозы коллективной и национальной безопасности государств — участников СНГ;

б) наличие разработанного категориального аппарата, в частности, определений экстремизма, экстремистской организации и экстремистских материалов;

в) построение законодательства государств-участников СНГ о противодействии экстремизму на основе нормативных правовых актов Российской Федерации в данной сфере;

г) наличие единого механизма взаимодействия правоохранительных органов государств — участников СНГ по вопросам выявления, предупреждения и пресечения актов экстремизма.

В развитие сотрудничества по вопросам противодействия терроризму и другим проявлениям экстремизма 26 августа 2005 г. Совет глав государств СНГ принял решение о Концепции сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма. Документ указывает, что государства — участники СНГ принимают Концепцию сотрудничества в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма в соответствии с принятыми на себя международными обязательствами и национальным законодательством в данной области. Концепция представляет собой систему взглядов на основные направления и формы сотрудничества в области борьбы с терроризмом и экстремизмом в рамках СНГ и определяет цели, задачи и принципы такого сотрудничества. Необходимо отметить, что на сегодняшний день не все государства выступают за унификацию и гармонизацию подходов и средств противодействия экстремизму и терроризму на базе четкого соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права. Подобная позиция характерно прослеживается на примере США, относящих борьбу с экстремизмом (а равно и терроризмом) к угрозам национальной безопасности, предполагающим противодействие данной опасности в рамках национальной системы безопасности. Ярким примером является новая Стратегия США в области национальной безопасности. Подобный «индивидуалистский», эгоцентричный подход к решению проблемы международного экстремизма и терроризма недопустим в современных условиях глобализации и чреват трагическими последствиями общемирового характера.

Транснациональный характер растущих угроз террористической деятельности и преступного экстремизма побуждает многие государства выработать единые подходы к решению ряда принципиальных задач. Во-первых, учитывая возрастающую угрозу этих преступных проявлений миру и безопасности, следует консолидировать свои усилия в совершенствовании международной системы совместных мер по противодействию терроризму и иным проявлениям экстремизма. Во-вторых, распространение религиозного, нацио-

нального экстремизма и иных проявлений сепаратизма становится опасным источником дестабилизации общественной безопасности и обеспечения правопорядка. Поэтому необходимо совместно решать вопросы лишения социальных корней путем искоренения идеологии терроризма и экстремизма. В-третьих, совершенствование правового регулирования межгосударственного и межведомственного сотрудничества должно упреждать зарождающиеся негативные процессы, не доводя до судебного разбирательства. Для этого, прежде всего, необходимо конкретизировать критерии определения экстремизма в целях дальнейшей разработки методики и тактики противодействия им.

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимо максимально подчинить и сделать подконтрольными только международному праву все действия государств, направленные на противодействие терроризму, экстремизму, сепаратизму и другим угрозам с использованием силового варианта воздействия, что указывает на непосредственную преемственность международного законодательства и перспективы развития международного сотрудничества в борьбе с экстремизмом.

Что касается национального законодательства о противодействии экстремизму, то здесь следует констатировать следующие проблемы.

1. Необходимо повышать эффективность и качество координации деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия экстремизму. Координация должна быть более жесткой по процедурам выработки и выполнения согласованных решений. Этот процесс должен сопровождаться четким распределением ролей, использованием сил и средств, форм и методов работы, адекватных складывающимся угрозам и тенденциям их развития. Продуманная координация должна минимизировать экстремистскую преступность.

В Российской Федерации, на наш взгляд, отсутствует системное профилактическое воздействие со стороны всех органов, задействованных в противодействии экстремизму, в предупреждении вовлечения молодежи в совершении преступлений террористического и экстремистского характера. Как правило, подобные беседы и встречи осуществляются органами прокуратуры, отделами образования на местах, МВД, причем в основном в школах, реже — в средних специальных учебных заведениях и совсем редко — в вузах, на работе и иных местах, где проводит время молодежь.

2. Исследование преступлений экстремистской направленности, выявляет проблему отсутствия как в доктрине, так и на законодательном уровне общепризнанной концепции противодействия экстремизму. Существующие подходы указывают на отсутствие крите-

риев, дающих возможность для определения границ экстремизма, в том числе и его преступной формы, что и является одним из главных условий его распространения.

Учитывая, что Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» является основополагающим нормативным правовым актом, регламентирующим противодействие экстремизму, в него должны быть включены все конструктивные признаки данного явления, отражающие его сущность. Однако, к сожалению, он не содержит признаков экстремизма, а лишь определяет запрещенную экстремистскую деятельность, перечень которой постоянно уточняется. Закрепив данный список, законодатель, таким образом, ушел от исчерпывающего перечня деяний, содержащих в себе проявления экстремизма. Такой подход породил проблемы применения как самого Закона, так и Уголовного кодекса, так как он не дает возможности четкого определения круга преступлений экстремистской направленности. При этом критерии, заложенные в самом Законе, характеризуются высоким уровнем бланкетности. В частности, признавая террористическую деятельность разновидностью экстремистской, анализируемый нормативный правовой акт отсылает правоприменителя к Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который закрепляет в себе виды деятельности, относящиеся к террористической. Однако многие его положения нуждаются, на наш взгляд, в совершенствовании. Так, в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» любое деяние, совершенное по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, признается экстремистским.

Исходя из вышеизложенного, любое общественно опасное деяние, являющееся преступным, можно отнести к экстремистскому, так как данный вид поведения запрещен законом и, соответственно, выступает не просто крайней мерой, а мерой, выходящей за рамки дозволенного, и чаще всего еще содержит в себе мотивы, закрепленные в ч. 1 ст. 63 УК РФ. Представляется, что данный подход является неправильным, поскольку не отражает особенностей изучаемого явления. Законодатель при создании указанного нормативного правового акта не заложил в него основной концептуальной идеи, отражающей непосредственную сущность экстремизма, остановившись лишь на мотивации. В одних случаях законодатель исходит из субъективных, в других — из объективных признаков соответствующих деяний, что ставит под сомнение логичность рассматриваемой дефиниции.

Изложенное выше позволяет констатировать, что российскому законодателю не удалось определить содержание экстремизма, что

и явилось причиной отсутствия законодательной дефиниции рассматриваемого явления, хотя потребность в понятии экстремизма в его правовом смысле совершенно справедлива.

Полагаем, что закрепление в данном нормативном правовом акте конструктивных признаков рассматриваемого явления, нашедших свое отражение в определении экстремизма, исключило бы необходимость уточнения запрещенных законом экстремистских проявлений и усилило бы превентивный характер Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы противодействию экстремизму позволяет сделать вывод о том, что основная их масса рассматривает экстремизм в первую очередь как угрозу конституционному строю, общественной безопасности и миру и безопасности человечества.

Данное обстоятельство дает основание для определения круга общественных отношений, непосредственно страдающих или ставящихся под угрозу причинения вреда при совершении преступлений экстремистской направленности, отражающих непосредственную сущность экстремизма, что дает возможность для определения исчерпывающего перечня исследуемой группы преступлений.

Исходя из вышеизложенного, первой концептуальной особенностью преступлений экстремистской направленности является то, что признаки, характеризующие их, не носят универсального характера и могут относиться только к деяниям, предусмотренным главами 24, 29 и 34 УК РФ. Анализ данных нормативных правовых актов также указывает и на то, что еще одной особенностью рассматриваемой группы преступлений является специальная мотивация их совершения.

Экстремистская мотивация имеет непосредственное значение не только при квалификации данной группы преступлений, а в первую очередь при определении круга преступлений экстремистской направленности, так как мотив и определяет непосредственный объект посягательства. По этой причине считаем, что второй концептуальной особенностью преступлений экстремистской направленности является мотив совершения преступления, то есть совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Предлагаемый подход представит возможность унифицировать и систематизировать уголовное законодательство в рамках противодействия экстремизму и повышения эффективности борьбы.

Об имплементации в уголовное законодательство России международных правовых норм, направленных на усиление борьбы с экстремизмом

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года одним из источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности называется экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности РФ, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. Поэтому главным направлением государственной политики в сфере обеспечения безопасности на долгосрочную перспективу должно стать, в том числе, и совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, на которые посягают преступления экстремистской направленности, является важной составляющей системы обеспечения национальной безопасности. Причем выстроить эффективную систему противодействия глобальным угрозам только за счет национальных мер в современных условиях представляется маловероятным. В связи с чем, развивается система международного сотрудничества государств по противодействию всевозможным угрозам безопасности.

В настоящее время международно-правовые акты по вопросам противодействия экстремизму принимаются в рамках участия России в деятельности международных, региональных и субрегиональных организаций и структур, специализирующихся на обеспечении безопасности — Организации Объединенных Наций (ООН), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества независимых государств (СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и др., а также путем двустороннего сотрудничества.

Актуальность исследования имплементации норм международного права в российской правовой системе объясняется дискуссионностью теоретических и законодательных положений, устанавливающих механизм признания общепризнанных принципов и норм международного права, норм международных договоров частью правовой системы России. Примем во внимание тот факт, что имплементация норм международного права в настоящее время происходит следующими способами: инкорпорацией, трансформацией, общей, частной или конкретной.

Конституция РФ в ст. 15 провозглашает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Закрепление в Конституции РФ обозначенной статьи вызывает ряд вопросов.

Во-первых, это означает, что Россия должна считаться с правилами других организаций, не всегда «дружественных» России. Это обстоятельство, становится проблемой, еще и потому, что независимо от того, содержатся ли указания на общепризнанные принципы и нормы в отраслевых кодексах и иных законах, они в применимых случаях являются регуляторами отношений в рамках отраслей российского права на основе ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в силу ее прямого действия.

Во-вторых, эти положения создают, а не разрешают юридические коллизии, так как международные договоры имеют разную юридическую силу (межгосударственные договоры, межправительственные договоры, межведомственные договоры).

В-третьих, не выработаны конкретные критерии общепризнанности норм международного права, их конкретный перечень и система. Также, следует обратить внимания на то, что в науке нет единства мнений на этот вопрос. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что назрела необходимость изменения Конституции РФ в сторону укрепления национального правового суверенитета.

Применительно к регулированию правоохранительной деятельности направленной на противодействие экстремизму приходится констатировать, что состояние национального уголовного права различных государств указывает, что взаимодействие между национальным и международным правом в области регламентации уголовной ответственности за экстремизм практически отсутствует, международно-правовое понятие экстремизма не выработано. Это

обстоятельство не способствуют выработке единой стратегии и совершенствованию правоприменительной практики по борьбе с экстремизмом. Тем более, что очень часто экстремистские группировки и их деятельность используются отдельными странами для дестабилизации политической ситуации в отдельных государствах, борьбы с политическими оппонентами, смены власти на более лояльную, т.е. в геополитических интересах.

Там где, международные договоры подписаны, а конвенции ратифицированы между отдельными странами, международно-правовые нормы либо в национальных правовых системах учитываются недостаточно либо требуют переосмысления, трансформации и подмены понятий в связи со спецификой правового регулирования.

В частности, отсутствует унификация терминов и понятий в различных правовых источниках, регулирующих одну и ту же сферу, в том числе и при имплементации международных правовых норм, направленных на усиление борьбы с экстремизмом в Российской Федерации (например, в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и УК РФ).

На содержательном уровне мы сталкиваемся с отдельной проблемой, возникающей при правовом регулировании противодействия экстремизму, является отграничения данного явления от терроризма в источниках права.

В ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹ (далее — Закон № 114) дается определение понятия «экстремистская деятельность (экстремизм)», включающее в себя перечисление широкого спектра действий, охватывающих как преступления, так и административные правонарушения и гражданско-правовые деликты. При изучении обозначенного понятия заслуживает внимания та его часть, в которой говорится, что к экстремистской деятельности относится такой признак, как «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность». Исходя из системного анализа текстов российских концептуальных документов в области безопасности², можно сделать вывод о том, что в них экстремизм и терроризм признаются, понимаются и перечисляются как две самостоятельные и одноуровневые угрозы для безопасности России, хотя и взаимодополняющие и совместно усиливающие друг друга. Так, например, в Концепции общественной безопасности в РФ отдельно перечислены основные направления деятельности сил обеспечения

¹ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

² Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г., Концепция противодействия терроризму в РФ, Концепция общественной безопасности в РФ.

общественной безопасности в пределах их компетенции по противодействию экстремизму и терроризму.

Криминологическое разделение экстремизма и терроризма содержится в совместном Указании от 31 декабря 2014 г. Генеральной прокуратуры РФ № 744/11 и МВД России № 3 «О введении в действие перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности», в котором предусмотрены отдельные перечни № 20 — преступлений экстремистской направленности и № 22 — преступлений террористического характера. В ином случае, исходя из буквального толкования существующего понятия «экстремистская деятельность» все преступления террористического характера должны учитываться, как преступления экстремистской направленности, но этого в судебно-следственной практике не происходит.

«Базисные» нормы, закрепляющие уголовную ответственность за преступления экстремистской направленности (ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ) и преступления террористического характера (ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208 УК РФ), расположены в разных главах и разделах Особенной части УК РФ, тем самым констатируется отличие их в качественном характере охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Верховный Суд РФ, различая содержание экстремизма и терроризма, подготовил отдельные разъяснения высшего судебного органа по вопросам судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности¹.

Устранение противоречия, когда одна и та же деятельность одновременно относится к двум равным понятиям, позволит разрешить ряд противоречий в деятельности субъектов правоприменения.

Экстремизм и терроризм — это динамичные, равнозначные, взаимодействующие явления, трансформирующиеся исходя из их востребованности как средств ведения конфликтов и практики противодействия им.

Несомненно, общее в данных явлениях то, что они характеризуются идеологией и деятельностью, сопровождающейся применением выходящих за рамки принятых в обществе методов разрешенных конфликтов.

¹ Постановление Пленумов Верховного Суда РФ: от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности»; от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Таким образом, очевидно, что проблема противодействия экстремизму не имеет государственных границ. Однако, для повышения эффективности правовых средств борьбы с экстремизмом необходимо:

- несмотря на конституционное и законодательное признание приоритета норм международного права в России, единственным эффективным способом их имплементации — является трансформация. Так же возможность приоритетного применения международной правовой нормы, необходимо подтверждать одним из следующих способов выражения согласия государства (подписание, ратификация, утверждение и т.п.). Указанное обстоятельство является важным и в свете сохранения правовых традиций российской правовой системы и правового суверенитета;
- учитывая глобальный характер угрозы национальной безопасности большинства государств, выработать единое понимание содержательной стороны экстремистской деятельности для большинства стран международного сообщества;
- унифицировать понятийный аппарат, в указанной сфере, в различных правовых источниках;
- исключить признак «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» из определения понятия «экстремистская деятельность (экстремизм)», содержащегося в ст. 1 Закона № 114;
- в ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» заменить перечисление ст. 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ на ст. 205.1, 205.4, 205.5 УК РФ в связи с отдельной криминализацией идентичных террористических деяний.

Псевдорелигиозный экстремизм и методы противодействия

В настоящее время в мире происходит активизация деятельности организаций экстремистского толка, ставящих своей целью как свержение или изменение сложившихся форм государственно-территориального устройства, так и получение экономической выгоды. Нередко данные цели совмещаются или дополняют одна другую. Часть подобного рода организаций причисляет себя к религиозным, хотя по сути таковыми не являются, так как их цели лежат скорее в политической и экономической плоскостях и достаточно далеки от таких понятий как духовность и нравственность, составляющих суть любого религиозного вероучения.

Сам по себе экстремизм является не целью, а способом, инструментом с помощью которого организации подобного рода пытаются достичь политического и экономического успеха.

Различные словари дают определение экстремизма как склонности к крайним взглядам, использование нелегальных форм политического участия: бунт, погромы, террор с целью достижения политических целей. Сам термин экстремизм происходит от латинского слова *extremus* — крайний.

Как правило, экстремизм порождает совокупность факторов, приводящих к слому устоявшихся жизненных устоев, дезорганизации человека в обществе, поиск новых путей, приводящих его к выходу из сложной жизненной ситуации.

К таким факторам можно отнести: слом сложившихся социальных структур, ухудшение условий и уровня жизни, обнищание массовых групп населения, экономический и социальный кризис, ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов, падение исполнительной дисциплины и как следствие рост антисоциальных проявлений, распад прежней системы ценностей, нарастание чувства личной обиды, ущемления национального достоинства определенных групп населения.

Данные факторы приводят к поискам выхода из сложившейся ситуации и как следствие способствуют активному вовлечению новых членов в различные псевдорелигиозные организации.

Часть организаций (объединений) подобного рода ассоциируют себя с какой-либо из существующих в определенной местности традиционной религией или ее течением, тем самым, вводя в заблуждение приверженцев данного религиозного течения, особенно тех из них, кто в силу своего незнания даже элементарных основ собственной религии, принимает данные организации за истинно религиозные, чему активно способствует их соответствующая пропаганда.

Не зависимо от страны и религии, которой данные псевдорелигиозные группы прикрываются как основой своей деятельности, их пропаганда является примерно одинаковой и в общих чертах состоит в следующем:

- несправедливость в обществе происходит от несоблюдения неких постулатов, постижение которых доступно только членам данной религиозной организации (группы);
- только члены данной религиозной организации (группы) ведут правильный образ жизни, гарантирующий им решение всех их социальных и личных проблем;
- социальные и жизненные проблемы человека могут быть разрешены исключительно только в рамках членства в данной религиозной организации, которое как правило в свою очередь предусматривает:

1) существование наставника (гуру, учителя) осуществляющего обучение определенной практике;

2) систему определенных практик, позволяющих получить реальный личный опыт познания данного учения;

3) существование других членов данной религиозной группы продвинувшихся в изучении и применении данных практик и стоящих на более высоких ступенях;

4) существование инициаций (посвящений) в более высокие ступени.

При этом делается упор на исключительность членов данной организации, их отличие, разумеется, в лучшую сторону от других членов общества и беспрекословную преданность своему лидеру, который единолично обладает неким абсолютным знанием необходимым для правильного построения жизни каждого отдельного человека.

Не смотря на определенный примитивизм данных пропагандистских приемов, действуют они достаточно эффективно и при оп-

ределенных условиях, например, соответствующим психологическом состоянии человека, достигают своих целей, к которым относятся как вербовка новых членов организации, так и удержание в повиновении организации в целом.

Следует отметить, что изложенная система функционирования псевдорелигиозных объединений по своей сути сходна с принципами создания и функционирования политических организаций экстремистского толка.

Примером, подтверждающим изложенное может служить деятельность, в том числе и на территории России, печально известной международной религиозной организации «Аум Синрикэ», устроившей газовую атаку в Токийском метро.

Выявление таких организаций на стадии их становления, с привлечением их руководителей, в том числе к уголовной ответственности, на сегодняшний день является одним из наиболее действенных методов противодействия.

При этом следует отметить, что выявление подобного рода организаций на первоначальном этапе их деятельности связано с определенными трудностями, ввиду нижеследующего.

В соответствии со ст. 28 Конституции РФ «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

При этом ч. 5 ст. 13 Конституции РФ запрещает «создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни».

Правовой основой создания и существования на территории Российской Федерации в соответствии с указанными Конституционными нормами религиозных объединений являются Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Так ст. 6 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает, что «1. Религиозным объединением в Российской Федерации

признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками:

- вероисповедание;
- совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

2. Религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций». При этом запрещается создание и деятельность религиозных объединений, цели и действия которых противоречат закону.

Таким образом, если религиозное объединение (организация) не заявляет открыто об истинных целях своей деятельности и методах их достижения, о чем adeptам как правило сообщается на определенных этапах посвящения, оснований для соответствующего правового реагирования правоохранительных или надзирающих органов не имеется.

Несмотря на то, что ст. 239 УК РФ, подследственная следователям СК России, предусматривает ответственность за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, в том числе создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно за руководство таким объединением, доказать указанные обстоятельства при проведении предварительного следствия бывает достаточно сложно.

Фактом, который может свидетельствовать о возможной экстремистской направленности так называемого вероучения, проповедуемого в том или ином религиозном объединении, может служить наличие у него скрытых (тайных) вероучительных текстов, которые могут быть доступны исключительно для членов данной организации.

Проводя проверку деятельности подобного рода организаций или предварительное следствие, в обязательном порядке подлежат выяснению обстоятельства функционирования данного объединения (организации), в том числе постулаты, которые проповедовались членам данной организации, конечные цели организации, средства и методы их достижения.

К вопросу о территориальном и темпоральном действии уголовного закона в отношении преступлений террористической и экстремистской направленности

Несмотря на все возрастающую значимость международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму и экстремизму, территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве сохраняет свою приоритетную роль для каждого государства. В этой связи в настоящей статье мы посвятим основное внимание именно данному принципу.

Территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве является одним из проявлений суверенитета государства в части распространения его уголовно-правовой юрисдикции на всю территорию соответствующей страны.

Основное положение территориального принципа действия уголовного закона в пространстве закреплено в ч. 1 ст. 11 УК РФ: «Лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу». Данное положение основано на ст. 4 Конституции России, гласящей, что суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию, при этом Конституция и федеральные законы имеют верховенство на всей территории нашей страны.

Однако анализ ст. 11 УК РФ, в том числе ее части первой, показывает, что законодатель не уделил должного внимания ситуации, касающейся используемого им термина «преступление» в случае, когда преступление может иметь усеченный, формальный или материальный состав.

При совершении преступлений террористического характера указанные ситуации могут затрагивать территорию двух и более государств, вызывая необходимость разрешения вопроса об уголовно-правовой юрисдикции каждого из них применительно к сложившейся ситуации в целом либо к ее отдельным составляющим.

Отметим, что в период существования СССР выделенная проблематика достаточно активно рассматривалась в теории уголовного

права¹, но так и не нашла своего отражения в тексте уголовного закона. После распада Советского Союза входящие в него республики стали самостоятельными государствами, что перевело соответствующие вопросы в разряд уже не внутригосударственной, а международно-правовой юрисдикции.

Полагаем, что выделенная ситуация заслуживает активного внимания ученых-правоведов сотрудничающих государств, прежде всего, входящих в состав СНГ, поскольку правовые системы бывших советских республик имеют много общего, что обусловлено историческими, географическими, экономическими, политическими и иными факторами. В настоящей статье последовательно рассмотрим данные проблемы.

Как уже отмечалось ранее, одна из проблем территориального принципа действия уголовного закона в пространстве связана с тем, что соответствующие положения УК РФ не учитывают, что преступление может иметь не только усеченный или формальный, но еще и материальный состав.

Если преступление с формальной либо усеченной конструкцией состава является оконченным с момента полного осуществления соответствующего общественно опасного деяния (действия или бездействия), то преступление с материальным составом, объективная сторона которого обязательно включает общественно опасное деяние, общественно опасное последствие и причинную связь между деянием и последствием, — с момента причинения (наступления) последствия, непосредственно указанного в статье Особенной части УК РФ об ответственности за данное преступление. То есть для преступления с материальным составом существует вероятность совершения деяния на территории одного государства с наступлением последствия на территории другой страны. При этом также следует учитывать и такой признак объективной стороны материального состава преступления, как причинная связь, которая может развиваться на территории еще одного, «промежуточного» государства. Например, на территории России в организм человека может быть введено ядовитое вещество, отравляющее воздействие которого на потерпевшего может начаться либо продолжиться на территории Белоруссии, а его смерть — наступить на территории Украины. Именно данные ситуации не нашли в ст. 11 УК РФ своей точной и однозначной законодательной регламентации.

¹ См., напр.: *Блум М.И.* Действие советского уголовного закона в пространстве. Рига, 1974; *Брайнин Я.М.* Уголовный закон и его применение. М., 1967; *Дурманов Н.Д.* Советский уголовный закон. М., 1967.

Отметим, что во второй половине XX века советскими учеными в области уголовного права указанная проблема достаточно активно исследовалась в связи с необходимостью разрешения коллизий между нормами уголовных кодексов союзных республик.

Так, по мнению Н.Д. Дурманова в приведенной ситуации в качестве места совершения преступления следовало признавать территорию той союзной республики, где наступило соответствующее общественно опасное последствие, поскольку до этого момента деяние виновного еще не содержит состава оконченного преступления¹. Я.М. Брайнин, напротив, считал, что местом совершения преступления в таких случаях следовало признавать, территорию той республики, где совершено общественно опасное деяние, несмотря на то, что общественно опасные последствия наступили в другой союзной республике². М.И. Блум полагала, что данную ситуацию можно однозначно разрешить только за счет создания специальной интерлокальной общесоюзной уголовно-правовой нормы³.

Применительно к преступлениям, совершенным соучастниками, действовавшими на территории нескольких союзных республик, применялось уголовное законодательство той республики, на территории которого осуществил деяние либо покушался на него исполнитель преступления, а равно по месту наступления общественно опасного последствия либо по месту завершения преступления первым из нескольких соисполнителей⁴.

Как правильно отмечает Л.Д. Гаухман, в настоящее время после прекращения существования СССР и в связи с формированием федерального уголовного законодательства в виде единого УК РФ, ч. 1 ст. 11 последнего следует понимать таким образом: лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации подлежит уголовной ответственности по УК РФ в ситуациях, когда все содеянное полностью, в полном объеме и всеми соучастниками совершено на территории России, а равно, когда содеянное совершено на территории России частично или отдельными соучастниками⁵. Полагаем, что закрепление данного положения в ст. 11 УК РФ будет способствовать более точному и однозначному пониманию и применению территориального принципа действия уголовного за-

¹ Дурманов Н.Д. Указ. соч. С. 219.

² Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 156.

³ Блум М.И. Указ. соч. С. 140.

⁴ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2005. С. 285.

⁵ Там же. С. 285—286.

кона в пространстве, в том числе, в отношении преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Одно лицо либо группа лиц могут совершить два и более преступления, то есть совокупность преступлений, действуя при этом на территории не только Российской Федерации, но еще и другого государства (государств). Считаем, что данная ситуация должна быть регламентирована непосредственно в ст. 11 УК РФ, и разрешаться следующим образом: по УК РФ квалифицируются те деяния, совершенные одним или несколькими лицами, в отношении которых применимы положения данного Кодекса о его действии в пространстве.

При разрешении вопросов о действии уголовного закона в пространстве одновременно могут возникать проблемные ситуации, касающиеся его действия во времени, во многом обусловленные динамичностью развития российского уголовного и иного законодательства, не отличающегося согласованностью и системностью.

Так, при рассмотрении темпорального действия уголовного закона в отношении выделенной категории преступлений, следует отметить наличие формирования излишних уголовно-правовых запретов, в частности, дополнение ст. 205.1 УК РФ частью третьей, предусматривающей ответственность за пособничество в террористическом акте, причем в примечании 1.1 к этой статье также необоснованно было повторено определение пособничества, изначально имеющееся в ч. 5 ст. 33 УК РФ о видах соучастников¹. Считаем, что более правильной, социально и юридически обоснованной являлась и является квалификация действий пособника по той статье Особенной части УК РФ, которая вменялась в вину исполнителю соответствующего преступления, со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. В данном же случае искусственно создана конкуренция между содействием террористической деятельности (ч. 1 и 2 ст. 205.1 УК РФ) и пособничеством в террористическом акте как одним из преступлений, входящих в объем понятия террористической деятельности (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ). При этом данное нововведение одновременно может ухудшать или улучшать положение такого пособника, совершившего соответствующее деяние до дополнения ст. 205.1 УК РФ частью третьей и примечанием 1.1. Дело в том, что санкция ч. 3 ст. 205.1 УК РФ (лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет) является более строгой, чем санкция ч. 1 ст. 205 УК РФ (лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет), и

¹ Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 13 декабря.

менее строгой, чем санкции ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ. То есть пособник в террористическом акте ранее мог понести более мягкую ответственность, когда его действия квалифицировались бы по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 205 УК РФ, и более строгую — по ч. 5 ст. 33 и ч. 2 или ч. 3 ст. 205 этого УК. Следовательно, ч. 3 ст. 205.1 УК РФ смягчает наказание для тех, кто совершил пособничество в террористическом акте, предусмотренном частями 2 или 3 ст. 205 УК РФ до вступления обновленной ст. 205.1 УК РФ в силу.

К сожалению, отмеченные негативные тенденции развития уголовно-правовых норм об ответственности за преступления террористической направленности имеют свое продолжение: Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ¹ глава 24 УК РФ была дополнена тремя статьями (205.3, 205.4 и 205.5), предусматривающими запрет на совершение деяний в виде прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности, организации террористического сообщества и участия в нем, организации деятельности террористической организации и участия в деятельности такой организации. Анализ данных дополнений Особенной части УК РФ позволяет нам утверждать, что ст. 205.3—205.5 содержат излишние уголовно-правовые запреты, создающие необоснованную конкуренцию с институтами неоконченного преступления и соучастия в преступлении, усложняющие применение уголовного закона и формирующие предпосылки для нарушения принципа справедливости. Данные негативные моменты с неизбежностью порождают и проблемные вопросы об обратной силе новых статей УК РФ либо ультраактивности уголовного закона в предшествующей им редакции.

¹ Федеральный закон РФ от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 6 ноября.

Современное состояние и тенденции развития экстремизма

Усиление экстремистских волнений, острота используемых субъектами экстремизма форм и методов, интенсивность и пространственный размах сегодня создают реальную угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства. Экстремизм, активно осуществляемый в сферах различных отношений, проник во все области общественной жизни, оказывает деструктивное влияние на развитие общества, установление гражданского согласия, проведение социально-экономических реформ.

С начала XXI века количество проявлений экстремизма растет и это вызывает обоснованное беспокойство общества, реально угрожает стабильности государственного строя. Об этом свидетельствуют цифры. Если в 2007 г. совершено 356 преступлений экстремистской направленности, то в 2008 г. уже 460¹, а в 2009 г. — 548, в 2010 г. количество экстремистских посягательств возросло уже до 656, в 2011 г. выявлено и зарегистрировано 622 преступлений экстремистской направленности². В 2012 г. опять усилился рост преступлений и составил — 696, 2013 г. — 896, 2014 г. — 1024, в 2015 г. уже за первые полгода зарегистрировано 830 преступлений экстремистской направленности по России³.

Необходимо отметить и высокий уровень латентности преступлений экстремистской направленности, что обусловлено незнанием норм уголовного закона, нежелание принимать процессуальные решения, которые могут вызвать большой общественный резонанс.

Приволжский федеральный округ стоит не на последнем месте по количеству выявленных фактов экстремизма. Угрозы экстреми-

¹ Шапкин А.П. Противодействие экстремистским проявлениям. Условия, способствующие возникновению экстремистских настроений // Предварительное следствие. 2009. Вып. 4(6).

² Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics>

³ URL: http://crimestat.ru/offenses_map

стских и террористических проявлений в округе существуют, учитывая, что многонациональность и поликонфессиональность населения Приволжского федерального округа привлекает представителей различных деструктивных религиозных учений.

В округе фиксируются появления граждан арабских государств, представителей экстремистских организаций, проповедующих крайние течения в исламе, кроме того в молодежной среде находят распространение экстремистские и антиобщественные идеи, реализуемые путем совершения преступлений.

Так, в первом полугодии 2015 г. в Приволжском федеральном округе (ПФО) зарегистрировано 164 преступлений экстремистской направленности (в первом полугодии 2014 г. на 29% меньше — 118 преступлений). Наибольшее количество таких преступлений выявлено в Республике Татарстан — 43 (в 1 полугодии 2014 г. — 34), Кировская область — 28 (1 п. 2014 г. — 15), Самарская область — 15 (1 п. 2014 г. — 9), Ульяновская область — 14 (1 п. 2014 г. — 9), Удмуртская Республика — 18 (1 п. 2014 г. — 8), Республика Башкортостан — 4 (1 п. 2014 г. — 12), в Нижегородской области — 8 (1 п. 2014 г. — 4).

Как видно наблюдается рост зарегистрированной преступности во многих регионах Приволжского федерального уровня и не только в национальных республиках, но и в тех регионах, которые либо граничат с другими государствами, либо где располагается большое количество конфессий.

Феномен религиозного экстремизма в этих субъектах ПФО в определенной мере обусловлен преобладанием на их территории множества национальностей, исторически исповедующих ислам. Этот факт используется в целях радикализации традиционного ислама, осуществляются попытки создания на территории, особенно Республик Башкортостан и Татарстан, независимого государственного образования с исламской формой правления.

Экстремизм связан с конкретными насильственными действиями, включая прямые призывы к ним, их организацию, финансовую поддержку и техническое обеспечение, что приводит к совершению экстремистскими организациями, отдельными лицами противоправных деяний (преступлений), ответственность за которые в России предусмотрена как административным, так и уголовно-правовым законодательством.

На всей территории страны наибольшее количество преступлений экстремистской направленности квалифицируются по ст. 282 УК РФ. Это обусловлено спецификой рассматриваемого явления и обосновано тем, что любой насильственной акции экстремизма, как

правило, предшествует пропагандистская деятельность соответствующей направленности, сопровождаемая возбуждением ненависти, вражды и унижением человеческого достоинства.

Второе место среди совершаемых по экстремистским мотивам преступлений занимают составы, предусмотренные ст. 282.2, 280, 213, 282.1, 112 УК РФ.

Увеличение роста экстремистских преступлений происходит из-за снижения «планки» возможного применения насилия в обществе, его безнаказанности, отсутствия веры в правосудие в обществе.

Причиной усиления экстремистских группировок и организаций на территории России и, в частности, Приволжского федерального округа является слияние экстремистских объединений с транснациональной, общеуголовной и экономической организованной преступностью.

Как обоснованно отметил Ю.И. Авдеев, структуры организованной преступности в некоторых регионах России долгое время инициировали и поддерживали националистические и религиозно-экстремистские формирования, проводимую ими противоправную насильственную политику, используя для этого средства, добытые преступным путем¹; также вовлекают в свои преступные сети несовершеннолетних, которые в силу своего возраста, психического и эмоционального развития, легко поддаются убеждению о возможном применении насилия для получения своей выгоды.

Проведенные исследования юристов-ученых свидетельствуют, что чаще всего преступления экстремистской направленности совершают молодые люди в возрасте 16—25 лет, учащиеся средних профессиональных и высших учебных заведений, что дает основание говорить о существовании такого социально опасного явления как «экстремизм в молодежной среде».

Проблема распространения экстремистских идей как молодежной среде и среди является весьма острой.

Примером может служить тот факт, что на территории Республики Татарстан группами последователей религиозного учения «Нурджулар» активно распространялись книги из собрания сочинений Сайда Нурси «Рисале-и Нур», содержание которых направлено на возбуждение религиозной вражды. Следственным управлением Следственного комитета России по Республике Татарстан в 2011 г. возбуждены уголовные дела по признакам преступлений, преду-

¹ Авдеев Ю.И. Политический экстремизм и кризисные ситуации // Экстремальные ситуации, конфликты, согласие. М., 2002; Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия. М., 2006.

смотренных п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ и ч. 2 ст. 239 УК РФ. Решением Коптевского районного суда Северного административного округа г. Москвы 21 мая 2007 г. книги из собрания сочинений Сайда Нурси «Рисале-и Нур» признаны экстремистской литературой, их издание и распространение на территории Российской Федерации запрещено.

В ходе расследования данных уголовных дел установлена причастность к религиозной группе «Нурджулар» граждан Турции, являющихся работниками лицеев-интернатов Республики Татарстан.

10 апреля 2008 г. Верховным судом РФ международное религиозное объединение «Нурджулар» на основании ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» признано экстремистским и его деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

Совершению экстремистских правонарушений в республике Татарстан способствовало использование конституционных прав и свобод, в частности, права на свободу слова, для пропаганды идей экстремизма, многочисленные нарушения федеральных законов о миграционных отношениях, в сфере занятости населения и образования, латентная коррупционная составляющая в государственных учреждениях.

Экстремистские организации и группировки активно распространяют свои публикации, в частности, ксенофобские материалы, направленные не только на возбуждение ненависти и вражды, но и на привлечение новых сторонников, актуализацию подобных мыслей в сознание широких слоев населения также и в сети Интернет и его бесконтрольного пользования, особенно в образовательных учреждениях и библиотеках.

Так, в кабинетах информатики ряда муниципальных образовательных учреждений Чувашской Республики на школьных компьютерах, подключенных к интернет-ресурсам, имелся доступ к сайтам и материалам о порядке, способах создания и деятельности тоталитарных сект, о пропаганде насилия и жестокости, иной информации, причиняющей вред здоровью, нравственному и духовному развитию несовершеннолетних.

В республиках Башкортостан, Татарстан, Чувашской Республики в 2011 г. установлены факты нахождения в общедоступных библиотечных фондах экстремистских материалов.

Так, например, в г. Уфа в Национальной библиотеке им. Ахмет-Заки Валиди до 2011 г. была представлена к свободному пользованию книга из собраний сочинений «Рисале-и Нур» «Истины

веры», ранее включенная в федеральный список экстремистских материалов.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что распространение материалов экстремистского характера приводят к массовым радикальным экстремистским проявлениям у населения, увеличению количества совершенных преступлений экстремистского характера, что ранее подтверждается цифрами.

Примером может служить уголовное дело, возбужденное Приволжским следственным управлением на транспорте в 2009 г., по факту совершения тремя молодыми людьми особо тяжкого преступления на территории г. Балахны Нижегородской области, по признакам преступления, предусмотренного п. «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а именно убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное группой лиц, по мотивам расовой и национальной ненависти и вражды.

Так, трое молодых людей, являясь членами неформальной организации «Русское национальное единство», избили гражданина Республики Узбекистан Д.. Они нанесли потерпевшему по затылочной части головы удар камнем, от которого он потерпевший упал на землю, а также заранее заготовленной преступниками отверткой нанесли множественные удары в разные части тела г-на Д., в том числе, в места расположения жизненно-важных органов.

Смерть г-на Д. наступила от острой массивной кровопотери в результате полученных им проникающих колотых ранений туловища.

В ходе расследования данного преступления у преступников было изъято большое количество запрещенной литературы экстремистского характера, а также выяснилось, что данную литературу они искали в сети Интернет, изучали и в течение нескольких лет применяли на практике, распространяя эти материалы среди знакомых и учащихся.

Данное уголовное дело было расследовано и направлено в суд, виновные лица получили максимальные сроки лишения свободы. Дальнейшая деятельность неформальной организации «Русское национальное единство» предотвращена. Факт финансирования данной организации следствию доказать не удалось.

Снижение темпов роста преступности во многом зависит от пресечения организованности экстремистских объединений, их финансирования, снижения уровня коррупции в государственных и правоохранительных, формирования в обществе ощущения защищенности своих прав и свобод, способности государства адекватно реагировать на угрозы, веры в правосудие, подтвержденных действиями.

Проблемы уголовно-правовой оценки последствий террористического акта

«Ключевой задачей ФСБ остается и борьба с терроризмом. За пять лет число терактов снизилось почти в десять раз, но бандподполье все еще способно на вылазки вроде той, что в декабре произошла в Грозном. К тому же на руках у бандитов остается немало оружия», — на заседании коллегии ФСБ России 26 марта 2015 г. отметил Президент России В.В. Путин¹.

Борьба с терроризмом и экстремизмом по-прежнему является приоритетным направлением и в деятельности Следственного комитета Российской Федерации. Об этом на заседании коллегии ведомства 26 февраля 2015 г. заявил Председатель СК России А.И. Бастрыкин. В 2014 г. раскрыто 26 террористических актов, в суд направлено 116 уголовных дел о преступлениях террористического характера². «Конечно, отметили определенные позитивные результаты нашей работы. Действительно, они имеют место. В части борьбы с терроризмом, экстремизмом, преступлений против женщин и детей. Но есть и проблемы. Это уже борьба за качество работы», — сообщил глава ведомства на встрече с Президентом России по итогам работы коллегии³.

Среди проблем эффективного противодействия преступлениям террористического характера следует назвать проблему уголовно-правовой оценки содеянного, в том числе, при применении нормы об ответственности за терроризм (ст. 205 УК РФ).

Разъяснение, данное Пленумом Верховного Суда в Постановлении от 9 февраля 2010 г. № 1, к сожалению, отвечает не на все имеющиеся вопросы.

¹ Официальный сайт Национального антитеррористического комитета РФ. URL: <http://nac.gov.ru>.

² Решение коллегии СК России «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2014 год и задачах на 2015 год» от 26 февраля 2015 г. № решск/1—15.

³ Официальный сайт СК России. URL: <http://sledcom.ru>

Так, например, давая толкование признака «иные тяжкие последствия» применительно к п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ, Верховный Суд указал, что к таковым могут относиться, в частности, причинение тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку, средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам и т.д.

Возникает вопрос, каким образом следует квалифицировать действия виновных лиц, совершивших указанные в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ действия, если они повлекли причинение вреда здоровью человека, не относящегося к категории «тяжких последствий». Ведь диспозиция ч. 1 ст. 205 УК РФ в качестве обязательных признаков не предусматривает наступления каких-либо материальных последствий как это сделано законодателем, например, в нормах о хищениях. Законодатель указал, что совершаемые действия должны устрашать население и создавать опасность гибели человека.

Некоторые ученые полагают, что реальное причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, незначительного имущественного ущерба и иных подобных последствий, не охватываемых понятием «иные тяжкие последствия», следует рассматривать как элемент «создания опасности гибели людей либо наступления иных тяжких последствий»¹. Однако предлагают в случае фактического причинения перечисленных выше последствий квалификации содеянного осуществлять по совокупности ч. 1 ст. 205 и соответствующих статей УК, предусматривающих ответственность за эти деяния, поскольку они либо выходят за рамки основного состава, либо образуют квалифицированные виды террористического акта.

Другие исследователи считают, что последствия в виде причинения в результате, например, взрыва, легкого или средней тяжести вреда здоровью, а также имущественного ущерба, не относящегося к категории «значительный», при соблюдении иных указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ условий, охватываются этой нормой и дополнительной квалификации по нормам УК об ответственности за преступления против здоровья или собственности не требуют.

Согласно правилам квалификации, вменению подлежит та норма, которая наиболее полно охватывает все признаки совершенного деяния, и при этом санкция за деяние, образующие составное преступление, мягче санкции, предусмотренной более полной нормой².

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.И. Чучаева. М., 2010.

² См., напр.: *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 259; *Наумов А.* Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. 2014. № 5. С. 76—79.

Посмотрим, каким образом вопрос квалификации содеянного по совокупности разрешается в судебной практике при применении иных норм уголовного закона.

Конструктивным признаком разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ) является применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, или угроза его применения. Вместе с тем, для признания преступления, имеющего своей целью завладение чужим имуществом, оконченным достаточно лишь нападения. Данной частью нормы охватывается причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, и причинение средней тяжести вреда здоровью, т.е. такого вреда здоровью, который квалифицируется как опасный для жизни или здоровья человека. В этой связи, а также учитывая, что санкция ч. 1 ст. 162 строже санкций норм об ответственности за составные преступления, квалификация по соответствующим статьям УК РФ (ст.ст. 115 или 112) не требуется. Причинение тяжкого вреда здоровью человека квалифицируется по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и также дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ не требует¹.

В качестве квалифицирующего признака неправомерного завладения транспортным средством без цели хищения в ч. 3 ст. 166 УК РФ назван особо крупный ущерб (ч. 3 ст. 166). А в частях 1 и 2 этой нормы вообще не говорится о причинении какого-либо ущерба. В этой связи Верховный Суд РФ, разъясняя порядок применения указанной уголовно-правовой нормы², рекомендовал судам в случае совершения виновным лицом угона, сопровождавшегося причинением значительного ущерба потерпевшему (но не оцененного как особо крупный) квалификацию содеянного осуществлять по совокупности преступлений: соответствующей части ст. 166 и 167 УК РФ.

Учитывая приведенные теоретический и практический аспекты применения уголовно-правовых норм по совокупности, несмотря на строгость санкции ч. 1 ст. 205 УК РФ, представляется обоснованной необходимость осуществления квалификации теракта, в ходе которого причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, а также значительный материальный ущерб по совокупности с соответствующими нормами.

¹ Указанная позиция отражена в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

² П. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 года № 25 (ред. от 23 декабря 2010 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // СПС «КонсультантПлюс».

Политика, терроризм, преступление агрессии

С развитием общественных отношений и международной уголовно-правовой практики возникает необходимость совершенствования отдельных аспектов уголовно-правовой политики российского государства. Необходимо рассмотреть возможность введения дополнительных составов в уголовный закон. К сожалению, в современном мире политика не всегда ведется правомерными способами, и вопрос об уголовной ответственности высокопоставленных иностранных преступников закономерно стоит на повестке дня.

Слово «террор» имеет латинское происхождение, а слово «терроризм» — французское, связанное непосредственно с политикой определенного политического режима во Франции в марте 1793 г. — июле 1794 г., получившего название «Эпоха террора»¹. Так, например, Жан-Батист Каррье был официальным должностным лицом — комиссаром Конвента и при этом, как правильно трактуют его действия современные словари, Каррье являлся террористом². Его способ «вертикальной депортации» — политических оппонентов заключался в утоплении жертв внутри барж на середине Луары³.

Вывод: терроризм тесно связан с политикой и в ряде случаев может непосредственно заключаться в деятельности официальных должностных лиц.

Представляет интерес тот факт, что в США терроризм официально делится на терроризм внутренний и терроризм международный, который зачастую имеет место за пределами юрисдикции США, но подпадает под действие уголовно-правовых норм США⁴.

¹ Этимологический словарь. URL: <http://www.etymonline.com>

² Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <http://dic.academic.ru/dic>

³ Энциклопедия Британника. URL: <http://www.britannica.com>

⁴ Официальный сайт Федерального бюро расследования США. URL: <https://www.fbi.gov>

Вывод: в ряде стран в практических целях законодательно выделяется такая разновидность терроризма, как международный терроризм.

В ФЗ РФ «О противодействии терроризму» законодателем дается определение: «Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»¹.

В тоже время в обществе широкое распространение получило следующее определение: «Терроризм — один из вариантов тактики политической борьбы, связанный с применением идеологически мотивированного насилия». Данное определение порой находит отражение в научных статьях², на сайтах отдельных государственных высших учебных заведений³, органов местного самоуправления⁴.

Вывод: помимо законодательного определения терроризма, в обществе нашло свое распространение иное определение терроризма — как разновидности политической борьбы. Общество по факту само отражает свою точку зрения относительно дефиниции терроризма.

В ст. 5 Римского статута Международного уголовного суда самыми серьезными преступлениями против мирового сообщества, подпадающими под его юрисдикцию, названы: преступление геноцида; преступления против человечности; военные преступления; преступление агрессии⁵.

Официальное определение преступления агрессия не было закреплено в рамках Римского Статута Международного уголовного суда. В итоге в 2010 г. на Конференции в Кампале (Уганда) участники Римского статута, приняв Резолюцию RC/Res.6 выработали общий подход, согласно которому: «преступление агрессии» означает планирование, подготовку, инициирование или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями госу-

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Парламентская газета. 2006. 10 марта.

² Солопченко Д.В. Новые тенденции развития законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации и за рубежом // Российский следователь. 2014. п 6. С. 52—55.

³ Приокский государственный университет. URL: <http://gu-unpk.ru>.

⁴ Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://gov.spb.ru>.

⁵ Официальный сайт Международного уголовного суда. URL: <http://www.un.org/ru>

дарства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштабов является грубым нарушением Устава ООН¹.

Под «актом агрессии» понимается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН. Действия, которые будут квалифицироваться Судом в качестве акта агрессии, аналогичны указанным в Резолюции XXIX Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г.²

Вывод: преступление агрессии — это состав международного преступления, субъектом которого является высокопоставленное должностное лицо суверенного государства.

Сделанные в рамках статьи выводы, приводят к мысли, что, учитывая современные геополитические приоритеты Российской Федерации, следует сконструировать новый состав преступления против мира и безопасности человечества в виде следующей редакции ст. 353.1 «Преступление агрессии»:

«Преступление агрессии — один из вариантов тактики политической борьбы, связанный с идеологическим оправданием насилия, заключающийся в планировании, подготовке, иницировании или осуществлении лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями иностранного государства, акта агрессии, направленного против законных прав и свобод граждан Российской Федерации.

Наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, либо пожизненным лишением свободы».

Наличие специального субъекта и специального потерпевшего в данной норме позволят отграничить новый состав от иных преступлений главы 34 УК РФ, таких как, например, «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны» (ст. 353 УК РФ) или «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны» (ст. 354 УК РФ).

Данный состав по правовой природе в понимании российского общества будет непосредственно связан как с терроризмом, так и с преступлениями против мира и безопасности человечества. При этом «акт агрессии» применительно к данной норме — должен быть исключительно оценочным понятием и определяться в каждой конкретной ситуации российским правоприменителем, без ссылки на международные нормативно-правовые акты. Специальный по-

¹ Официальный сайт Международного уголовного суда.

² Там же.

терпевший — граждане Российской Федерации, выбран в силу того, что согласно ч. 1 ст. 3 Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Посягательство на носителя суверенитета равнозначно посягательству на суверенитет Российской Федерации. В какой бы стране ближнего или дальнего зарубежья не проживало бы лицо с российским паспортом, оно должно быть уверено, что оно защищено от противоправных политически мотивированных актов агрессии со стороны враждебного Российской Федерации должностного лица.

Иным достоинством предложенной нормы следует назвать то, что средства массовой информации, смогут называть субъектов преступления не только международными преступниками, но и террористами, учитывая общественную точку зрения о понятии терроризма. Данный состав преступления будет одновременно и средством отстаивания интересов Российской Федерации в геополитике.

Особенности реализации добровольного соглашения о сотрудничестве при расследовании преступлений экстремистской направленности

Политические и личные свободы, провозглашаемые в качестве необходимого и обязательного условия существования правового государства, помимо прогрессивных сторон своей реализации, обладают и «темными сторонами», выражающимися в расколе общества в ситуациях выражения мнения относительно одних и тех же событий (например, панк-молебен в Храме Христа Спасителя исполнении Pussy Riot), появлении экстремистских идеологий и роста числа преступлений экстремистской направленности.

Экстремизм — это «явление, подрывающее отдельные элементы безопасности всех видов субъектов, которые нуждаются в ее обеспечении»¹.

В теории уголовного права встречаются и развернутые определения экстремизма, под которым предлагается понимать «многоаспектное социально-правовое явление, включающее в себя не только определенную антисоциальную деятельность, но и одобряющую такую деятельность идеологию, направленную на создание в обществе обстановки нетерпимости к представителям определенных социальных групп, выделенных на основе установленных законодателем Российской Федерации либо определяемых правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела критериев. При этом экстремистская деятельность представляет собой практику применения идеологии экстремизма и конкретные формы ее реализации»².

Не смотря на развитие российского законодательства о борьбе с экстремизмом на основе прогрессивных установок международного

¹ *Леньшин Д.И.* Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12.

² *Можегова А.А.* Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10.

права, а также совершенствование практики его применения, следует признать, что в условиях глобализации, «усиливающейся зарубежным влиянием на возрастание межнациональных, межрасовых, межрелигиозных, политических конфликтов, угрозы в отношении основ конституционного строя РФ будут не уменьшаться, а только возрастать»¹.

Легальное определение преступлений экстремисткой направленности дано в примечании к ст. 282.1 УК РФ. Под данными преступлениями понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Даже при первом приближении к анализу преступлений экстремисткой направленности, становится очевидным, что их раскрытие и расследование при использовании традиционных процессуальных механизмов может оказаться не всегда способно привести к ожидаемым результатам. Подобные преступления обладают высокой латентностью, зачастую значительным числом потерпевших, организованным, а зачастую и международным характером. В ситуациях подобного рода позитивную роль может сыграть институт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренный в Главе 40.1 УПК РФ.

По обоснованному утверждению Н.С. Костенко «характер и процедура российского досудебного соглашения о сотрудничестве является гораздо ближе по своему содержанию к европейскому варианту «сделки о согласии с обвинением» или «сделке о наказании», чем к «сделке о признании вины», применяемой в США, хотя, безусловно, правовое регулирование подобных сделок в национальном законодательстве различных стран имеет свои характерные особенности, свойственные законодательству только данного государства»².

В российской правовой системе досудебное соглашение о сотрудничестве (близкое по правовой природе к деятельному раскаянию) оправданно не только с позиции ценности для доказательственной деятельности (обвиняемый содействует следствию в раскры-

¹ Безроков А.О. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовой анализ и вопросы систематизации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 3.

² Костенко Н.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013. С. 5.

тии и расследовании преступления, розыску и изобличению других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате совершения преступления), но и с позиции пресечения преступной деятельности иных лиц, процессуальной экономии при соблюдении основополагающих прав личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства, достижения назначения уголовного судопроизводства при активном содействии лица, осознавшего характер своего преступного деяния и ставшего на путь исправления. Сказанное в полной мере относится к реализации процедуры досудебного соглашения о сотрудничестве по делам о преступлениях экстремистской направленности.

Значимость своевременного раскрытия и пресечения деяний, подпадающих под признаки экстремизма — вне всякого сомнения, но в подобной ситуации важно более скрупулезно отнестись и к правовой регламентации заслуг в этом деле лица, заключившего добровольное соглашение о сотрудничестве.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ прокурор в своем представлении о порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу должен учитывать значение сотрудничества с обвиняемым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления. Если речь идет о преступлениях экстремистской направленности — важно учесть, на наш взгляд, и такой компонент, как пресечение преступной деятельности других лиц, поскольку она способна причинить ощутимый вред личности, обществу и государству.

Для более полной регламентации процедуры вынесения прокурором названного представления и объективности, обоснованности данного акта, следует после слова «изобличения» указать «пресечения преступной деятельности и устранения ее последствий», далее текст статьи в этой части изложить без изменений.

Защита процессуальных прав лица, заявившего о желании заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, — не менее значимый элемент реализации данного института. Полагаем, что в подобной ситуации участие защитника должно быть признано обязательным (в настоящее время подобное требование предусмотрено, помимо иных обстоятельств) при рассмотрении дела в порядке, установленном главой 40 УПК РФ.

В целях обеспечения полноценной защиты обвиняемого, заявившего ходатайство о заключении доброго соглашения о сотрудничестве, ч. 2 ст. 51 УПК целесообразно изложить в следующей

редакции: «2. В случаях, предусмотренных пунктами 1-5 части первой настоящей статьи, участие защитника обеспечивается в порядке, установленном частью третьей статьи 49 настоящего Кодекса, а в случаях, предусмотренных пунктами 6, 7 и 8 части первой настоящей статьи, — с момента заявления хотя бы одним из обвиняемых ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей или ходатайства о рассмотрении уголовного дела в порядке, установленном главой 40, главой 40.1 настоящего Кодекса, либо с момента заявления подозреваемым ходатайства о производстве по уголовному делу в порядке, установленном главой 32.1 настоящего Кодекса».

Приведенная законодательная новация будет согласовываться с требованиями п. 2 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ о том, что досудебное соглашение о сотрудничестве должно быть заключено добровольно и при участии защитника.

Детальная, продуманная с точки зрения юридической техники и единства уголовно-процессуальных норм, устранил возможное их разночтение и окажет позитивное влияние на уголовно-процессуальную деятельность в целом, и расследование преступлений экстремистской направленности — в частности.

Один из аспектов соотношения международного и национального права по вопросу передачи лица, осужденного судом Российской Федерации за экстремизм, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является

Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.¹ содержит положения, призывающие государства противодействовать проявлениям ненависти и вражды в обществе. В ч. 2 ст. 9 Конвенции указано: свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. В ст. 10 Конвенции, утверждая право свободно выражать свое мнение, государству предписано законодательно определять условия и ограничения реализации названного права.

Одним из оснований ограничения государством права исповедовать религию и демонстрировать другие мировоззренческие позиции является угроза экстремизма.

В России определены правовая и организационная основы противодействия экстремистской деятельности. Предпринимаются меры по разработке системы эффективных уголовно-процессуальных средств, способствующих если не искоренить, то сдерживать различные формы негативного воздействия на общество. Современные обстоятельства позволяют заключить, что Россия комплексно подходит к борьбе в экстремизмом, национализмом, фашизмом.

Статистика судебной практики подтверждает необходимость ограничительных мер. За преступления экстремисткой направленности было осуждено в 2008 г. — 143 лица, в 2014 г. — 409². Только в 2014 г. возбуждено 591 уголовное дело о преступлениях экстремистской направленности, что на 28% больше, чем в 2013 г. Расследова-

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003—2007 годы и 2008—2014 годы: Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>.

но 4 уголовных дела об организации преступных экстремистских сообществ. Обвинительные приговоры по ним вступили в законную силу. В 2013—2015 гг. привлечены к уголовной ответственности 25 человек за организацию деятельности экстремистских образований¹.

Положительная динамика развития экстремизма наблюдается на территории ряда стран Ирака, Ирана, Афганистана, Сирии, Саудовской Аравии, Украине и пр. Дальнейшее его развитие ведет к формированию серьезных трудностей для России в управлении обществом². Поэтому задача продолжить поиск новых форм противодействия экстремизму продолжает оставаться актуальной и в настоящее время³.

Очевидно, что предпринятые и предпринимаемые меры дадут положительный результат. Больше количество общественно опасных лиц-экстремистов будет привлекаться к уголовной ответственности и осуждаться к реальным срокам наказания. И вот здесь нам видится проблема, вызванная правовым пробелом, который может быть использован заинтересованными в сохранении и распространении экстремизма лицами.

Нами проанализированы уголовные дела, возбужденные по фактам экстремистской деятельности в отношении лиц, являющихся гражданами иных государств и осужденных судами Российской Федерации. Проанализирована правовая база, регламентирующая порядок исполнения приговора (глава 46 УПК РФ) и производство в судах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (гл. 47 УПК РФ). Анализ законодательства позволяет утверждать о наличии здесь достаточных резервов для дальнейшего развития отечественного законодательства в вопросах противодействия экстремизму при решении судами вопроса о передаче гражданина иностранного государства, осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации, для отбывания наказания государству, гражданином которого осужденный является (п. 20 ч. 2 ст. 397 УПК РФ).

Появление института передачи государствам осужденных к лишению свободы судами Российской Федерации вызвано рекомендациями международного права. Призывы к государствам, суды которых осуждают лиц, граждан иностранных государств, для отбытия

¹ *Бастрыкин А.И.* Исключительное право // Российская газета. 2015. 24 июля.

² Выступление Президента РФ перед участниками заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2015 г. // Российская газета. 2015. 23 октября.

³ Число людей, считающих, что никакой угрозы для нашей страны не существует сократилось с 21% до 5%: данные опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ): URL: <http://ria.ru/society>

наказания передавать их государствам, гражданами которых они являются, основаны на утверждениях, что такая практика: способствует осознанию различными государствами, что борьба против преступности, которая во все большей степени превращается в международную проблему, требует использования современных и эффективных методов на международном уровне; обеспечивает более качественное отправление правосудия и социальную реабилитацию осужденных лиц, реализацию принципа гуманности.

В ст. 471 УПК РФ указаны семь оснований, когда может быть не реализовано право осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации быть переданным для отбывания наказания государству, гражданином которого он является. Анализ перечисленных в норме запретов передачи дает основание утверждать, о слабом учете Российским уголовно-процессуальным законодательством того обстоятельства, что реализация осужденным права быть переданным для отбывания наказания другому государству может нанести вред праву граждан России, а также интересам Российского государства, государственной безопасности. Такое упущение представляется не правильным, благоприятной почвой для сохранения экстремизма, является фактором, способствующим его распространению. Федеральный законодатель, следуя международным конвенциям, создавая максимально удобные условия для отбывания наказания осужденным, должен рассматривать институт выдачи с позиции обеспечения (равную заботу) защиты прав других граждан, и не ослаблять гарантированность обеспечения. Представляется, законодателем должна учитываться политико-правовая обстановка в государстве, запрашивающем о передаче осужденного за экстремизм лица, являющимся гражданином этого государства или постоянно проживающим на его территории. Передача осужденного за экстремизм государству, организация и управление обществом в котором допускает использование экстремистских методов, существенно ослабляет гарантированность защиты фундаментальных прав и свобод не только граждан проживающих на территории запрашивающего государства, но и граждан России. Установление такой практики будет свидетельствовать об отходе с позиций Международных конвенций.

На первый взгляд, может показаться, что названную сложную правовую ситуацию можно учесть и отказать в передаче осужденного по основанию п. «б» ст. 271 УПК РФ: непризнание судом или иным компетентным органом иностранного государства приговора суда Российской Федерации. Однако, судебная практика опровергает такое суждение. Прослеживается наличие проблемы, неразрешенность которой существенно снижает уровни предупреждения и противодействия экстремизму уголовно-процессуальными средст-

вами. Пробел заключается в отсутствии как в отечественном, так и в международном праве требования об обязанности государства исполнения приговора в каждом случае рассмотрения вопроса о выдаче предоставлять государству, постановившему приговор, судебное (или иное компетентное решение) решение о признании приговора государства, постановившего этот приговор.

В настоящий момент, следуя логике кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Ярославского областного суда от 20 декабря 2011 г. № 22-2815/11, названный пробел в Конвенциях судам Российской Федерации предлагается преодолевать, следуя презумпции (предположению, правилу): при рассмотрении Российским судом вопроса о выдаче осужденного государству, гражданином которого это лицо является, факт не предоставления компетентным органом этого государства решения о невозможности признания приговора, постановленного судом Российской Федерации должен восприниматься, как согласие иностранного государства с приговором, и что назначенное осужденному наказание будет исполнено¹.

Такое понимание факта отсутствия судебного решения иностранного государства может быть ошибочным. Особенно опасно заблуждаться, когда вопрос о выдаче рассматривается в отношении осужденного за экстремизм государству, действия по управлению обществом в котором содержат элементы экстремизма или политическая и экономическая обстановка в государстве не стабильна и высок уровень опасности развития экстремистских течений. Сказанное относится к государствам, на территории которых развернуты экстремистские движения за создание Исламского государства. К государству, использующему экстремистские приемы управления обществом, следует отнести и Украину.

Выход из сложной правовой неопределенности есть, если дополнить п. 2 ст. 471 УПК РФ пунктом «Г» следующего содержания «В передаче лица, осужденного судом Российской Федерации к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого это лицо является, может быть отказано в случаях, если: г). передача осужденного нанесет ущерб суверенитету Российской Федерации, безопасности или публичному порядку.

¹ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Ярославского областного суда от 20 декабря 2011 г. № 22-2815/11 «По кассационной жалобе адвоката Ватутина А.В. на постановление судьи Рыбинского городского суда Ярославской области от 24 октября 2011 г. «Об отказе в удовлетворении представления ФСИН России о передаче для дальнейшего отбывания наказания в ГОСУДАРСТВО осужденного Насирова Э.И.о. // Единая база данных решений судов общей юрисдикции Российской Федерации.

О некоторых направлениях предупреждения экстремистской деятельности

Экстремизм затрагивает основы организации взаимоотношений общества и государства, способствует снижению доверия к власти со стороны населения, а также дестабилизации политической и экономической ситуации в стране. В настоящее время состояние общественной безопасности в Российской Федерации оценивается как нестабильное¹. Это связано, прежде всего, с проникновением экстремистских взглядов и идеологии во все сферы общественной жизни. Так, экстремистская деятельность в различных своих проявлениях проникает в сферу массовой информации. Модными становятся радикальные взгляды, направленные на формирование у молодого поколения склонности к агрессивному способу решения проблем, нигилизму и презрению к достижениям предыдущих поколений. Путем распространения негативной информации заинтересованные организации и отдельные лица могут проводить мероприятия по разрушению национальных исторических ценностей и традиций. Молодое поколение «выпадает» из надежной системы воспитания в духе патриотизма, семейных, моральных и этических традиций. При этом в их сознании освобождается место для заполнения его новой экстремистской идеологией.

Одним из основных направлений распространения экстремистской деятельности является ее пропаганда в информационной сфере. Распространение экстремистских идей в сети Интернет очень выгодно для заинтересованных в ее результате субъектов по следующим причинам:

- на ее реализацию расходуется относительно минимальное количество средств, а, в частности, меньше, чем на пропаганду подобной деятельности в других сферах общественной жизни;
- высокая эффективность, которая связана с достижением значительных результатов в склонении граждан к пропагандируемой идеологии;
- сложность выявления организаторов и исполнителей, так как последние не принимают личного участия в доведении информации до адресата;

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации до 2020 года (утвержд. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 20 ноября 2013 г.) // СПС «Гарант».

- масштабность охвата аудитории, которая предполагает, что любой пользователь сети Интернет или средств массовой информации может ознакомиться с предлагаемой информацией. При этом данная информация отличается от обычной рекламы тем, что при ее подаче адресату «навязываются» цели, которые противоречат интересам государства и общества, в котором адресат живет. Такая информация, как правило, связана с искажением и интерпретацией фактов реальной действительности, направлена на повышение эмоциональной составляющей в осмыслении фактов, что влечет за собой представление о происходящих событиях, выгодное лицам, распространяющим данную информацию. Конечной целью является манипуляция общественным мнением и сознанием.

Существует множество различных методов и способов манипуляции массовым сознанием, применяемых в сфере информации. Так, ряд ученых к наиболее распространенным из них относят следующие:

- внушение;
- перенос частного факта в сферу общего, в систему;
- использование слухов, толкований в неясной политической или социальной ситуации;
- метод под названием «нужны трупы»;
- метод «страшилок»;
- замалчивание одних фактов и выпячивание других;
- метод фрагментации;
- многократные повторы или «метод Геббельса»;
- создание лжесобытий, мистификация¹.

В современных условиях развития информационных технологий и коммуникаций значительно увеличилось и значение средств массовой информации в формировании общественного сознания. Средства массовой информации могут посмотреть на один факт с разных точек зрения, создавая при этом как атмосферу напряженности и неустойчивости, так и атмосферу покоя и умиротворения. Это повышает роль и значение деятельности правоохранительных органов и сети Интернет, а также взаимодействия со средствами массовой информации в целях предупреждения и противодействия экстремистской деятельности. Особое место в этой сфере занимает пропаганда, которая оказывает воздействие не только на эмоциональное состояние, но и на мышление людей.

Различают два вида пропаганды: деструктивную и конструктивную. Их основное различие в цели, достижение которой ставится

¹ Боровая С.А., Гаврилова Т.В., Кач Е.В. Экстремизм в современном обществе: сущность формы проявления, пути противодействия: учебное пособие. М., 2014. С. 89–90.

лицами, ее организующими. Так конструктивная пропаганда осуществляется для достижения положительных целей, в интересах адресатов. Примерами данного вида пропаганды являются повышение благосостояния, патриотические идеи, спортивное и культурное воспитание. Цели же деструктивной пропаганды носят, как правило, негативный характер для государства и общества и связаны с разжиганием социальной, религиозной, этнической ненависти, провокацией различных конфликтов в обществе и т.д. Данный вид пропаганды имеет своей целью поддержку взглядов и интересов пропагандистов и связан с искажением объективной действительности.

Эффективность пропаганды определяется следующими факторами:

- наличием основополагающей идеи выраженной в определенном лозунге;
- простотой понимания данной идеи адресатами;
- соответствующей мотивировкой данной идеи.

С появлением сети Интернет значительно увеличились масштабы распространения пропаганды экстремистской деятельности. Наиболее выгодное положение на локальном и глобальном уровне занимают организации, действующие в сетевом формате.

В некоторых государствах разрабатываются меры противодействия распространению радикальных экстремистских идей в сети Интернет. Создаются специальные системы, предназначенные для отслеживания информации экстремистской направленности или террористической идеологии. Данная информация может быть автоматически перехвачена. Также может осуществляться непрерывное прослушивание всех коммуникационных устройств с применением словарей ключевых слов, фраз, имен, географических названий, что позволяет повысить эффективность взаимодействия спецслужб по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности. Телекоммуникационные центры перехвата информации эффективно препятствуют образованию очагов напряженности, с которыми невозможно справиться демократическими методами¹.

На наш взгляд, противодействие экстремистской деятельности в Интернете должно выражаться в создании более мощного потока конструктивной информации, противостоящей деструктивной экстремистской. Необходимо разъяснять негативность идеологии экстремизма, выдвигать положительные образцы поведения, в рамках чего необходимо использовать Интернет, как универсальное информационное пространство. Предлагается также использовать все

¹ Гаерилова Т.В. Потенциальные формы проявления экстремистской активности в современном обществе // Проблемы формирования толерантного сознания и профилактики терроризма, экстремизма в молодежной среде: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. Орехово-Зуево, 2012. С. 39.

возможности средств массовой информации в создании и проведении информационных кампаний по разъяснению всей пагубности и негативного характера экстремистской деятельности.

Другим направлением предупреждения экстремизма является выявление и пресечение источников его финансирования. Так сотрудниками правоохранительных органов успешно проводятся мероприятия операции по выявлению и противодействию преступной деятельности организованных групп и сообществ, осуществляющих финансирование экстремистских организаций.

Трудности в решении данной задачи связаны, прежде всего, с большой разветвленностью каналов поступления денежных средств в распоряжение экстремистских групп и организаций. Все они, как правило, хорошо законспирированы. Существуют финансовые потоки из иностранных государств. Нередко данные каналы финансирования маскируются под спонсорскую помощь, благотворительные и религиозные организации, фонды помощи. При этом необходимо наладить механизмы взаимодействия между российскими и иностранными правоохранительными органами и специальными службами по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности, а также производить тщательную проверку всех иностранных организаций и фондов, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации.

Распространению экстремистской идеологии также способствует недостаточная упорядоченность миграционных процессов в Российской Федерации, о которой говорят многие ученые¹. В результате создаются и действуют разные этнические группировки, которые перерастают в преступные сообщества.

Таким образом, можно сделать вывод, что предупреждение и профилактика экстремистской деятельности будет эффективной только в случае принятия комплекса мер, включающего в себя своевременное выявление и пресечение пропаганды экстремистских идей в сети Интернет и средствах массовой информации, выявление и прекращение финансирования экстремистской деятельности со стороны заинтересованных лиц и организаций, упорядочивание миграционных процессов на территории нашего государства, а также согласованная совместная работа правоохранительных органов Российской Федерации в данном направлении.

¹ Борисов С.В., Астафьева О.А., Ульянов М.В. Влияние современных миграционных процессов на причинный комплекс преступлений экстремистской направленности // Актуальные проблемы юридической науки и практики: сб. статей / Под ред. Т.Л. Козлова. М., 2013. С. 88—94.

Применение криминалистического метода КТ-исследование трупа, в целях противодействия религиозному экстремизму на Северном Кавказе

В реалиях XXI в. борьба с экстремизмом становится делом не только какой-либо одной, отдельно взятой страны, но и всего мирового сообщества в целом. Из всех типов экстремизма самым опасным в настоящее время является религиозный экстремизм, имеющий своей целью изменение государственного строя и целостности государства. Примерами этого может служить и война развязанная боевиками так называемого «исламского государства» против существующего государственного строя в Сирии, и террористические действия радикальных религиозных группировок на Северном Кавказе, провозгласивших своей целью создание — Имарата Кавказ.

Конституция России гарантирует каждому гражданину нашей страны свободу совести, вероисповедания, право свободно выбирать иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними. В этой связи, пользуясь этими правами и прикрываясь религиозной идеологией, экстремистские группировки пытаются расширить свое влияние на население Республик Кавказа, в том числе путем противопоставления религиозных канонов действующим нормам права.

Сотрудникам СК России, в своей практической деятельности, как при проведении доследственных проверок, так и расследовании уголовных дел связанных с гибелью человека, приходится работать в соприкосновении, как с религиозными канонами, так и с национальными и социокультурными традициями населения. При этом решение тех или иных вопросов следствия, зачастую, вызывает затруднение. Одной из насущных проблем стоящих перед следствием является судебно-медицинское и патологоанатомическое исследование погибших и усопших.

В настоящее время основным и единственным методом как патологоанатомическое, так и судебно-медицинского исследования остается аутопсия — т.е. секционное исследование мертвого тела (трупа). Однако проблема вскрытия (патологоанатомического и судебно-медицинского исследования) трупа в некоторых регионах РФ, ввиду национальных традиций и религиозных канонов, является непреодолимой, что не позволяет сделать объективное заключение о причине

смерти и характере травмы, так как родственники категорически заявляют свои возражения. В этих случаях секционное исследование трупа (аутопсия) не проводится и заключение судебно-медицинского эксперта базируется только на основании визуального осмотра трупа, что вносит значительную долю субъективизма в полноту и обоснованность выводов экспертов о причинах смерти и существенно затрудняет установление объективной истины при расследовании уголовных дел. Особенно остро данная проблема сказывается при работе следственных органов Республик Северного Кавказа.

Религиозная мораль не дает однозначного ответа на вопрос применения аутопсии. Ислам считает эту проблему очень непростой, потому что она связана с нанесением ущерба физической целостности человеческого тела, творенья Всевышнего, требующего уважительного отношения. Кроме того, с точки зрения исламского вероучения предписано хоронить усопших в первый же день после смерти, до захода солнца. Однако аутопсия считается возможной, если она помогает установить истину при расследовании преступлений или производится в интересах науки (взаимосвязь поражений органов и симптомов болезни).

Тем не менее, исламские течения, стоящие на позициях фундаментализма, в своих целях искусственно раздувают противодействие аутопсии среди мусульман, пытаясь поставить приоритет религиозных догм над конституционной законностью.

В этой связи, особую актуальность представляют собой научно-практические разработки инновационных способов посмертного исследования трупа, без использования инвазивных методов, применением наряду с «классической» аутопсией — «виртуальной», проводимой с использованием рентгенологического метода компьютерной томографии (КТ и МСКТ) и 3 D технологий.

В настоящее время, впервые в Российской Федерации, такая работа проводится в инициативном порядке, при взаимодействии сотрудников СК России и Тверского государственного медицинского университета.

Значительным шагом в этом направлении стало заключение Договора о научно-практическом сотрудничестве между Тверским государственным медицинским университетом и Академией Следственного комитета Российской Федерации. В основу Договора положена тема развития инновационных научно-практических разработок посмертного исследования мертвого тела, без использования инвазивных методов — «виртуальная» аутопсия, в криминалистике и судебной медицине, проводимых с использованием рентгенологического метода компьютерной томографии (КТ) и 3 D технологий.

Результаты четырехлетних исследований, позволяют утверждать, что применение метода «виртуальной» аутопсии, позволяет сократить

сроки, повысить качество, научную и доказательственную значимость криминалистических и судебно-медицинских экспертиз трупа.

Актуальность и практическая востребованность метода «виртуальной» аутопсии в нашей стране обусловлена следующими обстоятельствами:

- проблемой с исследованием трупов людей (в том числе умерших в результате насильственной причины смерти) в регионах Российской Федерации, с преобладанием населения мусульманского вероисповедания.
- проблемой объективного подтверждения причины смерти умерших в медицинских учреждениях (в том числе детей).
- проблема оперативного и качественного исследования тел погибших в ходе локальных военных конфликтов, антитеррористических операций и жертв массовых техногенных и природных катастроф, а также идентификации погибших методом КТ-исследования, на основе индивидуальности плотности костной ткани.

Современные визуализационные технологии, в частности КТ и МСКТ характеризуются большой разрешающей способностью и возможностью последующего анализа полученных изображений. Учитывая, что рентгеновская компьютерная томография является неинвазивным методом диагностики, то отпадает необходимость рассечения кожных покровов, повреждения органов. Крайне важным, в данном случае, является деликатное решение этических вопросов, поскольку удастся избежать противоречий с национальными и религиозными традициями.

Принимая во внимание, что проведение КТ-исследования занимает сравнительно короткий промежуток времени (1,5—2 часа), с точки зрения исламского вероучения, применение неинвазивного метода «виртуальной» аутопсии позволяет не затягивать ритуальное захоронение, что очень важно для мусульман. И хотя, в полной мере заменить «традиционную» аутопсию КТ-диагностика пока не может, то в данных случаях она является большим инновационным шагом, по оперативному получению, как следователем, так и экспертом объективной, научно-обоснованной информации для установления объективной истины. Более того, в ряде случаев оно может служить ему альтернативой, когда проведение аутопсии невозможно по ряду национальных или религиозных причин.

В этой связи имеется большая заинтересованность как следственных и судебных органов, так и общественных и религиозных сообществ в Республиках Северного Кавказа, в практической возможности использования метода КТ-исследования «виртуальной» аутопсии в криминалистической и судебно-экспертной практике.

Примером этого является проведение межведомственного совещания по теме: «Возможности применения рентгенологических методов исследования в судебно-медицинской и криминалистической экспертной деятельности» проведенного в сентябре 2014 г. в СУ СК России по Чеченской Республике (далее — ЧР).

В работе данного совещания приняли участие руководители прокуратуры и Верховного Суда ЧР, руководители аппарата Главы ЧР, заместители министра внутренних дел, здравоохранения, судебно-медицинские эксперты, представители муфтията ЧР, а также другие государственные и общественные деятели.

В ходе обсуждения докладов о возможностях применения рентгеновского метода компьютерной томографии при исследовании трупов сделанных авторами статьи, была проведена практическая демонстрация возможностей метода, получаемых при использовании «виртуальной» аутопсии изображений. По результатам обсуждения участниками межведомственного совещания, было высказано общее мнение о научной обоснованности, объективности и информативности результатов КТ-исследования трупов. Кроме того, прокурором и судьями Верховного Суда ЧР отмечено, что метод соответствует действующему уголовно-правовому законодательству, сделанные на его основе судебно-медицинские экспертизы и их выводы являются доказательством по уголовному делу.

Возможности визуализации внутренних органов человеческого тела методом рентгеновской компьютерной томографии, представителями муфтията присутствовавшими на совещании, порядок исследования трупа на КТ-томографе признан соответствующим религиозным нормам шариата, сложившимся национальным и социально-культурным традициям населения Чеченской Республики. Кроме того отмечено, что инициатива следственных органов СК России, по практическому применению методики КТ-исследования усопших в регионах Северного Кавказа, будет способствовать укреплению авторитета государственной власти среди мусульманского населения и снижению влияния экстремистской идеологии, действующей среди радикальных исламистов.

В настоящее время метод «виртуальной» аутопсии используют в практике расследований криминальных случаев смерти и патологоанатомических исследований трупов в Германии, Швейцарии, Франции, Великобритании, США, Израиле и др.

В нашей стране, несмотря на все существующие проблемы, необходимость решения вопроса практического использования метода КТ-исследования трупа в криминалистической и судебно-медицинской практике продиктована реалиями сегодняшнего времени.

Особенности привлечения к ответственности за распространение экстремистских материалов в социальных сетях

Многообразие современных средств коммуникации и способов получения информации, интенсивно развивающаяся сфера сетевого обмена информацией (блоги, форумы, мессенджеры, социальные сети) привело к увеличению масштабов распространения криминальных практик и послужило причиной активизации научных исследований в сфере противодействия экстремизму в информационно-телекоммуникационных сетях.

Несмотря на большое количество публикаций в средствах массовой о привлечении пользователей социальных сетей к уголовной и административной ответственности за распространение экстремистской информации данное направление научных исследований приобрело изотерический характер. Повторяющаяся в исследованиях характеристика «магии Интернета», а именно легкодоступность распространения, поиска и доступа к экстремистским материалам, необходима и востребована. Но вместе с тем, квалификация действий при распространении экстремистских материалов в социальных сетях должна проводиться с учетом нестандартных инструментов обмена информацией (репост, лайк, аватор, девиз, комментариев и т.д.), характеристике которых, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание.

Персонализированные формы виртуальных аналогов личности в социальных сетях¹ становятся все более популярными в России. Измерения активности аудитории сети Интернет за 2014 г. показывают, что ежемесячно к социальным сетям обращается более 90% аудитории сети, в результате 35 млн человек размещают хотя бы одно публичное (общедоступное) сообщение в месяц и оборот личных (адресных) сообщений оценивается в 30 млн². Полагаем, что

¹ Латышева О.В. Веб-среда как пространство формирования диалога между властью и обществом // Известия Тульского университета. 2011. № 3. С. 290.

² Исследование Mail. Ru Group «Исследование аудиторий социальных сетей» по сост. на 24.03.2014. URL: <http://goo.gl/aa1jff>.

характеристики криминального пространства совершения преступлений экстремистской направленности, а именно в сети интернет и применяемые технологии обмена информацией (социальные сети) влияют на их результативность.

Как показывают результаты опроса общественного мнения, самыми востребованными источниками новостей в интернете выступают социальные сети, блоги и форумы, которыми пользовались две трети респондентов от суточной аудитории сети интернет; новостные интернет-ресурсы — две пятых; сайтами государственных СМИ — пятая часть и негосударственных — примерно десятая¹. В этой связи не случаен выбор социальных сетей в качестве инструмента для создания общественного резонанса с негативным окрасом относительно тех или иных событий: распространения ложной информации для распространения призывов к противоправным действиям и оказания давления на политических оппонентов² либо для устранения конкурентов в коммерческой деятельности³.

Наиболее подвержена деструктивному влиянию экстремистской идеологии молодежная среда, поэтому популярные в этой целевой аудитории блоги (социальные сети) используются для распространения идеологии экстремизма⁴ и терроризма⁵. Потребление общедоступной экстремистской информации провоцирует эффект вторичной преступности, то есть совершения новых преступлений экстремистской направленности, в том числе и лицами, не имеющих отношения к предикатному преступлению⁶.

¹ Опрос граждан России «Фондом Общественное мнение»: «Какому источнику информации россияне доверяют больше: телевидению или интернету?» (24.-5.2015). URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet>.

² Приговор Октябрьского районного суда г. Владимира Владимирской области от 23.05.2011 № 1—239/2011 в отношении гр. XXX по ч. 1 ст. 306 УК РФ. URL: <http://goo.gl/KozDcl>.

³ Приговор Свердловского областного суда от 19.02.2013 № 1—3/2013 (1—59/2012) в отношении гр. П1. по п. «Г» ч. 2 ст. 163 УК РФ, и гр. П2 по ч. 5 ст. 33 и п. «Г» ч. 2 ст. 163 УК РФ. URL: <http://goo.gl/NvrFLM>.

⁴ Приговор Белебеевского городского суда Республики Башкортостан от 08.04.2013 № 1—1/2013 (1—89/2012) в отношении гр. И.А.Р. по ч. 1 ст. 282 УК РФ. URL: <http://goo.gl/DiBcUv>; приговор Магасского районного суда Республики Ингушетия от 19.03.2014 № 1—47/2014 в отношении гр. XXX по ч. 1 ст. 282 УК РФ. URL: <http://goo.gl/2XbDma>.

⁵ Приговор Советского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 27.02.2014 № 1—63/2014 в отношении гр. Н.Е.В. по ч. 1 ст. 205.2, ч. 1 ст. 282 УК РФ. URL: <http://goo.gl/0RZSqL>.

⁶ См. подробно: Халиуллина Л.И. Преступления экстремистской направленности: новые угрозы обществу и российской государственности // Евразийский юридический журнал. 2013. № 5 (60). С. 83.

Осложняет выявление и привлечение к ответственности лиц, виновных в распространение экстремистской информации в сети Интернет использованием ими мобильных телефонов, обеспечивающих большую степень анонимности относительно стационарных компьютеров¹.

В социальных сетях используются специфические инструменты обмена информацией, интерпретация в которых умысла на распространение экстремистских материалов, не всегда возможна в однозначной форме. Отметим некоторые из функций обмена информацией в социальных сетях, использование которых является распространенным:

- статус в социальной сети (девиз пользователя, как правило, в верхней части страницы);
- основное изображение владельца социальной сети (avator);
- републикация материалов в общедоступном формате (share, repost);
- выражения отношения к опубликованными другими пользователями материалов в общедоступном формате посредством постановки специальной отметки нажатием клавиши (like, dislike, emotion, reactions);
- комментирование собственных материалов либо опубликованных иными пользователями социальной сети в общедоступном формате и т.д.

Данный перечень не является конечным, так как множество социальных сетей, в том числе вновь создаваемых, обладают частично совпадающим функционалом передачи эмоций (реакции) пользователей на информацию из других источников, способов распространения информации и т.д.

Изображение пользователя социальной сети (avator) представляет собою фотографию, которая по мнению пользователя является наиболее репрезентативным его отображением. Аватор, размещается наиболее доступной для восприятия части страницы в социальной сети, как правило допускается публикация любых графических материалов, в том числе содержащих экстремистскую информацию. Например, фотографии пользователя с татуировкой

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Астрахани Астраханской области от 04.02.2013 № 1—47/2013 (1—834/2012) в отношении гр. XXX по ч. 1 ст. 282 УК РФ. URL: <http://goo.gl/zxTozP>.

на теле, содержащей символы схожие до степени смешения с нацистской свастикой¹.

Републикация представляет собою распространение на собственной странице идентичной копии информации ранее размещенной другим пользователем социальной сети (текст, видео, аудио и т.д.). Особенностью привлечения к ответственности за републикацию экстремистских материалов на собственной странице социальной сети в общедоступном формате является сложившаяся практика привлечения к ответственности лиц, не являющихся авторами экстремистской информации и не размещавших ее первоначально в сети Интернет². Полагаем, что следует уделить внимание следующим аспектам практики привлечения к ответственности за републикацию экстремистским материалам:

Во-первых, помимо задачи распространения публично важных, по мнению владельца страницы социальной сети, материалов функция републикации используется для сохранения полезной и нужной информации. Последнее, как правило, не получает оценки в решениях судов, несмотря аргументацию лиц, привлекаемых к ответственности³.

Во-вторых, представляется дискуссионным привлечение к ответственности за републикацию экстремистских материалов либо размещение ссылок на них, при отсутствии комментария, обозначающего отношение к цитируемому (републикуемому) материалу.

В-третьих, потенциально осложняет правоприменительную практику факты привлечения лиц к ответственности за републикацию экстремистских материалов, когда сам автор, первоначально разместивший их в социальной сети, не привлечен к ответственности.

Наиболее сложным с точки зрения привлечения к ответственности является оценка умысла, если отношение к опубликованным другими пользователями экстремистских материалов в общедоступном формате выражено постановкой специальной отметки нажатием клавиши (like, dislike, emotion, reactions). Ранее в социальных сетях (VK, Odnoklassniki) преобладало использование только кнопки

¹ Решение Верховного суда Республики Адыгея от 11 июня 2015 г. № 7—86 в отношении гр. К., привлеченного к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ постановлением судьи Майкопского районного суда от 14 апреля 2015. URL: <http://goo.gl/xdDvoL>.

² Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 23 января 2014 № 1-54/2014 (1-765/2013) в отношении гр. С.Д.Е. по ч. 1 ст. 282 УК РФ России. URL: <http://goo.gl/8N10qu>

³ Постановление по делу об административном правонарушении Апатитского городского суда Мурманской области от 16 марта 2015 г. № 5-152/2015 в отношении гр. Ш.О.С. по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ. URL: <http://goo.gl/ZZ3HuW>

«like» («нравится»), в других (например, Youtube) присутствуют его антипод «dislike» («не нравится»). Современный тренд в развитии социальных сетей задала социальная сеть Facebook¹, которая значительно расширила перечень эмоций и отношений включив, помимо кнопок «like» и «dislike» большой перечень эмоций (так называемый набор «smile» («улыбок») среди которых есть и изображения с негативными эмоциями)

Несмотря на то, что самостоятельные примеры привлечения к ответственности только за постановку отметки «лайк», нами не обнаружены, но имеют место быть факты привлечения к ответственности за «лайк» в совокупности с публикацией (репостом) экстремистских материалов².

Таким образом, при анализе инструментов обмена информацией в социальных сетях в целях решения вопроса о привлечении лица к ответственности за распространение экстремистских материалов следует тщательно исследовать факты использования таких функций, как аватор, лайк (эмоции), публикация (репост), комментариев и т.д. набор которых будет безусловно расширяться в будущем.

Основную сложность представляет отсутствие возможности однозначно оценить направленность умысла при использовании подобных инструментов. Виртуальная реальность не располагает набором однозначных аналогов инструментов вербальной и невербальной формы обмена информацией, которыми людьми пользуются в реальной действительности. Полагаем, что в качестве дополнительной аргументации правоохранительными органами может быть использовано изучение всей информации на странице социальной сети конкретного пользователя, для того чтобы охарактеризовать его интересы, увлечения и круг его общения, вероятно коррелирующий с опубликованными экстремистскими материалами.

¹ Марк Цукерберг: Facebook готовит кнопку. URL: <http://geektimes.ru/post>.

² См. подробно: постановление Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 21.10.2013 № 5—1148/2013 в отношении гр. Г.Б.Г. по ст. 20.3 КоАП РФ. URL: <http://goo.gl/xP4ZiX>; Осужден активист из Барнаула, поставивший «лайк» под фото с патроном. URL: <http://goo.gl/Y1Y0yV>.

Что русскому хорошо, то немцу смерть: использование термина «этноним» при проведении судебной лингвистической экспертизы

Этническое самосознание как языкового коллектива в целом, так и отдельной личности во все времена фиксировалось вербально, причем в самых разных речевых продуктах: пословицах, поговорках, песнях и даже детских потешках (например, в известной всем «Идет коза рогатая...» зафиксирован сохранившийся в народной памяти этноним *хазар* «козара»).

Термин «этноним» давно и прочно вошел в лингвистическую науку. Этноним обоснованно определяется как номер, существующий для обозначения любого этноса (этнической группы, народа, национальности и т. д.), например: *грузины, финны, украинцы, англичане*¹. Номен — термин особого рода, название (имя существительное), значение которого определяется с достаточно высокой четкостью и место которого в системе подобных наименований закреплено более или менее жестко; термин в ряду себе подобных².

Следовательно, этноним — будучи термином — уже по определению не может быть оскорбительным или ненормативным.

Однако анализ современной судебной практики по делам о противодействии экстремистской деятельности показал, что нередко в текстах решений судов используются выражения «*ненормативные этнонимы*», «*оскорбительные этнонимы*». Появляются они там, конечно, неслучайно: суды цитируют выводы экспертов и специалистов.

Например, в тексте решения Советского районный суд г. Орла по видеоматериалу «Национал- социалист Dog92 о кавказцах» нахо-

¹ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 167—168.

² Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. URL: www.etymolog.ru; Этимология и история слов русского языка. 1998. URL: www.etymolog.ru.

дим: «...в соответствии с заключением лингвистического исследования от (данные изъяты), проведенного специалистом — доцентом кафедры русского языка (данные изъяты) ФИОЗ содержит высказывания уничижительного характера в форме использования языковых единиц инвективного характера, употребленных по отношению к объекту агрессии, а также в форме *использования ненормативных этнонимов, оскорбительных для представителей определенных этнических групп* (выделено мной — Чубина Е.А.)»¹.

Подобные примеры не единичны: Ленинский районный суд г. Орска в качестве доказательства принял проведенное гуманитарно-технологическим институтом текстологическое исследование (возникает вопрос о виде исследования, если вспомнить, что текстология — историко-филологическая дисциплина, предметом которой является установление точного текста исторических документов и литературных произведений), авторы которого пришли к выводу, что «...в данных материалах использованы *оскорбительные этнонимы*, мат, элементы троллинга и кашенизма»².

На наш взгляд, серьезно противоречит принципам научности экспертного исследования распространившаяся в последнее время тенденция устойчивые прозвищные обозначения (нередко — исторически сложившиеся: *хохол, москаль*) называть оскорбительными или ненормативными этнонимами. Современными лингвистами³ предлагаются и другие определения для разговорных, неофициальных наименований таких групп: вторичные этнонимы, этнические прозвища, псевдоэтнонимы, этнодисфемизмы, этнофолизмы, неофициальные этнонимы.

Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что перечисленные номинации с компонентом «этно» к этносу не имеют никакого отношения: неофициальный этноним «чурка» (как его определяют авторы)⁴, представляя собой пренебрежительное название азиата или кавказца, этнонимом не является: азиат и кавказец — это не этносы, поскольку этнос — исторически сложившаяся, ус-

¹ База судебных и нормативных актов РФ. Решение от 13 марта 2015 г. № 2-770/2015 2-770/2015~М-554/2015 М-554/2015 по делу № 2-770/2015 URL: <http://sudact.ru>

² База судебных и нормативных актов РФ. Решение от 20 января 2012 г. № 2-72/2012 по делу № 2-72/2012. URL: <http://sudact.ru>

³ Васильева Н.В. Этнонимы и псевдоэтнонимы: попытка сравнения // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2001. С. 187—188.

⁴ Вепрева И.Т., Купина Н.А. Тревожная лексика текущего времени: неофициальные этнонимы в функции актуальных слов // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 43—50.

тойчивая общность людей, отвечающая условиям: общность территории и языка.

Таким образом, в текстах, которые становятся объектами лингвистического исследования по делам о противодействии экстремистской деятельности, часто функционируют не собственно этнонимы, а устойчивые прозвищные обозначения групп населения. Называть их новыми этнонимами¹ мы бы не стали. Как справедливо отмечала в свое время А.В. Суперанская, говоря о групповых прозвищах, их нельзя относить к этнонимии. «Как и этнонимы, они употребляются в формах единственного и множественного числа мужского и женского рода, но в отличие от последних даются таким коллективам, которые не обладают этнической обособленностью»².

¹ Степанова Н.Г. Этнические прозвища как показатели развития межэтнических отношений // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2007. № 36. С.139—141.

² Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. 1973. С. 205—209.

Сведения об авторах

Бастрыкин Александр Иванович — Председатель Следственного комитета Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал-полковник юстиции.

Багмет Анатолий Михайлович — исполняющий обязанности ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции.

Алехин Дмитрий Владимирович — доцент кафедры криминалистики Академии СК России, кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции.

Алехин Егор Владимирович — командир взвода факультета «Юриспруденция» Дальневосточного юридического института МВД России, капитан полиции.

Алиференко Вера Васильевна — старший следователь Перовского межрайонного следственного отдела следственного управления по Восточному административному округу Главного следственного управления СК России по городу Москве, майор юстиции.

Анищенко Владимир Николаевич — профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор.

Антонов Олег Юрьевич — старший помощник руководителя СУ СК России по Удмуртской Республике (по информационно-статистическому обеспечению), Заслуженный юрист Удмуртской Республики, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Балацкий Денис Юрьевич — доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Дальневосточного института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХИГС).

Богатырев Сергей Индрисович — заведующий кафедрой экономической безопасности Института комплексной безопасности и специального приборостроения Московского государственного университета информационных технологий, радиотехники и электроники.

Бодунова Ольга Георгиевна — доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук.

Бычков Василий Васильевич — ученый секретарь Академии СК России, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Валькова Татьяна Владимировна — начальник кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Влащенко Артур Олегович — оперуполномоченный 9 отдела БСТМ ГУ МВД России по СПб и ЛО, старший лейтенант полиции.

Волынский Александр Фомич — профессор Московского университета МВД России, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.

Гамалей Софья Юрьевна — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Глушков Александр Иванович — заведующий кафедрой права Московского педагогического государственного университета, Почетный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Головко Нонна Владимировна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы, кандидат юридических наук.

Гордеев Никита Сергеевич — аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии.

Гришина Екатерина Павловна — доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, кандидат юридических наук, доцент.

Дашков Геннадий Владимирович — профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор.

Дорошков Владимир Васильевич — член-корреспондент РАО, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.

Ермолович Ярослав Николаевич — докторант кафедры уголовного права Военного университета, кандидат юридических наук, майор юстиции.

Загрядская Екатерина Александровна — доцент кафедры уголовного права Четвертого факультета повышения квалификации (г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации Академии СК России, подполковник юстиции.

Иванов Андрей Львович — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Академии СК России, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Изосимов Вадим Сергеевич — старший преподаватель кафедры уголовного права Четвертого факультета повышения квалификации (г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации Академии СК России, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.

Ильин Алексей Евгеньевич — докторант Нижегородской Академии МВД России (г. Нижний Новгород), кандидат психологических наук.

Ильин Игорь Вячеславович — заведующий кафедрой уголовного права Четвертого факультета повышения квалификации (г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации Академии СК России, доктор юридических наук, доцент.

Исмагулов Кайрат Еслямкалиевич — старший научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и судебной экспертизы Института законодательства Республики Казахстан (г. Астана), кандидат юридических наук.

Карепанов Николай Васильевич — доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент.

Ким Евгений Петрович — заведующий кафедрой уголовного права Пятого факультета повышения квалификации (г. Хабаровск) Института повышения квалификации Академии СК России, доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции.

Киселев Евгений Александрович — заведующий криминалистической лабораторией Пятого факультета повышения квалификации (г. Хабаровск) Института повышения квалификации Академии СК России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

Косарев Максим Николаевич — доцент кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Косарева Людмила Викторовна — государственный советник Управления делами Президента Российской Федерации, старший лейтенант Вооруженных сил.

Костенко Константин Анатольевич — заведующий кафедрой уголовного процесса Пятого факультета повышения квалификации (г. Хабаровск) Института повышения квалификации Академии СК России, полковник юстиции.

Литвишко Петр Андреевич — руководитель отдела международного сотрудничества управления международно-правового сотрудничества СК России, Почетный работник Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Лучихина Анастасия Павловна — преподаватель цикла общепрофессиональных и профессионально-специализированных дисциплин Центра профессиональной подготовки МВД России по Удмуртской Республике, майор полиции.

Макогон Ирина Викторовна — доцент кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Мацкевич Оксана Валерьевна — заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Академии СК России, кандидат юридических наук, доцент, лейтенант юстиции.

Мирзоев Гасан Борисович — ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.

Мишенина Алла Александровна — заведующий кафедрой уголовного процесса Четвертого факультета повышения квалификации (г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации Академии СК России, подполковник юстиции.

Никитин Евгений Владимирович — доцент кафедры правоохранительной деятельности Факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), кандидат юридических наук.

Перов Валерий Александрович — старший преподаватель лаборатории по управлению профессиональными знаниями следствия Академии СК России, капитан юстиции.

Прорвич Владимир Антонович — главный судебный эксперт Некоммерческого партнерства «Коллегия судебных экспертов», доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор.

Решняк Мария Генриховна — заместитель заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Почетный доктор наук РАЕ, подполковник в отставке, член Международной полицейской ассоциации, кандидат юридических наук, доцент.

Родионова Юлия Викторовна — доцент кафедры уголовного процесса Четвертого факультета повышения квалификации (г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации Академии СК России, кандидат политических наук.

Розовская Татьяна Игоревна — заведующий кафедрой уголовного права Шестого факультета повышения квалификации (г. Санкт-Петербург) Института повышения квалификации Академии СК России, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Савин Павел Тимурович — доцент кафедры уголовного права и криминологии Академии СК России, кандидат юридических наук.

Саюшкина Елена Владимировна — аспирантка кафедры уголовного права и процесса Оренбургского государственного аграрного университета.

Сергеев Андрей Борисович — заведующий кафедрой уголовного процесса и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Солодовник Вячеслав Викторович — преподаватель кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции.

Стрелков Андрей Анатольевич — старший инспектор Главного управления обеспечения деятельности СК России, Почетный работник Следственного комитета при прокуратуре РФ, полковник юстиции; аспирант Академии СК России.

Суровенко Инна Алексеевна — доцент кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, полковник полиции.

Халиуллина Ляля Ильфатовна — адъюнкт Академии управления МВД России.

Чубина Елена Александровна — доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат педагогических наук, доцент.

Шувалова Анастасия Михайловна — старший преподаватель кафедры криминалистики Четвертого факультета повышения квалификации (г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации Академии СК России.

Янин Дмитрий Геннадьевич — адвокат (г. Челябинск).

Содержание

Бастрыкин А.И. Угрозы экстремизма в России и роль Следственного комитета Российской Федерации в противодействии экстремизму	3
Багмет А.М. Следственный комитет Российской Федерации как авангард борьбы с экстремизмом в России	14
Алехин Д.В., Алехин Е.В. О практике использования специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности	18
Алиференко В.В. Возможности использования информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами при расследовании преступлений экстремистской направленности	26.
Анищенко В.Н., Богатырев С.И. Международные правовые аспекты противодействия финансированию терроризма как специфической формы экстремистских проявлений	31
Антонов О.Ю., Лучихина А.П. К вопросу о квалификации преступлений по ст. 280 и 282 УК РФ	37
Беспаликов Д.В. Преступления экстремистской направленности: вопросы правопонимания	42
Бодунова О.Г., Суровенко И.А. Правоохранительные органы по противодействию терроризму во второй половине XIX века в Российской империи (историко-правовой аспект)	47
Бойцов Ю.М., Алексеев С.А. Криминалистическая характеристика кибертерроризма националистов, фашистов, экстремистов. Первоначальные следственные и организационные действия	55
Бычков В.В. Особенности производства допросов при расследовании преступлений экстремистской направленности	60
Бычков В.В., Литвишко П.А. Идентификация по татуировкам участников уголовного процесса при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности: зарубежный опыт	65
Валькова Т.В. Правовая основа и направления сотрудничества при расследовании международного терроризма	70
Валькова Т.В., Суровенко И.А. Международный терроризм и отдельные аспекты взаимодействия с иностранными правоохранительными органами при расследовании данной категории преступлений	74

Валькова Т.В., Суровенко И.А., Влащенко А.О. Вопросы национального и международного права в противодействии экстремистским преступлениям в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет	79
Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Особенности выявления и расследования экономических преступлений, провоцирующих проявления экстремизма	84
Глушков А.И., Головкин Н.В. Роль международного законодательства и решений Верховного Суда России в противодействии преступности экстремистской направленности	93
Гордеев Н.С. Международно-правовые основы совершенствования законодательства о противодействии распространению экстремистских материалов	98
Гришина Е.П. Влияние международных актов на формирование российского законодательства о борьбе с экстремизмом	103
Дашков Г.В. Российские и зарубежные концепции преодоления межнациональных конфликтов	107
Дорошков В.В. Принцип разумного сочетания национального и международного права в противодействии экстремистским преступлениям	113
Ермолович Я.Н. Соотношение международного уголовного права и российского уголовного законодательства при квалификации преступлений, совершаемых военнослужащими	120
Заградская Е.А., Изосимов В.С. К вопросу о понятии экстремистского сообщества	126
Иванов А.Л. Практические вопросы квалификации «экстремистского» убийства (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ)	131
Ильин И.В., Ильин А.Е., Шувалова А.М. Международный опыт организации деятельности по подрыву экономических основ экстремистских и террористических группировок	135
Исмагулов К.Е. Религиозный экстремизм как угроза общественной безопасности	139
Карепанов Н.В. Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности и соотношение следов с понятием предмета доказывания	144
Ким Е.П., Гамалей С.Ю. Некоторые особенности противодействия экстремизма в Дальневосточном регионе (исторический аспект)	149
Киселев Е.А., Балацкий Д.Ю. Определение понятия «экстремизм»: вопросы теории и практики	153

Костенко К.А. К вопросу о некоторых исторических аспектах становления законодательства о противодействии экстремизму в России	159
Макогон И.В., Косарева Л.В. Экстремистская преступность и ее особенности	164
Мацкевич О.В. Проявления экстремизма в сфере трудового права	169
Мирзоев Г.Б. О совершенствовании правовых мер по противодействию экстремистским преступлениям	174
Никитин Е.В., Косарев М.Н. Об имплементации в уголовное законодательство России международных правовых норм, направленных на усиление борьбы с экстремизмом	182
Перов В.А. Псевдорелигиозный экстремизм и методы противодействия	187
Решняк М.Г. К вопросу о территориальном и темпоральном действии уголовного закона в отношении преступлений террористической и экстремистской направленности	191
Родионова Ю.В., Мишенина А.А. Современное состояние и тенденции развития экстремизма	196
Розовская Т.И. Проблемы уголовно-правовой оценки последствий террористического акта	201
Савин П.Т. Политика, терроризм, преступление агрессии	204
Саюшкина Е.В. Особенности реализации добровольного соглашения о сотрудничестве при расследовании преступлений экстремистской направленности	208
Сергеев А.Б., Янин Д.Г. Один из аспектов соотношения международного и национального права по вопросу передачи лица, осужденного судом Российской Федерации за экстремизм, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является	212
Солодовник В.В. О некоторых направлениях предупреждения экстремистской деятельности	216
Стрелков А.А. Применение криминалистического метода КТ-исследование трупа, в целях противодействия религиозному экстремизму на Северном Кавказе	220
Халиуллина Л.И. Особенности привлечения к ответственности за распространение экстремистских материалов в социальных сетях	224
Чубина Е.А. Что русскому хорошо, то немцу смерть: использование термина «этноним» при проведении судебной лингвистической экспертизы	229
Сведения об авторах	232

Материалы конференции

**Соотношение
национального и международного права
по противодействию
национализму, фашизму и другим
экстремистским преступлениям**

Авторская редакция

Оригинал-макет *М.А. Бакаян*

Оформление художника *А.П. Яковлева*

Подписано в печать 18.11.2015 (с готовых ps-файлов)

Изд. № 2594

Формат 60×90 1/16

Бумага офсетная

Гарнитура *PragmaticaCondCTT*

Усл. печ. л. 15,0

Тираж 500 экз.

Заказ

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА»

Генеральный директор *В.Н. Закаидзе*

123298, Москва, ул. Ирины Левченко, 1

Тел.: 8-499-740-60-15

Тел./факс: 8-499-740-60-14

E-mail: unity@unity-dana.ru

www.unity-dana.ru

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»

105066, Москва, ул. Новорязанская, д. 38, стр. 1, пом. IV